

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА:
ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ
И РЕВЕРБАЛИЗАЦИИ**

Монография

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2019

УДК 81'25
ББК 81.18
Я41

Авторы:

*Е.А. Алексеева, В.В. Корнева, О.Б. Полянчук,
К.М. Шилихина, Н.А. Фененко*

Рецензенты:

*доктор филологических наук, профессор И.В. Скуратов,
доктор филологических наук, профессор О.О. Борискина*

**Языковая картина мира : особенности вербализации
и ревербализации : монография / Е.А. Алексеева, В.В. Кор-
нева, О.Б. Полянчук, К.М. Шилихина, Н.А. Фененко ; Воро-
нежский государственный университет. – Воронеж : Изда-
ТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВГУ, 2019. – 142 с.**

ISBN 978-5-9273-2937-3

В центре внимания авторов монографии находятся проблемы языковой картины мира, связанные с ее моделированием и ретрансляцией в процессе перевода с учетом номинативно-дискурсивных и жанрово-стилистических особенностей текстов. Анализируются вопросы вербализации отдельных фрагментов языковой картины, выделяются ее семантические доминанты, маркеры метакоммуникативной рефлексии, выявляется специфика воссоздания в переводе индивидуально-авторской картины мира, а также рассматриваются вопросы концептуального характера, в числе которых выбор стратегии перевода.

Исследования выполнены в русле актуальных научных парадигм с привлечением разнообразных методов анализа, репрезентативных эмпирических материалов, что обеспечивает достоверность и новизну сделанных авторами выводов и открывает перспективы для дальнейшего изучения проблем языковой картины мира, особенностей ее вербализации средствами конкретного языка и ревербализации с помощью средств переводящего языка.

Монография адресована широкому кругу читателей, интересующихся проблемами языковой номинации, межъязыковой реноминации, стратегии перевода художественных текстов.

УДК 81'25
ББК 81.18

ISBN 978-5-9273-2937-3

© Воронежский государственный
университет, 2019
© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2019

Содержание

Введение	4
Глава 1. Переводческие текстовые стратегии.....	16
Глава 2. Семантические доминанты испанской языковой картины мира и проблемы перевода	33
Глава 3. Особенности перевода комплексного знака как отражение художественной картины мира (на материале романа Э. Базена «Змея в кулаке»).....	72
Глава 4. Маркеры метакоммуникативной рефлексии говорящего в переводе	114

ВВЕДЕНИЕ

В основу предлагаемой вниманию читателя коллективной монографии положены материалы выступлений, представленных учеными факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета (ВГУ) на международной научно-практической конференции «Языковая картина мира в зеркале перевода». Она проходила с 12 по 15 декабря 2018 года и была организована ВГУ совместно с культурным отделом посольства Франции в России, при участии Парижской высшей школы переводчиков ESIT. Конференция была посвящена 25-летию сотрудничества ВГУ с вузами Франции (Парижской высшей школой переводчиков – ESIT и Национальным институтом восточных языков и культур – INALCO) и продолжила традиционно разрабатываемую в русле этого сотрудничества тематику взаимосвязи языка и культуры в процессе перевода.

В центре внимания участников конференции находились проблемы языковой картины мира, понимаемой как совокупность воплощенных в языке знаний о мире, проблемы ее моделирования и ретрансляции в процессе перевода с учетом жанрово-стилистических и номинативно-дискурсивных особенностей текстов. Анализировались проблемы, носящие интегративный характер и касающиеся, например, возможностей воссоздания в переводе индивидуально-авторской (художественной) картины мира, лакунизации и делакунизации текста, выбора переводческих стратегий, а также более частные вопросы «реконструкции» отдельных фрагментов языковой картины мира: неологизмов, антропонимов, жаргонизмов, специальной терминологии различных наук.

В монографию вошли материалы, рекомендованные оргкомитетом конференции, исходя из критериев оригинальности разрабатываемого автором подхода, теоретической значимости и новизны полученных результатов.

Автор первой главы «Переводческие текстовые стратегии» – доктор филологических наук, профессор Елена Альбертовна Алексеева. Успешно сочетая богатый опыт педагогической, ис-

следовательской и практической переводческой деятельности, Е.А.Алексеева стремится разработать собственный подход к общеметодологическим проблемам перевода, связанным с поиском и совершенствованием путей достижения эквивалентности оригинального и переводного текстов.

В написанной автором главе монографии исследуется процесс перевода на основе интерпретации специфики исходного текста в ее преломлении к задаче последующего перевода данного текста на другой язык и, следовательно, его трансляции в иную культуру. В связи с этим текстовые стратегии анализируются в их взаимосвязи и «пересечении» с переводческими стратегиями, что позволяет отразить специфику оригинальной вербально-оформленной информации и особенности деятельности переводчика при решении задачи ее трансляции в инокультурную сферу.

В первых разделах главы рассматриваются существующие подходы к изучению текста с акцентом на текстовые/дискурсивные общие и частные переводческие стратегии. В третьем разделе описываются параметры предлагаемого автором понятия «переводческие текстовые стратегии», в рамках которого выделяются *порождающая и воссоздающая* стратегии.

Проведенное исследование позволило автору сделать ряд наблюдений, представляющих несомненную значимость как с точки зрения анализируемой проблемы, так и проблематики общей теории перевода в целом.

Традиционно текстовые/дискурсивные стратегии изучаются применительно к произведениям, созданным в рамках монологичной коммуникации, хотя многие из них переводятся на другие языки и существуют самостоятельно, независимо от судьбы оригинала. Вследствие этого, считает автор, переводные тексты могут быть интерпретированы как элементы переводного дискурса, создаваемые в ходе переводческой деятельности для функционирования в инокультуре. Наличие переводного дискурса с необходимостью влечет за собой исследование закономерностей и стратегий, на основе которых он создается переводчиками, независимо от условий коммуникации, временной и прагматичес-

кой обусловленности, жанровой принадлежности, используемых языковых комбинаций.

Понятие переводческой текстовой стратегии в той интерпретации, которую предлагает автор, включает в себя весь комплекс традиционно выделяемых характеристик текста и позволяет объяснить полный цикл работы над текстом – от понимания его внутреннего устройства и функционирования в своей культурной среде до его перевыражения (ревербализации) с целью переноса в инокультурное пространство. При этом в рамках переводческих текстовых стратегий целесообразно выделять *порождающую и воссоздающую* стратегии, характеристики которых описаны в данном исследовании с учетом положений французской переводоведческой концепции, известной как интерпретативная теория перевода.

Порождающая стратегия является собственно текстовой, имеет содержательно-интерпретирующий характер, учитывает активную роль автора и читателя в создании и восприятии текста. Данная стратегия формирует такой подход к тексту, который оказывается релевантным для последующей переводческой деятельности в отношении этого текста.

Воссоздающая стратегия, понимаемая как собственно переводческая, является содержательно-реституирующей, включает в себя такие операции, как понимание, девербализация и ревербализация, позволяющие дать максимально полную возможность для создания удачного перевода.

Таким образом, предложенное понятие переводческой текстовой стратегии позволяет установить механизм создания переведенного текста как объекта двуязычной коммуникации на основе учета его особенностей как объекта одноязычной коммуникации и открывает перспективы для дальнейшего исследования в плане уточнения классификаций порождающей и воссоздающей стратегий.

Вторая глава монографии «Семантические доминанты испанской языковой картины мира и проблемы перевода» (автор: доктор филологических наук, профессор Валентина Владимировна Корнева) посвящена анализу особенностей структури-

рования языковой картины мира путем выделения ее семантических доминант, в том понимании, в котором данный термин представлен в работах Е.В. Падучевой.

Продуктивно и творчески разрабатывая данную проблему на материале испанского языка, В.В. Корнева подчеркивает, что семантические доминанты есть, прежде всего, отражение ментальности этноса, присущих ему культурно специфических особенностей репрезентации действительности в единицах языка. Это проявляется, прежде всего, в этноспецифическом выборе определенного ракурса при концептуализации и категоризации предметов и явлений объективной действительности, закреплённом в различных структурах и единицах языка. Для испанского языка наиболее значимыми оказываются параметры «вверху – внизу» и «внутри – снаружи», которые можно рассматривать в качестве семантических доминант испанской языковой картины мира – тех «наиболее разработанных» или «акцентированных» (с точки зрения другой лингвокультуры) участков концептуальной сферы, которые по-разному отражаются в языке.

В результате тщательно проведенного детального анализа семантики и функционирования вертикально ориентированных лексем разных частей речи (прилагательных *alto* и *bajo*, наречий *arriba* и *abajo*, предлогов *sobre* и *bajo* и их синонимов предлогов *en*, *encima de* и *debajo de*) автор формулирует серию выводов, которые убедительно доказывают, сколь велика роль параметров «вверху – внизу» в формировании испанской картины мира, что позволяет с полным основанием считать их семантическими доминантами. Особо отметим сформулированное автором положение о том, что наряду с прототипическим обозначением физического пространства, вертикально ориентированные лексемы широко представлены в самых разных семантических сферах. При этом влияние параметров «вверху – внизу» проявляется:

– в экспансии вертикали для обозначения значения горизонтали (в частности, для выражения таких значений, как значение удаленности, перемещения туда и обратно, хаотичного перемещения и др.);

– в широком использовании лексем данной семантики для обозначения времени (в их числе значения временной удаленности, приблизительного указания на время и др.); значения повторяемости действия; количества (большого или незначительного; приблизительного); качества (выше / ниже нормы); аксиологической оценки «хорошо – плохо»;

– в формировании этноспецифических конструкций ориентирования;

– в развитии многозначности вертикально ориентированных лексем разных частей речи;

– в их большом словообразовательном и фразеобразовательном функциональном потенциале;

– в частотности употребления.

В данной главе также подчеркивается, что влияние выделенных семантических доминант в испанской языковой картине мира проявляется по-разному. В частности, оно проявляется в частотности употребления и номинативной плотности лексем соответствующей семантики, в этноспецифическом развитии их многозначности, в их широкой сочетаемости, высокой фразеоспособности и богатом функциональном потенциале. Одним из проявлений этого потенциала является наличие в испанском языке специфических синтаксических конструкций и разных дискурсивных стратегий, не имеющих буквального аналога в других языках. Другим, не менее важным их проявлением автор считает наличие тесных связей параметров пространства «вверху – внизу» и «внутри – снаружи» с самыми разными формами бытия, касающимися жизни и деятельности как отдельного человека, так и социума в целом, что доказывает их приоритетность в категоризации и концептуализации окружающей действительности, а также в конструировании испанской языковой картины мира в целом. Тем самым подтверждается справедливость мнения ученых о том, что у каждого народа есть своя система образов и свои когнитивные схемы, а ключевая роль в этой системе образов и когнитивных схем принадлежит семантическим доминантам.

Заключение, к которому приходит автор, состоит в том, что само понятие семантических доминант должно пониматься в более широком плане, включая в себя не только «разработанные», «акцентированные», с точки зрения другой лингвокультуры участки концептуальной и языковой картины мира, но и сам механизм их формирования. Однако, поскольку семантические доминанты не осознаются носителями языка и выявляются только на фоне другой лингвокультуры, они тесно связаны с понятиями переводимости и непереводимости как важнейшими категориями теории перевода. Следовательно, их рассмотрение в аспекте перевода может оказаться весьма продуктивным.

Третья глава монографии «Особенности перевода комплексного знака как отражение художественной картины мира (на материале романа Э. Базена «Змея в кулаке»)» написана доктором филологических наук, доцентом Ольгой Борисовной Полянчук, работы которой в области словообразования французского языка хорошо известны специалистам по романскому языкознанию. Этот раздел монографии посвящен анализу системных закономерностей моделирования художественной картины мира средствами перевода на материале романа Э. Базена «Змея в кулаке» в переводе Н. Немчиновой.

В основе предлагаемой автором концепции лежит положение о том, что художественный текст и переводческие аспекты его интерпретации должны рассматриваться в тесной связи с изучением формирующего его концептуального пространства, что предполагает необходимость разработки комплексного подхода к анализу художественной картины мира. Такой подход предполагает необходимость учета взаимосвязи когнитивного, экстралингвистического, лингвистического (словообразовательного и семантического), а также переводоведческого аспектов. В русле подобного подхода, постулируемого концептуально, но не имеющего до настоящего времени сформированной модели целостного анализа текста, разработанной методики ее выявления и инструментария для ее описания, актуальным представляется рассмотрение отдельных языковых элементов конкретного тек-

ста с целью поиска алгоритма их репрезентации в переводе. В качестве такого «отдельного» элемента автор выбирает комплексный знак, на примере которого прослеживает, как отражаются взаимосвязи когнитивного и вербального уровней в процессе перевода с французского языка на русский. Речь идет о комплексных знаках с семантикой «отрицания» (с отрицательными префиксами), участвующих в передаче авторского концепта, определяющего специфику трилогии «Семья Резо» и, в том числе, исследуемой в данной главе монографии первой части трилогии – романа «Змея в кулаке»: концепт-оппозиция «Герой – окружающий мир» и соответствующие микроконцепты-оппозиции. В этом случае перевод выступает «зеркалом», которое отражает системные процессы, происходящие в языке, а модели семантической деривации, лежащие в основе развития многозначности и, соответственно, определяющие их когнитивные структуры, – маркерами и верификаторами системного влияния на алгоритмы перевода изучаемых языковых средств.

Такое направление исследования переводческих средств тесно связано не только с учетом многослойной структуры авторского концепта, но и с теорией концептуальной интеграции, что позволяет осветить новые аспекты моделирования картины мира.

Намеченные автором цели и задачи направлены на изучение способов перевода на русский язык ряда префиксальных французских слов (комплексных знаков) разной степени идиоматичности, определение взаимосвязи между их параметрами разного характера в тексте оригинала и перевода, выявление особенностей когнитивного моделирования комплексного знака и специфику ее проявления на вербальном уровне при переводе. В процессе их решения автор использует целый спектр научных методов (метод когнитивно-матричного анализа, метод компонентного и дефиниционного анализа, метод контекстуального анализа, метод сопоставления словарных дефиниций, словообразовательный и текстовый анализ, когнитивно-дискурсивный анализ), корректное использование которых доказывает, что модель концептуальной деривации, лежащая в основе мо-

дели семантической деривации при развитии полисемии комплексным знаком, определяет системным образом модель перевода анализируемой единицы. При этом разграничиваются модели перевода, отражающие сходные и различные в исследуемых языках когнитивные механизмы.

Другие, не менее интересные, выводы сводятся к следующему.

Художественная картина мира, представленная в тексте оригинала, отображается в тексте перевода системным образом. Выявляются две возможности интерпретации художественной картины мира, воспроизводимые средствами комплексного знака: а) интерпретация, основанная на единых когнитивных механизмах, когнитивных константах, свойственных человеческому сознанию в целом (фрейминг), и б) интерпретация, базирующаяся на таких когнитивных механизмах, как инференция, позволяющая переводчику «вытягивать» из концептуального пространства исходного текста закодированную в нем имплицитную информацию.

Словообразовательные средства играют важную роль в актуализации основных концептов-элементов романа Э. Базена «Змея в кулаке», демонстрируя связь с вариантами концептуальной доминанты, отражающей основную концепт-оппозицию романа «герой – окружающий мир», а также взаимосвязь между типом микроконцепта-оппозиции и моделью перевода, при реализации которой наблюдается большая или меньшая степень инференции.

Концептуальные признаки, имплицированные в художественном тексте, не всегда передаются соответствующими языковыми средствами. Тем не менее, концептуальная структура художественного текста предполагает их восприятие получателем текста. В процессе ретрансляции текста с помощью средств языка перевода возникает необходимость экстерииоризации скрытых признаков концепта, что нередко достигается при переводе изменением когнитивных фреймовых структур (рефреймингом) и может, в частности, проявляться в замене процессов концептуальной интеграции по принципу «диссоциация → ассоциация».

Когнитивные механизмы, определяющие процесс развития полисемии на базе комплексного знака на вербальном уровне, си-

стемным образом коррелируют с когнитивными механизмами, детерминирующими модель перевода. В частности, при наличии сильных позиций концептуализируемых признаков, соответствующих словообразовательным формантам, при сохранении двух фокусов когнитивные механизмы, определяющие словообразовательную или семантическую модель (при развитии полисемии на базе комплексного знака) в процессе создания текста исходного языка, в полной мере соответствуют когнитивным механизмам, задействованным в процессе перевода. При наличии сильной позиции одного из концептуализируемых признаков и слабой позиции другого модель концептуальной деривации, определяющая модель семантической деривации на базе комплексного знака, индуцирует на вербальном уровне процесс семантического дефокусирования и развитие полисемии по второму типу. В этом случае когнитивные механизмы, «включающиеся» в процессе перевода, могут также быть аналогичными соответствующим когнитивным механизмам, структурирующим текст оригинала. Такое явление автор определяет как фрейминг и выделяет в процессе исследования три его разновидности: сохранение словообразовательной структуры при переводе, синтаксическое развертывание комплексного знака (отсутствие семантического дефокусирования) и переосмысление комплексного знака на базе когнитивной схемы, аналогичной той, которая используется при переводе (с семантическим дефокусированием по модели результата). Однако при наличии сильной позиции одного из концептуализируемых признаков и слабой позиции другого присутствует возможность рефрейминга, что выражается в выборе переводчиком другой модели концептуальной интеграции признаков концептов, стоящих за составляющими комплексного знака. Актуализация такой когнитивной модели связана с эксплицированием тех признаков концепта, которые, безусловно, присутствовали в сознании носителя исходного языка, но не «всплывали» до тех пор, пока в этом не возникла необходимость (при переводе). Таким признаком чаще всего оказывается «результат».

Четвертая глава монографии «Маркеры метакоммуникативной рефлексии говорящего в переводе» написана доктором филологических наук, доцентом Ксенией Михайловной Шилихиной, известным в нашей стране и за рубежом специалистом в области теоретической и прикладной лингвистики, автором работ по исследованию методом корпусной лингвистики различных жанров политического дискурса и интернет-коммуникации.

Ее глава посвящена вопросам использования маркеров метакоммуникативной рефлексии говорящего в высказывании, специфики функционирования таких единиц в дискурсе, затрагивается проблема перевода этих единиц в художественных текстах. Материалом исследования стали данные параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) – переводы с русского на английский и немецкий языки, а также русские переводы английских и немецких текстов. Большая часть контекстов – это художественные нарративы или мемуарная проза, т.е. тексты, в отличие от научных и публицистических текстов, говорящий (повествователь или персонаж) присутствует эксплицитно и имеет возможность оценить и прокомментировать собственную речь.

В основе исследования К.М. Шилихиной лежит положение о том, что маркеры метакоммуникативной рефлексии (или рефлексивы) представляют собой, по выражению И.Т. Вепревой, «метаязыковые комментарии по поводу употребления актуальной единицы в естественной речи». Они могут рассматриваться как единицы высказывания, выполняющие две основные функции, а именно: 1) отражают контроль говорящего за формальной и содержательной сторонами собственной речи (как устной, так и письменной); 2) регулируют процесс понимания, выступая в качестве показателей существующих в рамках определенной культуры прагматических конвенций.

В первом разделе главы анализируются понятие метакоммуникативной рефлексии и способы ее маркирования в переводе. Второй раздел посвящен проблеме перевода дискурсивных единиц и анализу переводческих стратегий, которые используются

при передаче прагматической информации, связанной с оценкой говорящим собственного высказывания. Третий раздел затрагивает проблему вариативности переводов маркеров метакоммуникативной рефлексии говорящего.

Проведенный анализ позволил автору сделать несколько выводов концептуального характера, среди которых отметим следующие.

Контексты НКРЯ подтверждают мысль о том, что метакоммуникативная рефлексия говорящего может быть связана с потребностью оценить выбранную форму выражения мысли, необходимостью маркировать изменение способа оформления высказывания, а также желанием сделать акцент на повторном выражении мысли другим, более точным либо более образным способом.

Дискурсивные маркеры могут служить диагностическими единицами для изучения прагматических конвенций определенной культуры: их использование отражает представление носителей языка о том, как должен быть структурирован дискурс, каким образом регулируются взаимоотношения между говорящим и слушающим, как говорящий может управлять процессом понимания. На это указывают частые случаи появления маркеров рефлексии говорящего в русских переводах при их отсутствии в английских и немецких оригиналах: можно предположить, что русская коммуникативная культура более рефлексивна, поэтому в повествовании или в устной речи существует особая потребность в эксплицитном комментировании говорящим собственных высказываний. Поэтому переводчик может (осознанно или неосознанно) прибегать к стратегии экспликации, стремясь объяснить читателю интенцию персонажа или повествователя. Вторая причина – возможность использования этих единиц для перехода к свободному косвенному дискурсу. Как эгоцентрики такие дискурсивные маркеры позволяют менять режим речи, делая повествование более полифоничным.

Обращение к проблеме перевода дискурсивных маркеров позволяет выявить основные стратегии перевода дискурсивов: в большинстве случаев рефлексивы переводятся с помощью кон-

венционального эквивалента либо дословно, причем второй вариант, сохраняя форму оригинала, может для читателя переводного текста выглядеть несколько искусственно. В тех случаях, когда рефлексив не переводится, компонент оценки говорящим собственной речи оказывается утраченным.

И, наконец, в силу своей полифункциональности и зависимости от контекста, метакоммуникативные маркеры демонстрируют наличие большего количества переводных эквивалентов по сравнению с другими языковыми единицами, что требует отражения в лексикографических описаниях дискурсивных единиц.

Подводя итоги краткого обзора структуры и содержания монографии, отметим, что представленные в ней исследования выполнены в русле актуальных научных парадигм с привлечением разнообразных методов анализа, репрезентативных эмпирических материалов, что обеспечивает достоверность и новизну сделанных авторами выводов и открывает перспективы для дальнейшего изучения проблематики, связанной с языковой картиной мира и особенностями ее отражения в переводе.

Н.А.Фененко

Глава 1. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТЕКСТОВЫЕ СТРАТЕГИИ

Введение

Текст, будучи основным феноменом, позволяющим передать в полной мере инокультурный потенциал того или иного этноса, продолжает вызывать у современных лингвистов, переводчиков, психологов исследовательский интерес, связанный с желанием проникнуть в его сущность, познать и исчислить его характеристики, а также установить критерии его успешного перевода. Актуальность исследования определяется необходимостью поиска и совершенствования путей достижения эквивалентности оригинального и переводного текстов. Мы исходим из того, что стратегии, приводящие к появлению удачного перевода, тесно связаны с пониманием самого явления текста и его отличительных признаков. В связи с этим в настоящем исследовании мы предлагаем рассмотреть текстовые стратегии в их пересечении с переводческими стратегиями, что позволяет отразить специфику оригинальной вербально-оформленной информации и особенности деятельности переводчика при решении задачи ее перевода в сферу инокультуры.

Для достижения поставленной цели остановимся на решении следующих задач: с одной стороны, на представлении существующих подходов к изучению текста, с другой стороны, на описании стратегий, которые мы предлагаем применять при его переводе.

1. Текстовые стратегии

Лингвисты выделяют различные текстовые/дискурсивные стратегии (мы не останавливаемся здесь на разграничении понятий текст и дискурс, употребляя их как синонимичные). Так, Е.В. Чернявская говорит о коммуникативной стратегии отправителя, предполагающей комплексное речевое воздействие говорящего на партнера с целью решения коммуникативных задач, связанных с оказанием влияния на модель мира адресата [Чернявская 2005].

У. Эко отстаивает текстовую стратегию образцового автора и образцового читателя, в которой автор создает модель образцового читателя, прогнозируя его действия, а читатель, соответственно, следует предписанной модели [Эко 1985].

Французский текстолог В. Жув, опираясь на используемые композиционные техники, обнаруживает локальные и глобальные текстовые стратегии. Первые представляют собой приемы, формирующие отношение читателя к миру художественного произведения, а вторые направлены на понимание смысла текста через призму различных точек зрения и перспектив [Jouve 2007].

Н.С. Болотнова отождествляет текстовые стратегии с регулятивными структурами, с помощью которых можно распознать коммуникативную стратегию автора и управлять читательским восприятием [Болотнова 2009].

О.А. Мельничук и Т.А. Мельничук определяют текстовую стратегию автора «как план речевых действий и его реализацию для достижения коммуникативной цели автора текста, которая состоит в воздействии на картину мира и систему ценностей читателя» [Мельничук 2013 : 126]. Исследователи полагают, что реализация данного плана осуществляется с помощью текстовых стратегий двух видов: семантических и формально-структурных.

Традиционно ученые изучают текстовые/дискурсивные стратегии применительно к произведениям, созданным в рамках монопольной коммуникации, хотя многие из анализируемых ими текстов (без различия жанра, объема, тематики) переводятся на другие языки и существуют самостоятельно, ведут свою жизнь, не зависящую от судьбы оригинала. Н.К. Гарбовский считает, что «переводные тексты в своей совокупности предстают как особая часть общего дискурсивного пространства, которая могла бы быть определена как «переводной дискурс», создаваемый в результате переводческой деятельности в словесности принимающей культуры» [Гарбовский 2011 : 3]. Наличие переводного дискурса с необходимостью влечет за собой исследование закономерностей и стратегий, на основе которых он создается переводчиками независимо от условий коммуникации, временной и прагматической обусловленности, жанровой

принадлежности, используемых языковых комбинаций. В этой связи специалисты в области переводоведения, лингвистики, литературоведения обращают свой исследовательский интерес к анализу особенностей переводных текстов, выработке и поиску стратегий, регулирующих их возникновение, способов достижения эквивалентности переводимого материала. Стратегия перевода понимается как «программа осуществления переводческой деятельности, формирующаяся на основе общего подхода переводчика к выполнению перевода в условиях определенной коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации, определяемая специфическими особенностями данной ситуации и целью перевода и, в свою очередь, определяющая характер профессионального поведения переводчика в рамках данной коммуникативной ситуации» [Сдобников 2011 : 172].

2. Переводческие стратегии

Переводческие стратегии, описанные в лингвистической литературе, мы условно разделили на общие и частные.

Среди общих стратегий отметим, например, стратегию компромисса, предложенную Н.К. Гарбовским в процитированной статье. Ученый отмечает, что, с одной стороны, переводчик стремится к достижению адекватного перевода, соответствию текста перевода ожиданиям получателя, с другой стороны, он ограничен рамками оригинального текста и подвержен переводческим интерференциям. Из этого противоречия рождается переводческая стратегия, состоящая, по мнению исследователя, в компромиссе между стремлением к адекватности, предполагающей соблюдение норм языка перевода, и жесткими структурами оригинального произведения. Эта переводческая стратегия компромисса, знаменующая противоречие между «своим» и «чужим», дает представление о цели и сущности переводческой деятельности.

Как общую переводческую стратегию квалифицируем и стратегию Л.С. Макаровой, которую можно назвать стратегия оценки переводческого продукта. Автор пишет, что при переводе текста (в том числе художественного) всегда присутству-

ет рациональная компонента, предполагающая тщательный анализ и выработку «целенаправленных стратегий адаптации вербально-художественной информации подлинника к новым лингвокультурным условиям восприятия» [Макарова 2008 : 91]. Это, в свою очередь, ведет к необходимости учета как специфики передаваемой вербально-художественной информации, так и особенности деятельности переводчика. Соответственно данной позиции, автор рассуждает о такой стратегии перевода, которая призвана оценивать перевод не по отношению к некоему «идеалу», а по отношению к тем стратегиям, которые были использованы переводчиком в процессе решения им переводческих задач и которые предполагают различные параметры переводческой деятельности (личностные, лингвосоциокультурные, художественно-эстетические). Исходя из данных положений, исследователь предлагает инструментарий для проведения переводоведческого анализа, включающий следующие модули: художественно-эстетический, лингвостилистический, культурологический и личностный, которые позволяют проследить, как в результате перевода осуществляется то, что О.А. Кривцун называет «актуализацией произведения» [Кривцун 1998 : 183], и эта актуализация связана с условиями иной лингвоэтнической среды.

К частным переводческим стратегиям отнесем стратегию позитивной самопрезентации, представленную М.А. Степановой [Степанова 2014]. Исследователь отмечает наличие стратегии позитивной самопрезентации, используемой с целью отождествления с иноязычной аудиторией для установления наилучшего взаимопонимания. Данная стратегия реализуется в рамках микростратегий стилистической адаптации и переводческой метонимии, которые объективируются в соответствии с лингвистическими и речевыми корреляциями исходного языка и переводящего языка. При этом микростратегия стилистической адаптации основывается на национальных жанрово-стилистических традициях в исходной культуре и в принимающей культуре. Микростратегия переводческой метонимии имеет как системно-знаковый, так и концептуальный характер и ориентирована на лексико-грамматические аспекты перевода.

Также в рамках частных переводческих стратегий мы рассматриваем культурно-ориентированные переводческие стратегии, которые предусматривают обращение к культуре как таковой для решения специальных переводческих проблем и учитывают культурно-специфические нормы перевода, оказывающие влияние на ожидания участников интеракции. Культурно-ориентированные стратегии используются для гармонизации переводческого продукта, соблюдения адекватной передачи культурно-обусловленных единиц и реалий. Культурно-ориентированные стратегии связаны со скопос-теорией К. Норд, в рамках которой скопос, рассматриваемый как цель перевода, определяется условиями принимающей культуры. Отмеченные моменты вызывают дискуссии у ученых по поводу определения приоритетности культуры получателя или культуры автора. Однако и скопос текста оригинала, и скопос текста перевода рассматриваются ими как переводческие стратегии (выбор которых зависит от позиции переводчика), действующие в рамках культурно-ориентированных стратегий перевода [Лядова 2015].

Обзор существующих взглядов на проблему текстовых и переводческих стратегий продемонстрировал наличие разнообразных мнений, обусловленных сложностью самого явления, дающего простор для выбора вектора исследования.

3. Переводческие текстовые стратегии

Учитывая изложенный опыт изучения поставленной проблемы, мы предлагаем наше видение ее решения, состоящее в необходимости обнаружения, осмысления и описания стратегии перевода текста и точек ее соприкосновения с текстовыми стратегиями. Полагаем, что логично и целесообразно выделить понятие «переводческие текстовые стратегии», включающее весь комплекс методов и характеристик текста, которые дают инструмент, позволяющий объяснить полный цикл работы над текстом – от понимания его внутреннего устройства и функционирования в своей культурной среде до его перевыражения с целью переноса в инокультурное пространство. В рамках этого

комплексного понятия мы выделяем *порождающую стратегию* и *воссоздающую стратегию*.

Порождающая стратегия – это стратегия автора (или собственно текстовая стратегия), которая предполагает наличие определенных характеристик, параметров организации текста, заложенных автором при его написании (порождении). *Воссоздающая стратегия* – это собственно переводческая стратегия, применяемая читателем-переводчиком, которая отличается от стратегии простого читателя, «потребляющего» текст для удовлетворения своих интеллектуальных потребностей. Читатель-переводчик не просто читает, а, по сути, пристально изучает переводимый текст как литературовед, исследователь, причем во всех его аспектах (от творческого кредо автора и специфики эпохи написания текста до особенностей языковых средств), с целью распознавания, интерпретации авторской интенции. Это самый внимательный и заинтересованный читатель, которого мог бы пожелать себе любой пишущий. Ведь уже при чтении переводчик готовится к работе по перевыражению этого текста на другой язык, его механизмы восприятия текста нацелены на последующее порождение, воссоздание. В этот момент читатель-переводчик балансирует между функциями декодирующей личности и создающей личности.

В рамках порождающей стратегии текст предстает как интерпретируемый вербальный объект, тогда как в рамках воссоздающей стратегии он становится объектом чужого интерпретирующего сознания.

Порождающая стратегия, имеющая место в одноязычной коммуникации, реализуется по линии автор → читатель и включает в себя следующую цепочку операций: *уровень автора*: замысел автора → изложение замысла → *уровень читателя*: восприятие замысла → формирование смысла. В рамках воссоздающей стратегии, знаменующей переход текста из одноязычной коммуникации в двуязычную, личность читателя соединяется с функцией переводчика. Таким образом, воссоздающая стратегия осуществляется по линии читатель-переводчик → читатель-получатель переводного текста, в которой обнаруживается следующая последовательность: *уровень читателя-переводчика*:

восприятие смысла → формирование смысла → *уровень переводчика-создателя переводного текста*: анализ смысла (интегрирование переводчика в повествование) → перевыражение смысла (лингвокультурная адаптация содержания оригинала к условиям инокультурной среды) → *уровень читателя переводного текста*: восприятие смысла → формирование смысла.

При описании характеристик порождающей (текстовой) и воссоздающей (переводческой) стратегий нам показалось уместным и интересным использовать положения интерпретативной теории перевода (далее ИТП), созданной французским практиком и теоретиком перевода профессором Даницей Селескович и развитой в трудах профессора Марианны Ледерер (Высшая школа переводчиков, Париж) [Seleskovitch 1984; Ледерер 2007], и рассуждения русского философа М.М. Бахтина [Bodrova-Gogenmos 2005; Бодрова-Гоженмос 2002]. Наше обращение к указанным теориям обусловлено следующими соображениями. Изучение смысла текста занимает значительное место в исследованиях М.М. Бахтина, представляющих собой богатейший источник идей для осмысления, развития, применения в современном гуманитарном знании. Интерпретативная теория перевода, достижения которой признаются специалистами во многих странах мира, большое внимание уделяет характеристике текста, вычленению его смысла в рамках исследования и объяснения механизмов переводческой деятельности, направленной на осуществление успешного перевода [Попова 2017]. В России, в частности, основные положения интерпретативной теории перевода, ее универсальный характер для описания процесса перевода, а также созданная на ее основе методика преподавания перевода активно изучаются в переводоведческом, переводческом и дидактическом аспектах в Воронежском государственном университете [Ледерер 2007; Фененко 2012 : 229; Merkulova 2019] (а также см. список публикаций автора на сайте eLIBRARY.RU).

Параметры порождающей (текстовой) стратегии

Порождающая (текстовая) стратегия, в рамках которой текст предстает как объект вербальной коммуникации, связана

с основными параметрами текста, которые мы анализируем на основе сравнения принципов изучения текста в интерпретативной теории перевода и взглядов М.М. Бахтина.

Несмотря на то, что изучение понятия текста и его характеристик в произведениях М.М. Бахтина и в работах Д. Селескович развивалось параллельно, не пересекаясь и не оказывая взаимного влияния, при их сравнении можно проследить определенное сходство в трактовке понятия текста. Точки соприкосновения взглядов ученых касаются роли, назначения текста, подходов к его пониманию. Близость позиций цитируемых исследователей объясняется, на наш взгляд, тем, что в основе их размышлений можно обнаружить общую отправную точку: размышления о значении языковой единицы в противопоставлении смыслу высказывания (текста).

В ИТП понятие текста (дискурса) является первостепенным для перевода: основной постулат ИТП гласит, что переводится текст, а не язык, поэтому, чтобы корректно говорить о переводе, необходимо разделить эти два понятия. Согласно ИТП, перевод слов и фраз, рассматриваемых вне контекста, является предметом изучения сравнительной лингвистики, а не предметом перевода, который является частью более широкого понятия – вербальной коммуникации. В связи с этим изучение механизмов выражения и понимания, происходящих в одноязычной коммуникации, помогает объяснить механизмы, которые лежат в основе коммуникации через перевод.

М.М. Бахтин занимался проблематикой текста в связи с его исследованиями в области философии языка. В своих работах, которые напрямую не связаны с вопросами перевода, он даёт определение места текста в гуманитарных науках и предлагает оригинальный взгляд на текст, изучает характеристики текста, понимаемого как высказывание. По М.М. Бахтину, слова и фразы являются единицами языка, а текст – единицей вербальной коммуникации, которая осуществляется в виде интеракции, обмена высказываниями, то есть, в диалогической форме [Todorov 1981; Бахтин 1995; Чернявская 2005].

Таким образом, учитывая подходы ИТП и М.М. Бахтина применительно к пониманию текста, в рамках порождающей стратегии

возможно выделить следующие параметра текста, которые реализуются в нем в момент его создания и обнаруживаются затем в фазе его функционирования в виде готовой единицы коммуникации.

Наличие смысла. По мнению авторов ИТП, слова и фразы, рассматриваемые как языковые единицы, обладают значением, тогда как текст характеризуется наличием смысла. В определенной ситуации коммуникации смысл высказывания не совпадает полностью с его значением, определяемым вне контекста. Текст – это индивидуальное произведение не только по формальному составу, но и по заключённому в нём и присущему только ему когнитивному «вкладу». В двух высказываниях, идентичных по форме, могут быть заключены разные смыслы. Таким образом, смысл – это основная характеристика текста как единицы вербальной коммуникации.

В работах М.М. Бахтина говорится о тех же различиях между текстом как единицей коммуникации и фразами, под которыми автор подразумевает единицы языка. По его мнению, высказывание обладает смыслом, являющимся его главной характеристикой, и этот факт отличает его от слов и фраз, которые обладают значением. Любое высказывание обладает смыслом, который складывается, с одной стороны, из формальных языковых элементов (слов, без которых текст не мог бы существовать), с другой стороны, из фактов экстралингвистической реальности. Значения слов, составляющих высказывание, актуализируются в условиях реальной коммуникации. Независимо от того, что высказывание может состоять из одного слова или фразы, оно всегда обладает смыслом, а не значением. Эти рассуждения М.М. Бахтина позволили исследователям назвать его теорию высказывания как теорию смысла.

Неповторимость (уникальность, единичность). Язык, с помощью которого создаётся текст, является коллективным, общим средством выражения. Он обозначает понятия, он поддаётся объективному изучению и обладает универсальной способностью выражения. Но что касается выражения отдельно взятой мысли, то оно, по мнению авторов ИТП, уникально, единично. В процессе вербальных обменов каждое высказывание приобретает свой

оригинальный смысл. Создание любого текста является творческой, созидательной работой, а не просто использованием языковых единиц. М.М. Бахтин также отмечает свойство высказывания иметь оригинальный, индивидуальный, только ему свойственный смысл. Он видит в любом высказывании две основные составляющие: язык как система знаков, с помощью которого оно строится, и смысл. Язык располагает такими знаками, которые обладают способностью воспроизводиться, повторяться вне зависимости от высказывания, это слова, синтагмы, предложения и т.д. Текст же не повторяется и не воспроизводится наподобие знака, он всегда единичен, индивидуален, поэтому он несет тот смысл, который является конечной целью говорящего.

Наличие определённых «ценностей». Авторы ИТП отмечают важную дихотомию между языком и текстом: язык обозначает концепты, а текст, являясь продуктом ума, отражает факты, события, обстоятельства, идеи, эмоции и т.д., которые должны быть выражены с помощью средств языка и с учётом его требований. В рамках текста осуществляется применение языка для нужд коммуникации, передачи идей. Безусловно, трудно начертить абсолютно чёткую разграничительную линию между языком и текстом. Однако авторы ИТП предлагают определить эту разницу следующим образом. Язык, состояние языка можно наблюдать объективно, так как он существует отдельно, независимо от говорящего, тогда как дискурс, текст является неотъемлемой, неотделимой составляющей мыслящего субъекта.

М.М. Бахтин также отмечает в тексте оценочный, ценностный аспект. По его мнению, только текст может быть красивым, искренним или ложным, смелым или застенчивым, и эти свойства текст получает благодаря заключённому в нем смыслу. Смысл – эта та часть высказывания, которая отражает такие понятия, как истинность, справедливость, добро, красота, история и т.д. По отношению к этим понятиям все повторяющиеся и воспроизводимые элементы являются средством, сырьём, материалом, то есть лингвистическим аспектом.

М.М. Бахтин противопоставляет изучение языка текста как нейтральной сущности (нечто «данного») изучению самого тек-

ста как оценочного суждения (нечто «созданного») и считает, что в тексте всегда содержится отношение к каким-либо ценностям (к правде, добру, красоте и т.д.). В вербальной коммуникации, по М.М. Бахтину, идентификация формальных языковых элементов подчинена пониманию текста с точки зрения его смысла. Так, в действительности, в реальной жизни мы произносим или слышим не слова, а правду или ложь, плохое или хорошее, важное или банальное, приятное или неприятное и т.д.

Наличие адресата, получателя информации. Авторы ИТП замечают, что, в отличие от слов и фраз, текст не может существовать без автора и соответственно без наличия авторского сообщения, как не может существовать и без получателя заключенной в нем информации. Текст всегда адресован кому-либо, и это объясняет тот факт, что одна и та же фраза, употребленная вне ситуации общения или же адресованная участнику коммуникации, означает разные вещи. В отличие от языка, который является коллективным средством выражения, текст – это то, что написано или сказано одним человеком для другого человека, это применение языка для нужд коммуникации, это точка соединения авторской мысли с коллективным средством выражения, то есть, языком. Если говорящий хочет, чтобы его идея была понята слушателем/читателем, то, несмотря на большую свободу выбора средств для ее формулирования, он в определенной степени будет ограничен в отборе способов презентации своей идеи. Эти ограничения касаются правильности морфо-синтаксического оформления, соблюдения логики, учета психологических и ментальных особенностей адресата.

В теории М.М. Бахтина факт обязательной ориентированности текста адресату также является определяющим. Он считает, что автор высказывания всегда стремится к пониманию, к ответной реакции получателя информации, поэтому, когда мы говорим, мы всегда имеем в виду собеседника, учитывая его позицию, убеждения, точку зрения, информированность по обсуждаемому вопросу, знание реальной ситуации и т.д. Язык, понимаемый М.М. Бахтиным как система знаков, обладает широким инвентарём средств, позволяющих выразить «обращённость» к

адресату, в то время как высказывание может не содержать эксплицитно выраженного обращения к собеседнику, но при этом тем не менее оставаться адресованным своему получателю.

Опираясь на выделенные параметры текста, мы определяем порождающую текстовую стратегию как содержательно-интерпретирующую, учитывающую активную роль автора и читателя по отношению к созданию и восприятию текста, формирующую такой подход к тексту, который оказывается релевантным для последующей переводческой деятельности в отношении этого текста.

Параметры воссоздающей (переводческой) стратегии

Воссоздающая (переводческая) стратегия отражает алгоритм действий переводчика, выступающего одновременно в качестве читателя-интерпретатора, декодирующего исходный текст, с одной стороны, и создателя нового текста, с другой стороны. Формат воссоздающей стратегии мы определяем исходя из положений ИТП, в которой постулируется тот факт, что переводятся не слова, а смысл высказывания, а перевод рассматривается как передача идеи, сущности, целостного внутреннего логического содержания, т. е. смысла высказывания. В связи с этим процесс перевода заключается в том, чтобы понять текст, затем, абстрагируясь от лингвистической формы понятого, выразить на другом языке понятое, усвоенные идеи, мысли, ощущения.

Полагаем, что текстовые переводческие стратегии могут быть осмыслены с опорой на этапы процесса перевода, которые предложены в ИТП:

- понимание, то есть вычленение смысла;
- девербализация, сопровождающая процесс рождения смысла, состоящая в полном абстрагировании от исходной языковой формы, которая способствовала порождению смысла;
- ревербализация, то есть свободное от языковой формы оригинала перевыражение ранее вычлененного смысла на языке перевода, в соответствии с нормативными требованиями переводящего языка.

Опираясь на данный постулат, считаем, что воссоздающая (переводческая) стратегия включает в себя следующие операции: понимание, девербализация, ревербализация.

Понимание предполагает вычленение смысла, рождаемого из слияния лингвистических значений слов и «внесловесной действительности». Формирование смысла происходит в предпереводческий период, когда переводчик выступает как читатель текста. Каждый значимый элемент текста становится для него особым объектом интерпретации, он пытается предусмотреть, какие могут возникнуть затруднения в интерпретации авторского замысла [Булгакова 2013; Зырянова 2011]. В этот момент осуществляется психологический, ментальный переход переводчика с позиции читателя на позицию создателя нового текста. Установленные переводчиком взаимосвязи основных компонентов содержания служат необходимой основой для представления полной «архитектуры» исходного текста, которая на следующем этапе должна будет сохранена в переводе.

Девербализация состоит в полном абстрагировании от исходной языковой формы высказывания, «забывании» конкретных языковых единиц, которые способствовали порождению смысла. Так как понимание не сводится к значению отдельных слов, а к восприятию смысла, то и перевод сводится не к сохранению лексических значений или грамматических конструкций исходного текста, а к сохранению смысла всего высказывания. Девербализация способствует, с одной стороны, тому, чтобы вычлененный смысл сформировался наиболее отчетливо, прозрачно, приобрел очертания мыслительной субстанции, сущности, подлежащей впоследствии переводу; с другой стороны, тому, чтобы найти естественные, нормативные и разнообразные эквиваленты на языке перевода. Когда переводчик освобождается от влияния языковой оболочки исходных слов и выражений, перед ним не встает вопрос как перевести конкретное слово, а у него возникает необходимость знать, о чём идёт речь, понимать смысл высказывания, разобраться в сути излагаемой проблемы.

Ревербализация (или воспроизведение, восстановление, реституция смысла) предполагает свободное от языковой формы

оригинала перевыражение ранее вычлененного смысла на языке перевода. На этом этапе происходит поиск выражений, передающих смысл оригинала, в соответствии с нормативными требованиями переводящего языка. При ревербализации переводчик имеет возможность выбирать варианты перевода из широкого набора эквивалентов. Контекст увеличивает возможности выбора лингвистических средств, которые переводчик имеет в своём арсенале для передачи на переводящий язык смысла оригинального сообщения. Ревербализация помогает удержаться от использования прямых соответствий, буквализмов и избежать межъязыковых интерференций, которые всегда ведут к неудачному переводу. Процесс перевыражения значительно облегчается благодаря тому, что предварительно прошёл этап понимания и девербализации.

Таким образом, воссоздающая переводческая стратегия может быть определена как содержательно-реституирующая, в рамках которой понимание, девербализация и ревербализация, составляющие ее основу, отражают парадигму действий переводчика, направленных на осуществление адекватного перевода текста любой жанровой принадлежности.

Точки пересечения двух рассмотренных стратегий состоят в следующем: параметры исходного текста (наличие смысла, уникальность, ценностный потенциал, адресованность), заложенные в него автором в ходе реализации порождающей стратегии, осмысляются переводчиком-читателем в рамках воссоздающей стратегии на этапе понимания, трансформируются в смысл на этапе девербализации и закладываются, переносятся в новый (переводной) текст на этапе ревербализации.

Заключение

Проведенное исследование позволило в некоторой степени уточнить взгляды на такое сложное и многоаспектное явление, как текст, установив преимущество и взаимосвязь между изучением оригинального текста, функционирующего в условиях одноязычной коммуникации, и его переводом как объектом

двухязычной коммуникации, на основе достижений французской переводоведческой школы и идей русского исследователя М.М. Бахтина. Это происходит в процессе реализации комплексной переводческой стратегии, состоящей из последовательности порождающей и воссоздающей стратегий, дающих возможность понять и проанализировать и текст как переводческий продукт, и деятельность переводчика – создателя этого продукта.

Порождающая текстовая стратегия, основанная на учете параметров текста, носит содержательно-интерпретирующий характер, предполагающий активную роль автора по реализации своего замысла и созданию текста, активную позицию читателя по отношению к осмыслению и восприятию текста. Такой подход к тексту оказывается продуктивным для последующей переводческой деятельности в отношении этого текста. На стыке порождающей и воссоздающей стратегий декодирующая личность читателя оригинального текста трансформируется в личность переводчика, вовлеченного в процесс кодирования полученной информации, интеллектуальных и эмоциональных ощущений. На этом этапе вступает в силу воссоздающая переводческая стратегия, выполняющая содержательно-реституирующую функцию, отражающая этапы переводческой деятельности, направленные на осуществление адекватного перевода текста любой жанровой принадлежности. В результате переведенный текст переходит в следующую фазу его бытия, расширяющую границы его существования посредством интеграции в другое, иноязычное, культурное пространство. Полученные результаты, не будучи исчерпывающими, открывают пути дальнейших исследований, намечают вектор изучения переводческих текстовых стратегий в плане углубления их классификации, теоретического обоснования, изучения параллелей в деятельности автора текста и переводчика, принятия переводческих решений и т.д.

Затронутая проблематика отличается глубиной и многомерностью, связанной с неисчерпаемостью окружающего мира и многообразием человеческих реакций на его осмысление, восприятие, постижение, что дает широкие перспективы для дальнейших исследований, особенно на стыке наук, изучающих когнитивные способности человека.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Человек в мире слова / М.М. Бахтин. – М. : Изд-во Российского открытого университета, 1995. – 145 с.
2. *Бодрова-Гоженмос Т.И.* Концепция М.М. Бахтина и интерпретативная теория перевода / Т.И. Бодрова-Гоженмос // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 3. – С. 72–79.
3. *Болотнова Н.С.* Филологический анализ текста / Н.С. Болотнова. – М. : Флинта, 2009. – 520 с.
4. *Булгакова С.Ю.* Корреляция реалий и лакун при переводе художественного текста / С.Ю. Булгакова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – №2. – С. 188–192.
5. *Гарбовский Н.К.* Перевод и «переводной дискурс» / Н.К. Гарбовский // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2011. – № 4. – С. 3–20.
6. *Зырянова М.В.* Реноминация лингвокультурных реалий (на материале французских переводов пьес А.П. Чехова): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011. – 224 с.
7. *Кривцун О.А.* Эстетика / О.А. Кривцун. – М. : Аспект пресс, 2000. – 434 с.
8. *Ледерер М.* Актуальные аспекты переводческой деятельности в свете интерпретативной теории перевода : пер. с франц. Н.А. Фененко, Е.А. Алексеева / М. Ледерер. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 223 с.
9. *Лядова Н.А.* Переводческие стратегии: скопос текста оригиналаVS скопос текста перевода / Н.А. Лядова, Л.В. Кушнина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, Грамота. – 2015. – № 4-1. – С. 110–113.
10. *Макарова Л.С.* Инструментарий сопоставительного анализа в художественном переводе / Л.С. Макарова // Французский язык и межкультурная коммуникация. – Пятигорск : ПГЛУ, 2008. – С. 91–96.
11. *Мельничук О.А.* Стратегии художественного дискурса / О.А. Мельничук, Т.А. Мельничук // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1 (034). – С. 125–135.
12. *Попова О.И.* Интерпретативная теория перевода в оценках отечественных и зарубежных переводчиков и переводоведов / О.И. Попова, А.С. Беседин, А.П. Наумова // Вестник Волгоградского госу-

дарственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2017. – Т. 16. – № 3. – С. 58–70. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.6> 1

13. *Сдобников В.В.* Стратегия перевода: общее определение / В.В. Сдобников // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. – С. 165–172.

14. *Степанова М.А.* Реализация общей стратегии позитивной презентации в переводах внешнеполитических президентских выступлений лидеров США, Великобритании и России / М.А. Степанова // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2014. – № 2. – С. 42–63.

15. *Фененко Н.А.* Язык и культура сквозь призму перевода (о X международной конференции «Перевод: язык и культура») / Н.А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2. – С. 229–231.

16. *Чернявская В.Е.* Когнитивная лингвистика и текст : необходимо ли новое определение текстуальности? / В.Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 2. – С. 77–83.

17. *Bakhtine M.* (Volochinov V.N.) Le marxisme et la philosophie du langage / М. Bakhtine. – Paris : Edition de Minuit, 1977. – 232 p.

18. *Bodrova-Gogenmos T.* “Les caractéristiques du texte selon M. Bakhtine et selon les auteurs de la théorie interprétative de la traduction” / T. Bodrova-Gogenmos // FORUM, 2005. – Vol. 3. №1. – P. 21–36.

19. *Eco U.* Lector in fabula. Le rôle du lecteur ou la Coopération interprétative dans les textes narratifs / U. Eco. – Paris : Grasset, 1985. – 330 p.

20. *Jouve V.* La poétique du roman / V. Jouve. – Saint-Just-la-Pendue: SEDES, 2007. – 238 p.

21. *Merkulova N.V.* Report on professional development under the program “Linguistic-and-didactic aspects of translator’s professional training” within the framework of the international scientific-and-practical conference “Language picture of the world in the mirror of translation” (VSU-ESIT), Voronezh, 12–15 december 2018 / N.V. Merkulova // Scientific journal modern linguistic and methodical-and-didactic researches. Voronezh State Technical University. – 2019. – № 1. – P. 146–150.

22. *Seleskovitch D.* Interpréter pour traduire/ D. Seleskovitch, M. Lederer. – Paris : Didier Erudition, 1984. – 311 p.

23. *Todorov T.* Mikhaïl Bakhtine, le principe dialogique / T. Todorov. – Paris : Editions du Seuil, 1981. – 322 p.

Глава 2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ИСПАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Для лингвистики конца XX – начала XXI века весьма плодотворными оказались исследования языковой картины мира – этого «субъективного образа объективного мира», для репрезентации которого создаются различные единицы языка. Среди главных достижений такого рода исследований следует признать антропоцентричность и этноцентричность языка.

В антропоцентричности языка находят отражение общие свойства человеческой природы, человеческого Я, который ставит себя в центр мироздания и служит основой формирования и структурирования любой языковой картины мира. Вместе с тем языковая картина мира не только антропоцентрична, но и этноцентрична – это своего рода мировидение сквозь призму языка. Идея эта не нова, она восходит к трудам ученых предшествующих эпох, в частности В. Гульбольдта, который писал: «... каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [Гумбольдт 1984 : 80]. В новой антропоцентрической парадигме научного знания эта идея стала актуальна как никогда. «Нельзя на естественном языке описать «мир как он есть», – утверждает Е.В. Падучева, – язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый язык – свою» [Падучева 1996 : 11].

К числу других не менее важных открытий ученых следует отнести выявление особенностей структурирования языковой картины мира и выделение ее семантических доминант. Данный термин был введен в научный оборот Е.В. Падучевой для обозначения тех участков концептуальной сферы в одном языке, в одной языковой картине мира, которые на фоне другого языка, другой языковой картины мира оказываются более разработанными (акцентированными) и которые находят разное отражение в языке (см. [Падучева 1996 : 163; цит. по Рылов 2006 : 13]).

Семантической доминантой русской языковой картины мира, по мнению ученых, является неопределенность (см., например, [Там же]). К числу средств ее репрезентации в русском языке относятся частицы *кое-*, *-либо*, *-то*, *-нибудь*, которые образуют соответствующие разряды местоимений и наречий. Например, от местоимения *кто* образуются неопределенные местоимения *кое-кто*, *кто-либо*, *кто-то*, *кто-нибудь*, а от наречия *где* образованы неопределенные наречия *кое-где*, *где-то*, *где-либо*, *где-нибудь*. Эти дериваты отличаются от этимонов не только тем, что они выражают значение неопределенности, но и тем, что они по-разному репрезентируют его. В частности, одним из критериев разграничения локативных наречий *кое-где*, *где-то*, *где-либо*, *где-нибудь* является признак известности / неизвестности места для участников коммуникации: наречие *кое-где* значит «в неопределенном месте, известном говорящему, но неизвестном собеседнику»; наречие *где-то* значит «в неопределенном месте, неизвестном для говорящих»; наречие *где-либо* значит «в любом неопределенном месте, неважно каком для говорящих», а наречие *где-нибудь* значит «в любом неопределенном месте, неизвестном для говорящих» (подробнее см., например, [Падучева 1996; Рылов 2006]).

Названные различия в семантике этих наречий при переводе на другие языки, как правило, исчезают, поскольку им обычно соответствует только один переводной эквивалент. Так, например, все четыре русских наречия *кое-где*, *где-то*, *где-либо*, *где-нибудь* переводятся на испанский язык одним адвербиальным оборотом *en alguna parte*. То же самое можно сказать и об английском языке, на который русские неопределенные наречия переводятся наречиями *somewhere* и *anywhere*, выбор которых определяется не семантическими различиями, как в русском языке, а функциональными: наречие *somewhere* используется в утвердительных конструкциях, а в вопросительных конструкциях употребляется наречие *anywhere*.

Приведенные примеры, как представляется, доказывают справедливость утверждения ученых о тесной связи понятия «семантические доминанты» с такими ключевыми понятиями

переводоведения, как переводимость и непереводимость. Как отмечают исследователи, далеко не все средства выражения семантических доминант и их значений, присущие определенной языковой картине мира, определенной лингвокультуре, находят отражение при их переводе на другой язык. Более того, средства репрезентации того или иного концепта, который в другом языке не является доминантным, вообще, как правило, не переводятся, как не переводятся и стоящие за этим концептом значения (см. [Падучева 1996 : 178; Рылов 2006 :16]).

При всей важности семантических доминант в структуре языковой картины мира их изучение пока только начинается и в поле зрения ученых попадают лишь отдельные аспекты их проявления. При описании семантических доминант исследователи исходят, прежде всего, из наличия лексических лакун и количества разного рода языковых единиц в той или иной лингвокультуре, служащих средством репрезентации определенного явления. Иными словами, они апеллируют к такому важному показателю глубины когнитивной проработки того или иного явления, как номинативная плотность (термин В. И. Карасика).

Справедливости ради следует, однако, заметить, что номинативная плотность – при всей ее значимости – представляет лишь один из наиболее очевидных способов репрезентации семантических доминант в языковой картине мира этноса. Важно понимать, что учет и абсолютизация только этого показателя могут привести к ложным и даже абсурдным выводам. Совершенно очевидно, что обилие лексем для обозначения снега в языках народов севера, равно как и большое количество слов для обозначения верблюда у народов Средней Азии, свидетельствуют о важности этих реалий для жизнедеятельности определенного этноса, однако сами по себе факты такого рода не позволяют считать их семантическими доминантами соответствующих языковых картин мира.

Для того, чтобы избежать подобных однобоких и явно ошибочных утверждений, следует, прежде всего, вскрыть глубинные причины самого явления семантических доминант языковой картины мира. По нашему убеждению, семантические доминан-

ты есть, прежде всего, отражение ментальности этноса, присущих ему культурно специфических особенностей репрезентации действительности в единицах языка. Это проявляется, прежде всего, в так называемых номинативных стратегиях, то есть в этноспецифическом выборе определенного ракурса (признака, параметра) при концептуализации и категоризации предметов и явлений объективной действительности, закреплённом в различных структурах и единицах языка. Из этого следует, что семантические доминанты языковой картины мира, во-первых, отражают осмысление действительности сквозь призму определенных категорий, приоритетных в силу разных причин для конкретного этноса; а во-вторых, они репрезентируются самыми разными единицами и структурами в одном и том же языке.

Как показали исследования последних десятилетий, проведенные на материале разных языков, трудно переоценить роль пространственных представлений в познании окружающей действительности. Именно они служат основой формирования не только многих пространственных и непространственных категорий в сознании человека (см., например, [Гак 2000; Кубрякова 1997; 2004; Ли Тоан Тханг 2001; Talmy 1987]), но и языковой картины мира любого этноса (см., например, [Категоризация мира: пространство и время 1997; Логический анализ языка 2000; Корнева 2006а; 2008в; Кубрякова 1997; 2004]). Значимость пространства в этом отношении столь велика, а языковые средства его репрезентации столь многочисленны и разнообразны во всех языках мира, что вполне правомерно в рамках языковой картины мира выделить пространственную картину мира (см., например, [Логический анализ языка 2000; Корнева 2006а; 2008а; 2008б; 2008в]).

При этом следует иметь в виду, что физическое пространство в языковом сознании этноса представлено особым образом (подробнее см., например, [Категоризация мира: пространство и время 1997; Яковлева 1999; Кобозева 2000; Логический анализ языка 2000; Касевич 2006; Pottier 1970; Talmy 1983]). Тем не менее при всем разнообразии языковой репрезентации пространства в основе структурирования пространственной картины мира в

конкретном языке лежат универсальные параметры. Согласно нашим данным, к их числу относятся такие параметры, как «близко – далеко», «вверху – внизу», «впереди – сзади», «внутри – снаружи», «езде – где-то – нигде», «центр – периферия», «сбоку», «позиция / способ» (см. подробнее [Корнева 2008а; 2008в]).

Выделенные универсальные параметры пространства имеют разную значимость в языковой картине мира. В частности, было доказано, что в сознании человека при формировании непространственных категорий вертикаль играет более важную роль, чем горизонталь (см., например, [Кравченко 1996; Корнева 2015а; 2008; Cifuentes Nonrubia 1996]). Кроме того, на приоритетность тех или иных параметров пространства в формировании категорий и языковой картины мира в целом влияют также среда обитания этноса, типичный ландшафт [Гачев 1998; Касевич 2006; Яковлева 1994].

Согласно нашим наблюдениям, для испанского языка наиболее значимыми оказываются параметры «вверху – внизу» и «внутри – снаружи» (см. подробнее [Корнева 2006в; 2008а; 2008д; 2010; 2012; 2013а; 2013б; 2014а]). Именно они оказываются семантическими доминантами испанской языковой картины мира – теми «наиболее разработанными» или «акцентированными» (с точки зрения другой лингвокультуры) участками концептуальной сферы, которые по-разному отражаются в языке.

Вербализация данных параметров в испанской языковой картине мира отличается большим разнообразием форм. В нашем исследовании предпринимается попытка выявления и описания тех фактов языка, которые, на наш взгляд, могут служить доказательством значимости параметров «вверху – внизу» и «внутри – снаружи» для испанского языкового сознания, что позволяет считать их семантическими доминантами испанской языковой картины мира.

Предваряя анализ языкового материала, сделаем ряд принципиальных замечаний. Прежде всего отметим, что параметры «вверху – внизу» включают в себя всю палитру зафиксированных в языке представлений о вертикально ориентированном пространстве. В частности, параметр «вверху» кроме прототи-

пических значений «верх» и «высота» включает такие значения, как «местонахождение вверху / наверху / сверху», «перемещение вверх / наверх», «удаленность вверх (высоко / невысоко / низко)». Параметр «внизу» в меньшей степени проработан в языке. Наряду с прототипическим значением «низ» он представлен значениями «местонахождение внизу / снизу», «перемещение вниз», «удаленность вниз (глубоко / неглубоко)».

Какие же факты убеждают нас в том, что параметры «*вверху* – *внизу*» оказываются семантическими доминантами испанской языковой картины мира?

Прежде всего отметим номинативную плотность языковых единиц для обозначения вертикального пространства. При сопоставительном изучении языков номинативная плотность обозначения того или иного явления и, наоборот, лакунарность становятся особенно очевидными. В качестве примера приведем названия некоторых природных реалий в испанском языке и сравним их с русским языком.

В испанском языке в зависимости от высоты волн море обозначают несколькими составными номинациями:

mar picada ‘легкая зыбь на море’;

mar rizada ‘слегка волнующееся море с небольшими / маленькими волнами’;

mar gruesa ‘волнующееся море с высотой волн до 6 метров’;

mar arbolada ‘неспокойное / бушующее море с высотой волн более 6 метров’;

mar montañosa ‘неспокойное / бушующее море с высотой волн от 9 до 14 метров, движущихся в неопределенном направлении (см., например, [DELE 1997 : 886]). Для русского языка такие названия морской стихии являются лакунарными.

Важно подчеркнуть, что факты такого рода далеко не единичны в испанском языке. Доказательством значимости параметра «высота» для испанской языковой картины мира могут также служить лексемы *monte* ‘высокая гора’ и *montaña* ‘гора’, переводным эквивалентом которых в русском языке является недифференцированное обозначение данного вида возвышенности *гора*.

Другим, не менее важным фактом проявления семантических доминант в языковой картине мира является, как уже отмечалось, этноспецифичность категоризации окружающей действительности, отраженная в единицах языка. Так, сопоставительный анализ языковой репрезентации разных видов возвышенности в испанском и русском языках показывает, что в испанской лингвокультуре критерием их разграничения служит в первую очередь признак «высота», представленный трехчленной оппозицией: «большая высота», «средняя высота» и «малая высота». На этом основании в испанском языке различают очень высокие виды возвышенности (*monte, montaña* и *peña*), средневысокие (*altozano, collado, cerro* и *otero*) и невысокие (*colina, loma, montículo, duna*). В русской лингвокультуре виды возвышенности также дифференцируются по признаку «высота», однако они образуют только двучленную оппозицию: «большая высота» и «малая высота». Соответственно выделяют высокие виды возвышенности (*гора, крутогор* и *вулкан*) и невысокие (*бугор, горка, холм, пригорок, бархан, дюна*) (подробнее см. [Корнева 2014а; 2014б; 2015а; 2015б]).

Среди других фактов проявления семантических доминант в языковой картине мира отметим многозначность и необычайно широкий функциональный потенциал вертикально ориентированных лексем. В качестве примера рассмотрим слова разной категориальной принадлежности – прилагательные *alto* ‘высокий’ и *bajo* ‘низкий’, наречия *arriba* ‘вверх, вверху, наверху’ и *abajo* ‘вниз, внизу’, предлоги ‘*sobre* ‘на, над’ и *bajo* ‘под’.

На первый взгляд, испанские прилагательные *alto* ‘высокий’ и *bajo* ‘низкий’ мало чем отличаются от русских прилагательных. В самом деле, согласно данным словарей, прилагательное *alto* в испанском языке, как и прилагательное *высокий* в русском языке, имеют следующие совпадающие значения:

1. большой по протяженности снизу вверх: *de estatura alta* = высокого роста; *un árbol alto* = высокое дерево;
2. далеко расположенный в таком направлении: *techos altos* = высокие потолки; *nubes altas* = высокие облака;

3. превышающий средний уровень, среднюю норму, значительный: *tensión alta* = высокое давление; *elasticidad alta* = высокая эластичность; *el agua está alta* = вода высокая (вода поднялась); *precio alto* = высокая цена; *interés alto* = высокий процент; *nivel alto* = высокий уровень;

4. выдающийся по своему значению, очень важный, почетный: *notas altas* = высокие оценки; *alta decoración* = высокая награда; *alta responsabilidad* = высокая ответственность;

5. очень значительный, возвышенный по форме и содержанию: *altos pensamientos* = высокие мысли; *altos ideales* = высокие идеалы; *alto deseo* = благородное (высокое) желание;

6. очень хороший: *alta calidad* = высокое качество; *alta opinión* = высокое мнение (быть высокого мнения о ком-н.); *alta moda* = высокая мода (см., например, [СРЯ 1990 : 123; Seco 2000 : 93]).

В то же время наряду с несомненным сходством значений прилагательные *alto* и *высокий* существенно отличаются. Главное отличие заключается в том, что прилагательному *alto* в русском языке соответствует не только нейтральная, но и превосходная степень прилагательного *высокий*: *estrato alto* = высшие слои общества; *clase alta* = высшие слои общества; *alto cargo* = высший пост; *alta sociedad* = высшее общество; *alta autoridad* = высшая власть. Кроме того, испанское прилагательное *alto* указывает на пространственную локализацию объекта 'находящийся наверху / вверху': *pisos altos* = верхние этажи; *localidades altas* = места наверху (верхние места) или на пространственную квалификацию местности: *terreno alto* = возвышенная местность. Данное прилагательное также обозначает некоторые социальные реалии, в том числе формы государственного правления: *cámara alta* 'верхняя палата' и др. Иными словами, лексема *alto* может переводиться на русский язык четырьмя лексемами – *высокий*, *высший*, *верхний*, *возвышенный*, в семантической структуре которых есть архисема «высокий».

Вместе с тем испанское прилагательное *alto* имеет также лексические значения для русского языка. В их числе такие значения, как:

‘верхнее течение реки / верховье реки’: *alta corriente del río*;
‘командующий армией / штаб армии: *mando alto*’;
‘крупная буржуазия’: *alta burguesía*;
‘большие цифры / номера: *números altos*’;
‘поднятый или направленный вверх’: *El toro se defendía con la cara alta* ‘Бык защищался, подняв голову’;
‘с поднятой головой (о человеке, который не должен стыдиться чего-л.)’: *con la frente alta*;
‘поздний (о переходящих религиозных праздниках)’: *Este año tenemos la Semana Santa alta* ‘В этом году страстная неделя поздняя’;
‘поздний’ (о времени суток): *a altas horas de la noche* ‘поздно ночью’;
‘удаленный во времени’: *Alta Edad Media* ‘раннее средневековье’.

Отдельные значения прилагательного *alto* можно отнести к разряду ложных друзей переводчика. В их числе сочетания прилагательного с существительными типа *звук, голос*, которые обозначают интенсивность звука, а не качество (например, *высокий голос*), как в русском языке: *sonido alto* ‘громкий звук’, *voz alta* ‘громкий голос’, а также сочетания с обозначениями исторических эпох типа *Alta Edad Media* ‘раннее средневековье’.

Особого внимания заслуживают сочетания прилагательного *alto* с существительными типа *цель* и некоторыми другими. Последние в зависимости от контекста могут обозначать цели не только высокие / возвышенные, но и труднодостижимые: *Se ha puesto metas muy altas y difíciles de alcanzar* ‘Он поставил себе очень высокие и труднодостижимые цели’. Подобная синкретичность значения отмечена и у сочетаний типа *obra alta*, которые в одном контексте означают ‘высокое качество’, а в другом ‘тяжелый, трудный для понимания’, как в следующем примере: *Es una obra de un nivel especulativo alto* ‘Это трудное для понимания философское произведение’.

Отметим также и такие лакунарные для русского языка значения прилагательного *alto*, зафиксированные в составных номинациях, как *temporada alta* ‘высокий сезон, в разгар сезона’ (*En*

temporada alta el hotel está lleno ‘В разгар сезона отель полон’), *alta traición* ‘государственная измена, тяжкое преступление’, *alta mar* ‘открытое море’, *alta navegación* ‘дальнее плавание’, *marea alta* ‘прилив’, *alta noche* ‘полночь’, *alta cama* ‘роскошь, богатство’, *alto horno* ‘плавильная печь’, *monte alto* ‘строевой лес’, *de alto bordo* ‘корабль большого размера; человек, вещь, дело, имеющие большое значение’, *de altos vuelos* ‘очень важный, особенно в сфере экономики’.

Наконец, следует иметь в виду, что даже в тех случаях, когда наблюдается совпадение значений прилагательного *alto* и *высокий* в сравниваемых языках, о чем говорилось выше, состав определяемых ими имен далеко не идентичен. В частности, достаточно частотное в испанском языке сочетание *calzado alto* не находит буквального соответствия в русском языке и переводится как ‘обувь на высоком каблучке’. Точно также русскому выражению *высокие темпы* в испанском языке соответствует *ritmos acelerados* и наоборот: выражения *niebla alta*, *alta perfumería*, *costura alta* переводятся на русский язык ‘густой туман’, ‘элитная парфюмерия’, ‘элитная одежда, элитный дизайн’ соответственно.

Все сказанное выше подтверждает нашу мысль о том, что диапазон значений прилагательного *alto* гораздо шире по сравнению с русским прилагательным *высокий*, что можно интерпретировать как одно из проявлений значимости параметра «вверху» для категоризации отдельных предметов и явлений и для формирования испанской языковой картины мира в целом.

Об этом же свидетельствуют и такие факты, как деривационные и фразеобразующие возможности прилагательного *alto*. Оно достаточно частотно в составе сложных и производных слов, которые, как и само прилагательное, как правило, являются многозначными. Приведем лишь некоторые примеры:

alta ‘поступление (возвращение) на военную службу; вступление (в организацию, в партию); выписка из больницы, выписка на работу; заявление властям’;

altanería ‘высота, вышина; высокий полет птиц; соколиная охота; гордость, высокомерие, надменность’;

altanero ‘летающий высоко (о птице); гордый, надменный’;

altar 'алтарь, престол';
altarcón 'высоченный, дюжий (разг.)';
altarreina 'тысячелистник (бот.)';
altavoz 'громкоговоритель, репродуктор; динамик';
altearse 'выситься, возвышаться (о горе, холме)';
alteza 'высота, вышина; возвышенность; величие, возвышенность (мыслей, чувств); высочество, светлость (титулование); высота (над уровнем моря);
altibajar 'испытывать постоянные перемены';
altibajo 'старинный бархатный узор; удар сверху вниз (в фехтовании); (мн.ч.) неровности, рывки, ухабы; внезапная перемена';
altilocuencia 'красноречие; велеречивость, выпренность';
altilocuente, altilocuo 'красноречивый; велеречивый, выпренный';
altillano 'плато, плоскогорье';
altillanura 'плато, плоскогорье';
altillo 'бугор, пригорок, высота; антресоль';
altímetro 'высотомер';
altiplanicie 'плато, плоскогорье';
altiplano 'плато, плоскогорье';
altisonancia 'высокопарность, выпренность (языка, стиля)';
altisonante, altísono 'высокопарный, выпренный, напыщенный (о языке, стиле)';
altitonante 'громовой, громозвучный (поэт.)';
altítono 'высокого тона, высокий (о голосе, звуке)';
altitud 'высота, вышина; возвышенность; высота (над уровнем моря)';
altivecer 'делать гордым, высокомерным';
altivecerse 'возгордиться, вознестись';
altivez 'гордость, высокомерие';
altivo 'гордый, высокомерный; высокий, возвышающийся';
altocúmulos 'кучевые облака';
altoparlante 'громкоговоритель, репродуктор; динамик; высокие договаривающиеся стороны (мн. ч., дипл.)';
altor 'высота, вышина';

altozano ‘холм (на равнине); возвышенное (открытое ветру) место’;

altura ‘высота, вышина’;

enaltecer ‘восхвалять, превозносить’;

exaltar ‘возвысить; восхвалять, превозносить’ и др. (см., например, [ИРС 1988 : 61-62; ANAYA 2002 : 52-53; DELE 1997 : 60]).

От прилагательного *alto* образованы наречные обороты *en alto* ‘высоко; наверху; вверх, наверх’, *por alto* ‘по протекции, по знакомству’, *por todo lo alto* ‘отлично, первоклассно’, *por lo alto / en voz alta* ‘громко’, *que alto que bajo* ‘то ли так, то ли эдак’, *de alto a bajo* ‘от начала до конца, с головы до ног’, а также другие устойчивые фразеосочетания: *pasar por alto* ‘опустить, умолчать’, *picar muy alto* ‘метить высоко’, *ni alto ni bajo* ‘решительно никакой’, *de alto vuelo* ‘высокого качества’ и др. [Там же].

Прилагательное *bajo* ‘низкий’ является антонимом прилагательного *alto* в его основных значениях. Ср.: *de estatura alta – de estatura baja*, *nubes altas – nubes bajas*, *pisos altos – pisos bajos*, *tensión alta – tensión baja*, *nivel alto – nivel bajo*, *altos pensamientos – bajos pensamientos*, *alta calidad – baja calidad*, *alta época – baja época*, *temporada alta – temporada baja*, *marea alta – marea baja*, *alta corriente del río – baja corriente del río*, *sonido alto – sonido bajo*, *números altos – números bajos*, *Alta Edad Media – Baja Edad Media*, *clase alta – clase baja*, *alta burguesía – baja burguesía* и др.

Как и прилагательное *alto*, оно обладает не только пространственной, но и оценочной семантикой. Однако если прилагательное *alto* выражает мелиоративную оценку, то с помощью прилагательного *bajo* нередко дается пейоративная оценка самым разным явлениям, таким, как цвет (*de color(es) bajo(s)* ‘блеклый, тусклый’); ум, способности (*de capacidades bajas* ‘заурядный, низкий’); стиль (*estilo bajo, palabra baja* ‘вульгарный, плоский’) и т.п.

Однако о полной симметрии значений прилагательных *alto* и *bajo* говорить нельзя. Наше исследование на новом языковом материале подтверждает выводы ученых об асимметрии семантической структуры языковых единиц, репрезентирующих параметры вверх и вниз (см., например, [Мазурова 2007; Корнева

2006а; 2008в; 2007б; 2014а; 2014б]). Подобная асимметричность значений анализируемых прилагательных проявляется по-разному. С одной стороны, это расхождения, правда, весьма незначительные, в семантической структуре слова. В частности, прилагательное *bajo* имеет отсутствующее у прилагательного *alto* значение 'низкопробный (о золоте, серебре)': *oro bajo* 'низкопробное золото', антонимом которого является выражение *oro de ley* 'золото высокой пробы', 'опущенный (о шторах и т.п. и о глазах)': *cortinas bajas* 'опущенные шторы', *ojos bajos* 'потупленный взор'.

С другой стороны, их сочетательные возможности, а именно наблюдаемая в отдельных случаях невозможность сочетаний со словами одних и тех же ЛСГ, как у прилагательного *alto*. Например: *bajo vientre* 'подбрюшье, нижняя часть живота', *bajos fondos* 'преступный район в городе', *golpe bajo* 'удар снизу (в боксе)', *barrio bajo* 'район бедноты' и др.

Случаи такого рода заслуживают особого внимания переводчика. Кроме того, отметим более скромные деривационные и фразеобразующие возможности прилагательного *bajo* по сравнению с прилагательным *alto*. В частности, от прилагательного *bajo* образованы такие слова, как:

- bajada* 'спуск; понижение';
- bajamar* 'отлив, малая вода';
- bajar* 'спускаться, сходить вниз';
- bajero* 'нижний (о белье)';
- bajeza* 'низость, подлость; унижение, униженность, смирение';
- bajial* 'место, изобилующее отмелями';
- bajío* 'низменная местность';
- bajista* 'ведущий к снижению (ценных бумаг); биржевик, играющий на понижение';
- bajón* 'фагот; резкое ухудшение';
- bajura* 'низина; глубина';
- abajo* 'вниз; внизу';
- debajo* 'снизу';
- cabizbajo* 'опустив голову';

barriobajero ‘плохо воспитанный, неотесанный; необученный’ и др. (см., например, [ИРС 1988 : 111-112; ANAYA 2002 : 119-120; DELE 1997 : 134]).

Как видно из примеров, прилагательное *bajo* в целом обладает высоким словообразовательным потенциалом, но все же оно значительно уступает возможностям прилагательного *alto*. То же самое можно сказать относительно способности прилагательного *bajo* образовывать составные номинации и фразеологизмы. Последние особенно малочисленны. Кроме отмеченных ранее выражений, в состав которых входит и прилагательное *alto*, употребительными являются лишь синонимичные выражения *por lo bajo* и *en voz baja* ‘тихо; тайком’.

Конечно, асимметричные значения прилагательных *alto* и *bajo*, о которых говорилось выше, представляют определенную трудность для переводчика, однако наибольшие трудности для перевода представляют антонимичные, на первый взгляд, составные номинации, которые на деле таковыми не являются. Речь идет о случаях типа *monte alto* ‘строевой лес’ и *monte bajo* ‘мелколесье’.

Обобщая наши наблюдения, отметим следующее. Прилагательные *alto* и *bajo* занимают важное место в испанской языковой картине мира. Наряду с прототипическим параметрическим значением они широко представлены в таких семантических сферах, как:

– пространство (удаленность, положение в пространстве): *techo alto / bajo, cielo alto / bajo, alta mar, río alto / bajo, tierras bajas*;

– время (удаленность во времени): *altas horas, alta noche, alta / baja época*;

– звук: *voz alta / baja, grito alto / bajo, tono alto / bajo, sonido alto / bajo, volumen alto / bajo*;

– качество: *literatura baja, oro bajo, elasticidad alta / baja, perfumería alta*;

– количество: *neblina alta / baja, colesterol alto / bajo, contaminación alta / baja, proporción alta / baja; comida alta / baja en ..., temporada alta / baja*;

– социальный статус, значимость: *estima alta / baja, gente baja, negocio alto, entidad alta, oficio bajo, prestigio alto, resolución baja, opinión alta, alto juicio*;

– социальные отношения: *polaridad alta, estabilidad alta / baja, participación alta / baja*;

– чувства, эмоции: *alto / bajo deseo, alta / baja pasión*;

– умственная деятельность, мысль: *alto concepto, definición alta*;

– характеристика материала, процесса: *velocidad alta / baja, presión alta / baja, intensidad alta / baja, conductividad alta / baja, elasticidad alta / baja*.

Обратимся теперь к анализу наречий *arriba* ‘вверх, вверху, наверху’ и *abajo* ‘вниз, внизу’. Как и рассмотренные ранее прилагательные *alto* и *bajo*, они отличаются тем, что имеют много значений. Так, в «Словаре современного испанского языка» М. Секо приводятся 17 значений наречия *arriba* и 12 значений наречия *abajo* [Seco 2000 : 170, 2].

Прокомментируем некоторые из них. Наряду со значением ‘направление вверх / вниз’ наречия *arriba / abajo* обозначают также местонахождение вверху или внизу, а также местонахождение в верхней части чего-л. Как и прилагательное *alto*, наречие *arriba* имеет значение ‘небо’ (*allá arriba* ‘там на небе’) в оппозиции к наречию *abajo*, которое означает ‘земля’ (*aquí abajo* ‘здесь на земле’). Сходство с рассмотренными ранее прилагательными *alto* и *bajo* проявляется также в их возможности обозначать верхнее и нижнее течение речи (*El río es más profundo aguas arriba / abajo* ‘Выше / ниже по течению река гораздо глубже’), положение в обществе (*Los que están arriba no se acuerdan de los de abajo* ‘Те, кто находится наверху, не вспоминают о тех, кто находится внизу’), места в театре (*localidades de arriba*) и др.

Кроме того, наречие *arriba* имеет значение ‘более, свыше, сверх’ (*arriba de 5 toneladas* ‘свыше 5 тонн), а в разговорном стиле речи они обозначают стороны света – север и юг (*Más arriba / abajo de Madrid* ‘К северу / югу от Мадрида’). Примечательно, что в последнем примере отчетливо проявляется другая особенность испанского языка – присущая ему «наглядность изображения» ри-

суемого словами образа. В данном случае это карта Испании, в центре которой находится столица Мадрид, который служит точкой отсчета, своеобразным ориентиром для локализации самых разных вещей, в частности местонахождения других географических объектов.

Отличительной чертой испанских локативных наречий, в том числе и рассматриваемых нами наречий *arriba* и *abajo*, является их способность сочетаться с предлогами и образовывать предложно-наречные комплексы (сочетания). Справедливости ради следует отметить, что, согласно нашим данным, в случаях такого рода наречия проявляют избирательность и сочетаются лишь с так называемыми динамическими предлогами, которые указывают на разные этапы перемещения (подробнее см. об этом [Корнева 2003; 2006б; 2008а]). Причиной такого положения дел является синкретичность семантики локативных наречий, которые служат для обозначения как статической, так и динамической ситуации пространственной локализации, то есть и местонахождения, и перемещения субъекта или объекта. Подобная многозначность наречных лексем снимается контекстом, но только в тех случаях, когда речь идет или о местонахождении, или о конечном пункте перемещения. Ср.:

Vive abajo 'Он живет внизу' и *Voy abajo* 'Он идет вниз'.

Для обозначения же начального пункта перемещения, а также трассы перемещения употребление предлога является обязательным.

Как уже отмечалось, наречия *arriba* 'вверх,верху,наверху' и *abajo* 'вниз,внизу' указывают либо на направление перемещения вверх / вниз, либо на местонахождениеверху / внизу. Сочетания данных наречий с предлогами *preposición* + *adverbio* присуще лишь для обозначения динамической ситуации. Роль предлога в сочетаниях такого рода сводится к тому, они конкретизируют, уточняют значение направления перемещения. В одних случаях, а именно в сочетаниях наречий *arriba* и *abajo* с предлогами *hacia* и *para* значение направления перемещения не меняется. В них по-прежнему указывается конечный пункт перемещения (куда?). Ср.:

Voy arriba / abajo (1).

Voy hacia arriba / abajo (2).

Voy para arriba / abajo (3).

Все три примера можно перевести на русский язык одной фразой 'Я иду вверх (наверх) / вниз'.

В других случаях предлоги *de* и *desde* кардинально меняют значение направления перемещения, присущее наречной лексеме. В подобных сочетаниях предлог *de* или *desde* указывает на начальный пункт перемещения, который обозначен наречием *arriba / abajo* (откуда?). Ср.:

Voy arriba (1) 'Я иду вверх (наверх)'

Voy abajo (2) 'Я иду вниз' и

Voy de / desde arriba (3) 'Я иду сверху [вниз]'

Voy de / desde abajo (4) 'Я иду снизу [вверх]'

Кроме того, в одном и том же предложении одновременно могут указываться все три компонента перемещения: начальный пункт перемещения (1), место перемещения (2) и конечный пункт перемещения (3). Как правило, в таких контекстах для номинации каждого из них используются предлоги. Например:

Íbamos por el monte (3) *desde arriba* (1) *hasta abajo* (2) *muy de prisa* 'Мы спускались с верха горы до подножия очень быстро' (букв. 'Мы шли по горе сверху вниз очень быстро').

Случаи такого рода достаточно тривиальны и не представляют никакой трудности при переводе. Иное дело – одновременное использование наречий верха и низа с предлогом *para*, соединенных сочинительным союзом и образующих сочетание *para arriba* и *para abajo*, которые представляют особый интерес для практики перевода. Их своеобразие заключается в том, что наряду с прототипическим обозначением направления перемещения вверх и вниз в полном соответствии с семантикой соответствующих наречных лексем, эти же самые наречия *arriba* и *abajo* могут передавать совершенно другие пространственные значения. В частности, предложно-наречные сочетания *para arriba* и *para abajo* могут обозначать ненаправленное (хаотичное) перемещение: *ir para arriba* и *para abajo* 'ходить туда-сюда'. При этом обращает на себя внимание тот факт, что они могут указывать на

перемещение не только в вертикальном направлении, что вполне естественно для наречий подобной семантики, но и в горизонтальном направлении, что явно противоречит их семантике. Ср.:

Ibamos por el monte para arriba y para abajo 'Мы шли по горе то вверх, то вниз' и

Se pasea otra vez, para arriba y para abajo, sonriendo a los clientes, a los que odia en el fondo '[Хозяйка кафе] снова начинает ходить между столиками, заговаривая с клиентами, которых она в душе ненавидит' (Cela corpus del español.org.ru).

Факты такого рода отчасти объясняют высокую частотность употребления вертикально ориентированных наречий *arriba* и *abajo*.

Не менее значимым для признания их семантическими доминантами испанской языковой картины мира является их большой функциональный потенциал. Наречия *arriba* и *abajo* широко употребляются в номинативных и субстантивно-адвербиальных конструкциях, включая конструкции ориентирования. В составе номинативных конструкций они, как и рассмотренные ранее прилагательные *alto* и *bajo*, выполняют атрибутивную функцию: *la casa de arriba / abajo* 'дом наверху / внизу', *el piso de arriba / abajo* 'верхний / нижний этаж' и т.п. (см. подробнее [Корнева 2006б; 2007а; Рылов 2007]).

Особого рассмотрения заслуживают субстантивно-адвербиальные конструкции *sustantivo + adverbio*, поскольку они представляют уникальное явление в испанском синтаксисе, что проявляется как в их грамматикализованном характере, так и в семантической многозначности.

Грамматикализованность данной конструкции проявляется, в частности, в фиксированности структуры, в которой существительное всегда имеет форму только ед. числа и не употребляется ни с артиклем, ни с другими детерминантами (см., например, [Matte Von 2000 : 185–186; Корнева 2006б; 2007б]), а также в жестком ограничении ее лексического состава. Согласно полученным нами данным, в субстантивно-адвербиальных конструкциях с наречиями *arriba* и *abajo* могут употребляться слова лишь определенных ЛСГ, а именно «географическая» лексика,

включающая названия разного рода возвышенности и их части, изофункциональные им средства и некоторые разряды соматизмов – обозначений частей тела.

В зависимости от используемой лексики субстантивно-адвербиальные конструкции с наречиями *arriba* и *abajo* могут выражать такие разные значения, как пространственная локализация действия по месту и направлению перемещения, а также значение ориентирования – положение локализуемого в пространстве объекта (подробнее см. [Корнева 2006б; 2007б]). В последнем случае речь идет о так называемых конструкциях ориентирования, которые фиксируют позиционное положение предмета (см., например, [Подлеская 2000; Cifuentes Nonrubia 1996]).

При использовании в субстантивно-адвербиальных конструкциях так называемой «географической» лексики – названий элементов рельефа они становятся средством репрезентации двойной пространственной локализации. Существительное в них обозначает место перемещения, а наречие – направление этого перемещения. Ср.:

Íbamos monte / calle arriba 'Мы шли вверх по горе / по улице' и
Íbamos monte / calle abajo 'Мы шли вниз по горе / по улице'.

Важно подчеркнуть, что в таких конструкциях допустимы лишь слова, называющие вертикально ориентированные объекты, то есть разного рода возвышенности и их части, такие, как *montaña* 'гора', *monte* 'высокая гора', *peña* 'скала', *cuesta* 'склон' и им подобные, которые могут служить местом перемещения вверх или вниз. Изосемичными / изофункциональными средствами подобной географической лексики являются так называемые функциональные слова – названия расположенных на таких географических объектах артефактах типа *calle* 'улица', *camino* 'дорога', *sendero* 'тропа' и т.п., а также специально созданные для этого предметы, как, например, *escalera* 'лестница':

Íbamos monte / calle / camino / escalera arriba 'Мы шли вверх по горе / по улице / по склону / по лестнице'.

Íbamos monte / calle / camino / escalera abajo 'Мы шли вниз по горе / по улице / по склону / по лестнице'.

Анализ языкового материала также показал, что в испанских субстантивно-адвербиальных конструкциях с наречиями *arriba* и *abajo* наряду с «географической» лексикой могут употребляться названия внешних частей тела – соматизмы, причем состав их тоже ограничен. Допустимыми являются названия таких частей тела, как *cabeza* 'голова', *pies* 'ноги (ступни)', *patas* 'лапы', *boca* 'рот', *tejas* 'грудь', *panza* 'живот', *barriga* 'брюхо' и некоторые другие.

При анализе семантической структуры этих лексем обращает на себя внимание тот факт, что одни из них связаны с разграничением понятий «верх» и «низ», поскольку у них есть семы вертикальной ориентации, в то время как другие не имеют таких сем и потому указывают на горизонтальную (точнее, фронтальную) ориентацию либо человеческого тела, либо туловища животного. Согласно этому критерию – вертикальная / горизонтальная ориентация можно выделить вертикально ориентированные и горизонтально ориентированные лексемы. В число первых – вертикально ориентированных лексем входят не только слова *cabeza* 'голова', *pies* 'ноги (ступни)', *patas* 'лапы', но и слова *pierna* 'нога', *brazo* 'рука', *garganta* 'горло'. Ко вторым – горизонтально ориентированным лексемам относятся *boca* 'рот', *tejas* 'грудь', *panza* 'живот' и *barriga* 'брюхо'.

Согласно данным нашего исследования, значение субстантивно-адвербиальной конструкции с наречиями *arriba* и *abajo* напрямую зависит от используемых в ней выделенных видов соматизмов.

Такие соматизмы, как *pierna* 'нога', *brazo* 'рука', *garganta* 'горло', изофункциональны «географическим» словам типа *monte* 'гора', *cuesta* 'склон' и т.п., поскольку они тоже называют вертикально ориентированные в обычном положении части тела человека или туловища животного, которые являются достаточно протяженными и которые в силу этого могут быть местом перемещения. При всей общности семантики принципиальное различие между «географическими» словами и указанными соматизмами, служащими местом перемещения, заключается в смене субъекта действия, что связано с размером и места пере-

мещения, и движущегося субъекта. Так, перемещаться вверх или вниз, например, по ноге человека обычно могут маленькие живые существа, прежде всего, насекомое (на что указали информанты), а также ребенок или щенок. Например:

El perro me sube pierna arriba 'Щенок карабкается вверх по моей ноге'.

La mosca sube pierna arriba 'Муха ползет вверх по ноге'.

К другой группе вертикально ориентированных соматизмов, как отмечалось, относятся слова *cabeza* 'голова', *pies* 'ноги (ступни)', *patas* 'лапы', которые стали исходными для формирования самих понятий «вверх» и «низ» (см., например, [Ли Тоан Тханг 2001]). Данные соматизмы и в сознании современного человека прочно ассоциируются с понятием «вверх» или «низ», а потому в составе конструкций для указания направления они обычно не нуждаются в поддержке наречий, имеющих аналогичное значение, и используются в основном с наречными лексемами противоположной семантики, образуя сочетания *cabeza abajo*, *pies / patas arriba*. Сочетания такого рода выражают значение перевернутого, «ненормального» положения одушевленного объекта, будь то человеческое тело или же туловище животного: *cabeza abajo* 'вниз головой', *pies / patas arriba* 'вверх ногами' / 'вверх тормашками', а также положение неодушевленного объекта при метафорическом употреблении выражения *patas arriba* 'вверх дном, в беспорядке'.

Приведенные данные убеждают в существовании однозначной зависимости между лексическим значением соматизма и семантикой конструкции, что связано с особенностями концептуализации головы и ног, которые в языковом сознании выступают в качестве маркеров нормального вертикального положения тела в пространстве.

В целом же следует отметить, что использование вертикально ориентированных соматизмов той или иной группы непосредственно связано с семантикой самой субстантивно-адвербиальной конструкции, которая одновременно может выражать разные пространственные значения – и значение локализации, и значение ориентирования.

В отличие от рассмотренных выше вертикально ориентированных существительных, включающих географическую лексику и изосемичные им средства – функциональные слова и соматизмы, у горизонтально ориентированных соматизмов *boca* ‘рот’, *tejas* ‘грудь’, *panza* ‘живот’ и *barriga* ‘брюхо’ отсутствуют семы «верх» и «низ», а потому они являются средством фасадной ориентации тела человека или туловища животного. В сочетании с наречиями *arriba* и *abajo* данные слова сигнализируют не только о смене вертикального положения человека / человеческого тела (реже – туловища животного) на горизонтальное, но и о том, в каком именно положении он находится – лицом / животом вверх или вниз, то есть лежит он на спине или на животе. Ср.:

boca / tejas / panza / barriga arriba ‘лицом (букв. ртом) / грудью / животом вверх’, то есть положение лежа на спине и

boca / tejas / panza / barriga abajo ‘лицом (букв. ртом) / грудью / животом вниз’, то есть положение лежа на животе.

Для указания же на положение животного на спине используется, как правило, конструкция *patas arriba*.

При переводе испанских конструкций ориентирования на русский язык всегда происходит замена слова *boca* ‘рот’ на слово *sara* ‘лицо’, поскольку для испанского языка, как и для других романских языков, характерны метонимические замены соматизмов: «... при обозначении части тела человека, – пишет Т.А. Репина, – выбираются наименования «меньшего объема» (голова – лоб; глаза – зрачки) или более специализированного названия (рука – ладонь, кулак, запястье; палец – указательный палец и т.п.)» [Репина 2003 : 22].

В целом полученные данные позволяют определить не только состав соматизмов, используемых в испанских конструкциях ориентирования, но и задаваемую ими ориентацию одушевленного объекта в пространстве.

Для ориентирования неодушевленных предметов на основании их функционального назначения используются понятия «правильное» / «неправильное» положение предмета. В испанском языке с этой целью используются конструкции *boca arriba* и *boca abajo*, которые указывают соответственно либо на лицевую,

либо на обратную стороны предмета, либо на его перевернутое положение. Например:

El cuadro está boca arriba 'Картина висит правильно'.

Pon la vajilla boca abajo 'Переверни посуду'; букв. 'Поставь посуду вверх дном'.

Вместе с тем при обозначении неправильного перевернутого положения вертикально ориентированного предмета как одушевленного, так и неодушевленного, используется конструкция с другим соматизмом – соматизмом *cabeza* 'голова'. Ср.:

Se cayó cabeza abajo 'Он упал головой вниз'.

El cuadro está cabeza abajo 'Картина висит вверх ногами' и

El cuadro está boca arriba 'Картина висит правильно'.

Таким образом, наречия *arriba* и *abajo* широко используются в беспредложных конструкциях ориентирования для указания либо на положение на спине или на животе лежащего человека / животного, либо на «правильное» или «неправильное» положение предмета с точки зрения его функционального назначения, либо на перевернутое положение вертикально ориентированного предмета (человека, животного или артефакта). Своеобразие данных конструкций заключается также в том, что в них употребляются только соматизмы, причем состав их резко ограничен (см. подробнее [Корнева 2006б; 2007б]).

Все сказанное выше свидетельствует о высоком функциональном потенциале наречий *arriba* и *abajo*, которые широко используются в качестве средств синтаксической репрезентации пространства в испанской языковой картине мира и которые демонстрируют этноспецифическое преломление пространства в сознании испанского этноса, что необходимо учитывать при переводе.

Обратимся к анализу семантико-функциональных возможностей слов другой части речи – предлогов *sobre* и *bajo*. Данные единицы, как и рассмотренные ранее прилагательные *alto* / *bajo* и наречия *arriba* / *abajo*, образуют оппозицию по признаку «верх (вверху)» / «низ (внизу)».

Согласно данным словарей, предлог *sobre* обладает разветвленной системой значений (по разным оценкам, их насчитыва-

ется от 9 до 14; см., например, [ИРС 1988 : 706; DELE 1997 :1075 ; ANAYA 2002 : 1028]), что в общем-то неудивительно. Удивительно другое – что данный предлог в первичном пространственном значении соответствует двум русским предлогам – предлогу *над* и предлогу *на*, поскольку столь принципиальное для русского языка разграничение соппространственности и несопространственности (термин М. В. Всеволодовой и В. В. Владимирского [Всеволодова 1982]), то есть нахождение в пределах или за пределами локума (ср.: *на столе* и *над столом*), для испанской лингвокультуры оказывается нерелевантным. Критерием разграничения вертикально ориентированных лексем в испанском языке, как и в латинском, является, прежде всего, положение выше или ниже точки отсчета (см. подробнее [Корнева 2003; 2008а; 2014а; 2015а]). Благодаря этому предлог *sobre* указывает на место реализации действия или на местонахождение одного предмета выше другого, независимо от того, находятся ли определяемые предметы в одном и том же пространстве (локуме) или в разных. Ср.:

El avión volaba sobre la ciudad ‘Самолет летел над городом’.

La lámpara está colgada sobre la mesa ‘Лампа висит над столом’.

и

La lámpara está sobre la mesa ‘Лампа стоит на столе’.

Подобная «размытость», с точки зрения носителя русского языка, границ местонахождения, наблюдаемая в названных и других подобных примерах, приводит к тому, что вертикально ориентированный предлог *sobre* становится в испанском языке средством выражения значения приблизительности. Приблизительным может быть указание либо на количество, либо на время:

Tengo sobre mil euros ‘У меня около тысячи евро’.

Vendré sobre las diez ‘Я приду часов в десять’.

Вертикально ориентированный предлог *sobre* может также выражать и такое значение времени, как временная последовательность действий. В одних случаях он указывает на время реализации действия либо после завершения другого действия, выраженного событийным именем, либо после окончания опре-

деленного отрезка времени (времени суток), выраженного лексемой соответствующей семантики:

sobre comida 'после обеда' = *después de comida*;

sobre tarde 'после наступления вечера' = *después de tarde*.

Что касается других значений, репрезентируемых предлогом *sobre*, в частности значения повторяемости действия, то они хорошо иллюстрируют культурно специфические особенности концептуализации предметов и явлений действительности, присущие испанскому этносу. Для большей наглядности заметим, что в русском языковом сознании значение повторяемости действий предстает как череда событий, как определенные «вехи», многократно встречающиеся на пути движущегося в горизонтальном направлении субъекта, на что указывает конструкция с предлогом *за* (например, *кража за кражей*). В испанском же языке повторяемость действия получает совершенно иную трактовку и предстает как наслаивание одних и тех же негативных событий по вертикали:

crueldades sobre crueldades 'жестокость за жестокостью',

robos sobre robos 'кража за кражей',

desgracias sobre desgracias 'несчастье за несчастьем'.

Значимость вертикали для осмысления действительности отражается и в таком значении предлога *sobre*, как «кроме, сверх, вдобавок»:

Sobre el hígado en la mesa había carne 'Кроме печени на столе было мясо'.

Данные словарей и данные языкового материала показывают, что испанский предлог *sobre* значительно расходится по своему функциональному потенциалу с русскими предлогами *над* и *на*. В частности, он соответствует такому значению русского предлога *над*, как «нахождение кого- или чего-нибудь выше в каком-либо отношении», будь то физическое (а) или иное пространство, чаще всего социальное (б):

(а) *volar sobre la ciudad* 'летать над городом';

(б) *Sobre él está el jefe* 'Над ним стоит начальство'.

Однако для перевода второго значения предлога *над* «направленность действия на что- или кого-нибудь» (*сидеть над*

книгой, смеяться над кем-нибудь) в испанском языке требуются иные, причем разные предлоги в зависимости от направленности действия на одушевленный или неодушевленный предмет.

И наоборот, значение испанского предлога *sobre* «контроль или постоянное наблюдение за кем-либо», близкое, на наш взгляд, к рассмотренному ранее значению направленности действия на предмет, в русском языке получает иное формальное выражение и передается предлогом *за*. Ср.:

estar todo el día sobre el niño ‘весь день присматривать за ребенком’.

Отметим также, что в испанском языке значение местонахождения одного предмета или действия выше точки отсчета (локума) могут выражать несколько синонимичных предлогов – предлоги *en*, *sobre* и *encima de*. В основе их разграничения при обозначении физического пространства лежит критерий степени удаленности от локума: предлог *en*, кроме значения «внутри», указывает на местонахождение на поверхности предмета, предлог *sobre* – на местонахождение на поверхности предмета или над ним. Предлог *encima de*, как и предлог *sobre*, может обозначать местонахождение на поверхности предмета или над ним. Сказанное не означает, что предлоги *sobre* и *encima de* являются абсолютными синонимами, поскольку предлог *encima de* образован от наречия *encima* ‘наверху, сверху’ и сохраняет его семантику. Таким образом, эти предлоги актуализируют такие значения вертикальной локализация предмета, как на поверхности (*en la mesa*), выше предмета (*sobre la mesa* – на его поверхности или над ним), сверху (*encima de la mesa*), которые обычно утрачиваются при переводе на другие языки, в том числе на русский язык.

В целом же семантическая структура предлога *sobre* значительно расходится с той палитрой значений, которая присуща русским предлогам *над* и *на*, что является отражением разного осмысления действительности в сравниваемых языках.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в испанской и русской лингвокультурах категоризация и концептуализация одних и тех же явлений действительности часто происхо-

дит на принципиально иных основаниях. Для испанского языка приоритетными являются вертикаль и статичность, а для русского языка – горизонталь и динамичность.

Аналогичные выводы можно сделать и относительно семантики предлога *bajo* ‘под’ и возможностей его перевода на русский язык.

Предлог *bajo* в первичном пространственном значении «местонахождение ниже чего-нибудь» идентичен русскому предлогу *под*:

bajo la mesa ‘под столом’, *bajo el tejado* ‘под крышей’, *bajo el agua* ‘под водой’. То же самое можно сказать о некоторых переносных значениях, в которых указывается состояние / положение человека и его действия в социальном пространстве: *bajo tutela* ‘под опекой’, *bajo la dirección* ‘под руководством’, *bajo palabra* ‘под честное слово’, *bajo sospecha* ‘под подозрением’, *bajo amenaza* ‘под угрозой’, *bajo control* ‘под контролем’ и т.п. Однако в целом контексты употребления предлога *bajo* значительно отличаются от русского предлога *под*. Во многих случаях предлог *bajo* выступает как антоним предлога *sobre*. При этом происходит естественная смена субъектов / объектов действия, но отношения по вертикали «вышестоящий» – «нижестоящий», «выше» – «ниже» сохраняются. Ср.: *bajo las órdenes del general* ‘по приказу генерала’, *bajo el reinado* ‘во время правления’, *bajo el dominio de árabes* ‘во время господства арабов’, *bajo encargo* ‘по поручению; по заказу’ и др. Вероятно, основной причиной такого положения дел является то, что предлог *bajo* есть результат категориальной полисемии, он происходит от одноименного прилагательного и в той или иной степени сохраняет его значения (см. подробнее о семантике данного предлога в русском и испанском языках в [СРЯ 1988 : 529-530; ИРС 1988 : 111; Seco 2000 : 218; DELE 1997 : 134; ANAYA 2002 : 120; DRAE 2001 : 273; López 1970; Pavón Lucero 1999; Cifuentes Honrubia 1996; Nueva Gramática de la Lengua Española 2010]).

Примечательно, что в словарях приводятся фразеологизмы с этим предлогом: *bajo cuerda* ‘скрытно, тайком’, *bajo mano* ‘скрыт-

но', *bajo palio* 'с большим почетом', из которых только одно выражение *bajo siete llaves* является полным эквивалентом русского выражения 'под семью замками'.

Следует также отметить, что в испанском языке значение местонахождения одного предмета или действия ниже точки отсчета (локума) наряду с предлогом *bajo* может выражать синонимичный предлог *debajo de* 'снизу, под'. Как и в случае с предлогами «верха» *sobre* и *encima de*, предлоги *bajo* и *debajo de* тонко дифференцируют положение одного предмета ниже другого. В целом в вертикальном измерении снизу вверх положение предмета маркируется предлогами верха и низа следующим образом: *debajo de – bajo – en – sobre – encima de*. В этом отношении испанский язык наследует столь важное для латыни и столь четкое разграничение пространственной локализации предмета по параметрам «снизу» – «внизу» – «вверху» – «сверху» (см. подробнее [Корнева 2015а; 2015б]).

Обобщая наши наблюдения, отметим, что параметры пространства «вверху – внизу» имеют свою «нишу» в испанской языковой картине мира и их влияние обнаруживается в разных фактах языка. В частности, оно проявляется в следующем:

- в экспансии вертикали для обозначения значения горизонтали (в частности, для выражения значения перемещения туда и обратно, хаотичного перемещения, значения удаленности и др.);

- в широком использовании лексем данной семантики для обозначения времени (в их числе значения временной удаленности и приблизительного указания на время и др.); значения повторяемости действия; количества (большого или незначительного; приблизительного); качества (выше / ниже нормы); аксиологической оценки «хорошо – плохо»;

- в формировании этноспецифических конструкций ориентирования;

- в развитии многозначности вертикально ориентированных лексем разных частей речи;

- в их большом словообразовательном и фразеобразовательном функциональном потенциале;

- в частоте употребления.

Все сказанное выше убедительно свидетельствует о том, сколь велика роль параметров «вверху – внизу» в формировании испанской картины мира, что позволяет с полным на то основанием считать их семантическими доминантами.

Параметры «внутри» – «снаружи», согласно полученным данным, также являются основополагающими для испанского языкового сознания и формирования языковой картины мира. Их тоже характеризует высокая номинативная плотность. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в испанском языке есть отдельные лексемы для обозначения артефактов, которые различаются по признаку ‘внешнее / внутреннее пространство’, например: *pared* ‘стена дома’ и *muro* ‘внешняя стена’, *muralla* ‘крепостная стена’, *intramuros* ‘в черте города’ и *extramuros* ‘за чертой города’, *esquina* ‘внешний угол дома’ и *rincón* ‘угол комнаты / помещения’, *piso exterior* ‘квартира, выходящая окнами на улицу’ и *piso interior* ‘квартира, выходящая окнами во двор’ и др. Подобное разграничение не характерно для русского языка и может вызывать трудности при переводе.

Наречия *dentro* ‘внутри’ и *adentro* ‘внутрь, внутри’, указывающие на местонахождение внутри или на перемещение внутрь, и их антонимы *fuera* ‘снаружи’ и *afuera* ‘наружу, снаружи’, обозначающие соответственно местонахождение снаружи или перемещение наружу, отличаются не только большей частотностью употребления по сравнению с их русскими аналогами, но и функционированием в непривычных для носителя русского языка контекстах. В частности, в испанском языке широко распространены конструкции, как в следующих примерах:

Salimos del bar. Fuera hacía frío. ‘Мы вышли из бара. На улице было холодно’.

Siempre está fuera. ‘Его никогда нет дома’ или ‘Он постоянно в разъездах’ (букв. ‘Он всегда снаружи / за пределами данного пространства’).

Тем самым в испанском языке достигается большее разграничение внешнего и внутреннего пространства по сравнению с русским языком. Кроме того, в испанском языке в конструкциях такого типа наречия оппозиции «внутри – снаружи» вы-

ступают как маркеры пространственной локализации, в то время как в русском языке, как правило, называется конкретное место протекания действия с помощью предложно-именного словосочетания.

Аналогичное замечание можно сделать и относительно семантики и функционирования образованных от этих наречий предлогов *dentro de* 'внутри чего-либо' и *fuera de* 'снаружи чего-либо'. Ср.:

El coche está dentro del garaje – букв. 'Машина стоит внутри гаража и

El coche está fuera del garaje – букв. 'Машина стоит вне гаража'.

Более точным переводом таких предложений на русский язык будут следующие: 'Машина в гараже' и 'Машина не в гараже', хотя второе предложение тоже звучит не совсем по-русски. Скорее, мы бы уточнили местонахождение машины и сказали бы, например, 'Машина стоит не в гараже, а на улице'.

В испанском языке среди глаголов пространственной семантики необычайно многочисленны глаголы с приставкой *en-/em-*. Наиболее частотны отыменные парасинтетические глаголы, построенные по словообразовательной модели *en + nombre + -ar/-er*. Примечательно, что в зависимости от того, как концептуализируется предмет, название которого является производящей основой для глагола, последний может иметь два основных значения. Если предмет концептуализируется как трехмерный объект, как вместилище, то словообразовательная модель реализует значение «оказаться внутри объекта, названного производящей основой». Например: *cuna* 'колыбель' → *encunar* 'положить в колыбель', *marco* 'рамка' → *enmarcar* 'заклЮчить в рамку', *cesta* 'корзина' → *encestar* 'положить в корзину', *cajón* 'ящик' → *encajonar* 'положить в ящик', *paquete* 'пакет' → *empaquetar* 'положить в пакет', *barco* 'корабль' → *embarcar* 'грузить, сесть на корабль', *botella* 'бутылка' → *embotellar* 'разливать в бутылки, *cama* 'постель' → *encamar* 'положить в постель' и др.

Примечательно, что значительный пласт среди этих таких отыменных глаголов составляют глаголы психоэмоционального состояния: *amor* 'любовь' → *enamorarse* 'влюбиться'; *furia*

‘ярость’ → *enfurecer* ‘прийти в ярость’, *loco* ‘безумный / безумец’ → *enloquecer* ‘сойти с ума’ и др., что подтверждает наблюдения ученых о том, что эмоции часто концептуализируются как емкости.

Если же предмет концептуализируется как двухмерный объект, как поверхность, то словообразовательная модель реализует другое значение – «оказаться на поверхности / снаружи объекта, названного производящей основой». Например: *arena* ‘песок’ → *eparenar* ‘покрывать песком’, *camisa* ‘рубашка’ → *encamisar* ‘одевать / надевать рубашку’, *barro* ‘глина’ → *embarrar* ‘обмазывать глиной’, *paja* ‘солома’ → *empajar* ‘покрывать соломой’, *parche* ‘пластырь’ → *emparchar* ‘накладывать пластырь’, *sapa* ‘плащ’ → *ensapar* ‘закутывать(ся) в плащ’, *cinta* ‘лента’ → *encintar* ‘украшать лентами’, *piedra* ‘камень’ → *empedrar* ‘мостить камнем’, *cadena* ‘цепь’ → *encadenar* ‘заковать в цепи’, *bosque* ‘лес’ → *embosquecer* ‘зарастать лесом’. Производящей основой таких глаголов, как правило, являются конкретные существительные определенной семантики.

Наконец, при отглагольном образовании, занимающем весьма скромное место в системе словообразования испанского языка, в глаголах, построенных по модели *en + verbo*, приставка усиливает исходное значение глагольной лексем, ср.: *cubrir* ‘покрывать’ → *encubrir* ‘накрывать’ [Korneva 2016].

Одним из способов проявления значимости внешнего и внутреннего пространства, равно как и вертикально ориентированного пространства, в конструировании испанской языковой картины мира следует также признать развитие многозначности у лексем соответствующей семантики. В этом убеждает проведенный нами ранее анализ лексем разных частей речи, таких, как наречие, прилагательное, предлог.

К таким же выводам приводит и изучение семантической структуры других единиц языка, в частности глагола *entrar* ‘входить, въезжать», богатство значений которого особенно очевидно на фоне других языков, в том числе русского (см. подробнее [Korneva 2010a; 2011]). Развитие полисемии у данного глагола убедительно указывает на существование в испанском языко-

вом сознании тесной связи между разными видами пространств, между разными сферами и формами бытия, такими, как физическое пространство, время, социум, социальное положение и межличностные отношения, психоэмоциональное и физическое состояние человека, природные явления и др. Одни из этих значений совпадают со значениями других лексем пространственной семантики, о чем говорилось выше; другие расширяют диапазон семантического варьирования и отражают связи внешнего и внутреннего пространства с самыми разными явлениями действительности (см. подробнее [Корнева 2008г; 2010а; 2013а]).

Пожалуй, наиболее ярко и неожиданно с точки зрения русской лингвокультуры оппозитивные параметры «внутри» – «снаружи» проявляются на дискурсивном уровне. В зависимости от того, как маркирует себя говорящий относительно коммуникативной ситуации – изнутри или снаружи, он использует разные номинативно-дискурсивные стратегии. Если он включает себя в ситуацию, то такую стратегию мы называем интериоризованной; если же он описывает ситуацию со стороны, «снаружи», то используется другая стратегия – экстериоризованная (подробнее см. [Корнева 2008г; 2010б]). Ср.:

Estamos en verano букв. 'Мы находимся в лете' и *Es verano* 'Сейчас лето'.

Estamos a 24 de julio букв. 'Мы находимся в дне 24 июля' и *Es 24 de julio* '[Сегодня] 24 июля'.

Как вытекает из примеров, выбор той или иной конструкции для выражения фактически одного и того же смысла в испанском языке определяется исключительно позицией говорящего и его отношением к описываемым событиям, что отражается в используемых номинативно-дискурсивных стратегиях.

Данные виды стратегий широко используются не только в повседневном дискурсе, как в приведенных выше примерах, но и в художественном и публицистическом дискурсах (см. подробнее [Корнева 2008г; 2010б; 2017; 2018]), в которых они нередко служат средством выражения оппозиции «свой» – «чужой» в самых разных ее проявлениях.

В целом следует подчеркнуть, что влияние выделенных нами семантических доминант в испанской языковой картине мира проявляется по-разному. В частности, как было показано, оно проявляется в частотности употребления и номинативной плотности лексем соответствующей семантики, в этноспецифическом развитии их многозначности, в их широкой сочетаемости, высокой фразеоспособности и богатом функциональном потенциале. Одним из проявлений этого потенциала является наличие в испанском языке специфических синтаксических конструкций и разных дискурсивных стратегий, не имеющих точного соответствия в других языках. Другим, не менее важным их проявлением следует признать тесные связи параметров пространства «вверху – внизу» и «внутри – снаружи» с самыми разными формами бытия, касающихся жизни и деятельности и отдельного человека, и социума в целом, что доказывает их приоритетность в категоризации и концептуализации окружающей действительности и в конструировании испанской языковой картины мира в целом. Тем самым подтверждается справедливость мнения ученых о том, что у каждого народа есть своя система образов и свои когнитивные схемы. Несомненно ключевая роль в этой системе образов и когнитивных схем принадлежит семантическим доминантам. Таким образом, необходимо, на наш взгляд, расширить само понятие семантических доминант и включить в них не только «разработанные», «акцентированные», с точки зрения другой лингвокультуры участки концептуальной и языковой картины мира, но и сам механизм их формирования.

В заключение отметим следующее.

В языковой картине мира выделяются семантические доминанты – наиболее значимые, акцентированные для того или иного этноса смыслы, которые самым различным образом проявляются в единицах языка.

В испанской лингвокультуре семантическими доминантами являются параметры «вверху – внизу» и «внутри – снаружи».

Многочисленные репрезентации данных параметров в испанской картине мира свидетельствуют о том, что семантичес-

кие доминанты оказывают влияние на процесс категоризации и концептуализации объективной действительности. Это влияние проявляется в этноспецифическом выборе определенного ракурса осмысления фрагментов действительности, закрепленном в различных единицах и структурах языка.

При «экстенсивном» способе влияния семантической доминанты для обозначения важного для этноса фрагмента действительности в языке создаются отдельные номинативные единицы (слова, устойчивые сочетания, синтаксические конструкции).

«Интенсивный» способ проявления семантической доминанты характеризуется развитием многозначности значимых для этноса языковых единиц, в основе которой лежит категоризирующая деятельность сознания, подводящая под общее тело знака разные явления на основе выявления общих когнитивно значимых признаков и их модификации.

Поскольку семантические доминанты не осознаются носителями языка и выявляются только на фоне другой лингвокультуры, они тесно связаны с понятиями переводимости и непереводимости.

Литература

1. *Всеволодова М.В.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский. – М. : Рус. яз., 1982. – 264 с.

2. *Гак В.Г.* Пространство вне пространства / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 127–134.

3. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира : курс лекций. / Г.Д. Гачев. – М. : Изд-во Центр «Академия», 1998. – 432 с.

4. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 397 с.

5. *Касевич В.Б.* Некоторые вопросы отражения в языке пространственных отношений / В.Б. Касевич // Вторая международная конференция по когнитивной науке : тезисы докладов : в 2 т. Санкт Петербург, 9–13 июня 2006 г. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006. – Т. 1. – С. 299–300.

6. Категоризация мира : пространство и время : материалы научной конференции. – М. : Диалог – МГУ, 1997. – 108 с.

7. Кобозева И.М. Грамматика описания пространства / И.М. Кобозева // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 151–162.

8. Корнева В.В. Предлоги испанского языка и их роль в формировании пространственной картины мира / В.В. Корнева // Единство системного и функционального анализа языковых единиц : материалы региональной научной конференции 8–9 октября 2003 г. Вып. 7 : в 2 ч. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2003. – Ч. I. – С. 158–162.

9. Корнева В.В. Лингвистика на просторах пространства (обзор публикаций последних лет) / В.В. Корнева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006а. – № 1. – С. 154–164.

10. Корнева В.В. Синтаксические средства объективации пространства (на материале испанского языка) / В.В. Корнева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2006б. – № 2. – С. 5–16.

11. Корнева В.В. Универсальное и специфическое в пространственной локализации : монография / В.В. Корнева // Человек как субъект коммуникации : Универсальное и специфическое / под общей редакцией Л.И. Гришаевой, Е.Н. Ищенко. – Воронеж : Воронежский государственный университет. – 2006в. – С. 114–128.

12. Корнева В.В. Субстантивно-адвербиальные конструкции как средство пространственной квалификации предмета в испанском языке / В.В. Корнева // Филология и культура. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007а. – С. 453–456.

13. Корнева В.В. Синтаксические средства объективации позиционного положения объекта в испанском языке / В.В. Корнева // Теоретические и прикладные аспекты описания языка и межкультурной коммуникации. – Вып. 1. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2007б. – С. 25–39.

14. Корнева В.В. Наречия и параметры пространственной картины мира / В.В. Корнева. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2008а. – 302 с.

15. Корнева В.В. Испанская пространственная картина мира и ее параметры / В.В. Корнева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2008б. – 10(34). – С. 8–11.

16. Корнева В.В. Номинативные стратегии как отражение особенностей пространственного мышления этноса / В.В. Корнева // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2008в. – № 3. – С. 77–81.

17. Корнева В.В. Фактор адресата и выбор номинативных стратегий / В.В. Корнева // Язык и дискурс в статике и динамике : материалы Международной научной конференции. – Минск : МГЛУ, 2008. – С. 247–248.

18. Корнева В.В. Пространство в единицах и структурах языка / В.В. Корнева. – М. : АНО ВПО «МГИ», 2008д. – 192 с.

19. Корнева В.В. Семантические доминанты испанской пространственной картины мира и их отражение в единицах языка / В.В. Корнева // Теоретические проблемы современного языкознания. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2009. – С. 226–233.

20. Корнева В.В. Семантические доминанты испанской картины мира в аспекте перевода : сб. науч. трудов / В.В. Корнева // Социокультурные аспекты перевода. – Вып. 9. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2010а. – С. 352–358.

21. Корнева В.В. Антропонимические модели как отражение номинативных стратегий в художественном дискурсе / В.В. Корнева. / Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов : монография / Ю.А. Рылов, В.В. Корнева [и др.] / под ред. Ю.А. Рылова. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2010б. – С. 182–226.

22. Корнева В.В. Семантические доминанты испанской картины мира в структуре многозначного глагола / В.В. Корнева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 1. – С. 27–31.

23. Корнева В.В. Параметры «вверху – внизу» и «внутри–снаружи» как семантические доминанты испанской языковой картины мира / В.В. Корнева // Язык – Когниция – Социум : тезисы докладов Международной научной конференции. – Минск : МГЛУ, 2012. – С. 45–46.

24. Корнева В.В. Семантические доминанты в испанской языковой картине мира / В. В. Корнева // Романская филология в контексте современного гуманитарного знания : сборник научных трудов : материалы 1-го Международного научно-практического семинара. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2013а. – С. 84–89.

25. Корнева В.В. Семантические доминанты испанской картины мира как фактор развития многозначности языковых единиц / В.В. Корнева // Многозначность языковых единиц в когнитивном

аспекте : коллективная монография. – Иркутск : ИГЛУ, 2013б. – С. 168–188.

26. *Корнева В.В.* Категоризация возвышенности в испанской и русской лингвокультурах / В.В. Корнева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014а. – № 4. – С. 69–72.

27. *Корнева В.В.* Универсальное и специфическое в категоризации природных реалий / В.В. Корнева // Субъект познания и коммуникации : языковые и межкультурные аспекты : сборник научных трудов, посвященный юбилею Людмилы Ивановны Гришаевой. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014б. – С. 281–293.

28. *Корнева В.В.* Испанские локативные наречия: латинское наследие и современность / В.В. Корнева // Испания и Россия в новом коммуникативном пространстве XXI века : 4-й Международный конгресс испанистов России. – Москва, 2015а. – С. 101–109. (Вестник Московского государственного лингвистического университета, вып. 27).

29. *Корнева В.В.* Естественные категории в естественном языке (по данным испанского языка) / В.В. Корнева // Древняя и Новая Романия. – СПб., 2015б. – Т. 15. – С. 103–107.

30. *Корнева В.В.* Типология и структурно-семантические свойства испанских объявлений о знакомстве / В.В. Корнева, К.О. Москаленко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 4. – С. 103–107.

31. *Корнева В.В.* Традиции и новации в изучении объявлений о знакомстве / В.В. Корнева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 1. – С. 184–187.

32. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации / А.В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1996. – 160 с.

33. *Кубрякова Е.С.* Категоризация мира : пространство и время (вступительное слово) / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Категоризация мира : пространство и время : материалы научной конференции. – М. : Диалог – МГУ, 1997. – С. 3–6.

34. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание : на пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

35. *Ли Тоан Тханг*. Пространственная локализация «верх-низ» во вьетнамском языке / Ли Тоан Тханг // Язык и культура. Факты и ценности : к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т. Е. Янко. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – С. 347–362.

36. Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 448 с.

37. *Мазурова Ю.В.* Типология средств выражения пространственной локализации (вертикальная ось) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Мазурова. – М., 2007. – 32 с.

38. *Падучева Е.В.* Феномен Анны Вежбицкой [Вступительная статья] / Е.В. Падучева // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 5–32.

39. *Подлесская В.И.* «Лицом к лицу» / В.И. Подлесская, Е.В. Рахилина // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 98–107.

40. *Репина Т.А.* Сравнительная типология романских языков / Т.А. Репина. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – 280 с.

41. *Рылов Ю.А.* Аспекты языковой картины мира : итальянский и русский языки / Ю.А. Рылов. – М. : Гнозис, 2006. – 304 с.

42. *Рылов Ю.А.* Простое и осложненное предложение в испанском языке / Ю.А. Рылов. – М. : Высш. школа, 2007. – 221 с.

43. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.

44. *Alarcos Llorach E.* Gramática de la lengua española. / E. Alarcos Llorach. – Madrid : Espasa Calpe, S.A., 1995. – 406 p.

45. *Cifuentes Honrubia J.L.* La verticalidad lingüística en español: semántica y cognición de usos prepositivos / J.L. Cifuentes Honrubia // Estudios computacionales del español (artículos presentados en el Simposio de Lingüística española celebrado en el UNIST, Manchester, los días 19 y 20 de mayo de 1995). – Madrid : Instituto Cervantes, 1996. – P. 37–82.

46. *Korneva V.V.* Lexicología española : manual. Parte I. Formación de palabras en español / V.V. Korneva. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. – 152 с.

47. *López M.I.* Problemas y métodos en el análisis de las preposiciones / M.I. López. – Madrid : Gredos, 1970. – 272 p.
48. Nueva Gramática de la Lengua Española. Manual. – Madrid : Espasa Libros, S.L., 2010. – 993 p.
49. *Matte Bon F.* Gramática Comunicativa del Español. Tomo 2. / F. Matte Bon. – Madrid : Edelsa, S.A., 2003. – 369 p.
50. *Pavón Lucero M.V.* Clases de partículas: preposición, conjunción y adverbio / M.V. Pavón Lucero // Gramática Descriptiva de la Lengua Española. V. 1. Sintaxis básica de las clases de palabras. Dirigida por Ignacio Bosque y Violeta Demonte. Preámbulo de F. Lázaro Carreter. – Madrid : Espasa Calpe, S.A. 1999. – P. 565–703.
51. *Pottier B.* Espacio y tiempo en el sistema de las preposiciones / B. Pottier // Lingüística moderna y filología hispánica. Versión española de Martín Blanco Alvarez. – Madrid : Gredos, S.A., 1970. – P. 144–153.
52. *Talmy L.* How language structures space / L. Talmy // Spatial Orientation: Theory, Research and Application. – New York: Plenum Press, 1983. – P. 225–320.

Список словарей и сокращений

- СРЯ – Ожегов С.И. Словарь русского языка : 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Рус.яз., 1990. – 921 с.
- ИРС – Испанско-русский словарь : 70 000 слов / под ред. Б.П. Нарумова. – М. : Рус. яз., 1988. – 832 с.
- ANAYA – Diccionario Anaya de la Lengua. – Barcelona : SPES Editorial S.L., 2002. – 1195 p.
- DELE – Diccionario del Estudiante de la lengua española. – Barcelona : Larousse Editorial, S.A., 1997. – 1213 p.
- DULE – Moliner M. Diccionario de uso del español. – T. 1, 2. – 2-a edición. – Madrid: Editorial Gredos, 1998. T. 1. – 1446 p., T.2 – 1585 p.
- DRAE – Diccionario de la Lengua Española de la Real Academia Española. – Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2001. Vol. 1, 2. – 2368 p.
- Seco M. Diccionario Abreviado del Español actual / Manuel Seco, Olimpia Andrés, Gabina Ramos. – Madrid : Aguilar, 2000. – 1847 p.

Глава 3. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КОМПЛЕКСНОГО ЗНАКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА (на материале романа Э. Базена «Змея в кулаке»)

Текст как продукт речемыслительной деятельности. Перевод как отражение художественной картины мира

Исследование художественного текста и его концептуального пространства в последнее время все больше привлекает внимание лингвистов. Расширение сферы деятельности лингвистов проявляется в их интересе не только к семантике единиц языка, но в особенности к семантическому наполнению речевого высказывания. В этой связи текст как продукт речемыслительной деятельности является тем материалом, который может позволить исследователю наиболее полно и комплексно представить картину мира, моделируемую соответствующим дискурсом. В этой связи художественный дискурс как коммуникативное явление, включающее в себя как внутрилингвистические, так и экстралингвистические факторы (фоновые знания, цели адресата, эмоциональные установки) представляет собой сложно структурированное единство, отражающее индивидуально-авторскую модель организации и восприятия картины мира. Таким образом, любые исследования языковых, ментальных, аксиологических характеристик художественного дискурса, а также переводоведческие исследования невозможны без учета многослойной структуры авторского концепта. Из этого следует, что характеристики концепта выявляются не только через анализ отдельных смыслов, но и через изучение отдельных текстов и целых произведений [Болдырев 2014 : 46]. При этом особое внимание уделяется моделированию картин мира, продуцируемых дискурсом [Кубрякова 2004 : 528].

В этой связи необходимо указать на наличие системных взаимосвязей, касающихся различных аспектов анализа элементов художественного текста и его анализа в целом. Во-первых,

очевидно, что специфические особенности любого из аспектов анализа представляют собой проявление функционирования концептуальной модели целого текста, во-вторых, сама концептуальная модель художественного текста является реализацией на разных уровнях системных свойств конкретного элемента.

В настоящее время в лингвистике не существует однозначно понимания модели концептуального анализа целого текста, так как методы ее выявления находятся в стадии разработки. Именно поэтому представляется актуальным рассмотрение отдельных языковых элементов конкретного текста с целью поиска алгоритма их репрезентации и соответственно уточнения особенностей концептуальной модели данного текста. Для плодотворного анализа такого типа необходимо проанализировать взаимосвязи различного характера: семантического, словообразовательного, композиционального, когнитивного и др. В частности, в настоящем исследовании нас интересует, как отражаются такие взаимосвязи посредством перевода с французского языка на русский комплексных знаков. Как известно, перевод является тем «зеркалом», которое отражает системные процессы, происходящие в языке. Например, модели семантической деривации, лежащие в основе развития многозначности и соответственно определяющие их когнитивные модели, могут оказывать системное влияние на алгоритмы перевода изучаемых языковых средств.

Учитывая вышеизложенное, мы поставили целью изучить способы перевода на русский язык ряда префиксальных французских слов (комплексных знаков) разной степени идиоматичности, проследить взаимосвязь между их параметрами разного характера в исходном тексте (ИТ) и переводном тексте (ПТ) и выявить особенности когнитивного моделирования комплексного знака (КЗ) и специфику ее проявления на вербально уровне, в частности, при переводе. При этом речь идет о комплексных знаках с семантикой «отрицания» (с отрицательными префиксами), что соответствует концепту, определяющему специфику трилогии, и, в частности, исследованной нами первой книги романа «Змея в кулаке»: имеется в виду концепт-оппозиция «Ге-

рой – окружающий мир» и соответствующие микроконцепты-оппозиции [Полянчук 2018].

В наши задачи входит:

- классифицировать изучаемые комплексные знаки по степени их идиоматичности;
- определить словообразовательные значения комплексных знаков;
- выявить основные микроконцепты-оппозиции романа;
- классифицировать комплексные знаки в рамках микроконцептов;
- проанализировать способы перевода комплексных знаков в рамках каждой степени их идиоматичности и каждого микроконцепта-оппозиции;
- проанализировать комбинаторные потенции составляющих комплексных знаков и их переводческих эквивалентов;
- доказать, что модель концептуальной деривации, лежащая в основе модели семантической деривации при развитии полисемии комплексным знаком, определяет системным образом модель перевода анализируемой единицы;
- разграничить модели перевода, отражающие сходные и различные в исследуемых языках когнитивные механизмы.

Выбор объекта исследования (комплексные знаки) был сделан целенаправленно: именно законы концептуальной интеграции в наибольшей степени отражают особенности взаимодействия концептуальных признаков, профилирование одного и того же либо разных признаков при переводе. Кроме того, в соответствии с основной идеей романа (протест главного героя против устоев семьи) комплексные знаки с отрицательными префиксами являются высокочастотными и играют смыслообразующую роль.

Необходимо отметить, что в современной лингвистике существует целый ряд исследований, в которых делаются попытки моделирования художественного перевода с позиций дикурсивного анализа. Однако наше исследование нацелено на моделирование иного характера: нам необходимо рассмотреть процесс перевода как «зеркало», отражение языковых и когнитивных

моделей, а также выявить такие случаи, когда перевод в определенной мере «искажает зеркальное отражение» и объяснить, по каким когнитивным законам такое искажение происходит.

Для достижения поставленной цели мы пользуемся следующим спектром научных методов: метод когнитивно-матричного анализа, метод компонентного и дефиниционного анализа, метод контекстуального анализа, метод сопоставления словарных дефиниций, словообразовательный и текстовый анализ, когнитивно-дискурсивный анализ.

Таким образом, для достижения поставленной цели нам необходимо рассмотреть целый ряд проблем, связанных с различными аспектами лингвистики, когнитологии, переводоведения. Материалом исследования послужили примеры из романа Э. Базена «Змея в кулаке» в переводе Н. Немчиновой.

Поскольку мы исследуем материал художественного текста и, как уже указывалось, перевод является составляющим звеном речемыслительной деятельности, остановимся подробнее на понимании текста в когнитивно-дискурсивном аспекте.

Художественный текст в когнитивно-дискурсивном аспекте. Когнитивное переводоведение

Познавательная деятельность человека невозможна без процесса концептуализации. Этот процесс имеет следствием создание концептуальной системы, отображаемой в виде языковой картины мира [Маслова 2001 : 64]. Когнитивная лингвистика, лингвокультурология и переводоведение как науки, исследующие ментальную деятельность человека, помогают подойти к изучению художественного текста с позиций декодирования заложенной в нем картины мира.

По мнению Е.С. Кубряковой, формирование когнитивно-дискурсивной парадигмы привело к дальнейшему углублению понимания художественных произведений, особенностей их построения и силы воздействия на читателя [Кубрякова 2004]. С этих позиций художественный текст представляет собой специфический объект исследования, интегрируя знания о языке и

экстралингвистические знания. В этой связи представляется необходимым определить место художественного текста в системе текстов иного характера. Прежде всего, художественный текст является одним из самых сложных типов дискурса. Это «динамический процесс художественно-речевой деятельности, обусловленный особым типом познания – художественной когницией» [Мещерякова 2015 : 716]. Именно это и отличает его от других типов познания и соответственно от других типов дискурса.

Говоря о когнитивных особенностях художественного текста, исследователи отмечают, что его концептосфера представляет собой совокупность художественных концептов [Огнева 2009 : 8]. При этом архитектура художественного концепта представляет собой совокупность субконцептов, которые подразделяются на концепты-элементы. В нашем исследовании речь пойдет о таких концептах-элементах, которые представляют собой концепты-оппозиции, что диктуется когнитивной доминантой исследуемого произведения. Е.А. Огнева считает, что номинанты какого-либо концепта-элемента могут входить в номинативные поля нескольких концептов-элементов, формируя таким образом когнитивные пересечения или когнитивные узлы когнитивно-сюжетной матрицы художественного произведения [Огнева 2015 : 721]. В этой связи переводчик как субъект речемыслительной деятельности приобретает особую значимость.

Специалисты в области когнитивной лингвистики в последнее время все чаще обращаются к переводу. По мнению С.Г. Воркачева, переводчик «помогает заполнять когнитивные и коммуникативные лакуны, возникающие при наложении языковых картин мира отправителя и получателя речи» [Воркачев 2003 : 88]. Когнитивная стратегия переводчика играет важнейшую роль в плане передачи специфики художественного произведения средствами другого языка. Таким образом, вслед за Л. Гинзбург, мы утверждаем, что «перевод, несомненно, является формой литературного исследования» [Гинзбург 1988 : 14].

Представление о ментальных механизмах когнитивно-дискурсивной деятельности человека лежит в основе объяснения явлений межкультурного перевода. Из этого следует, что процесс

перевода невозможен без учета всего многообразия ментальных операций, которые сопровождают мыслительный процесс индивида. Однако основная сложность процесса перевода заключается в том, что в ходе коммуникативного взаимодействия между людьми модель отображения действительности одного индивида предполагает наличие у него способности определять модель сознания другого индивида. При этом психическое состояние обоих индивидов не может быть абсолютно тождественным. При переводе возникает возможность наложения личностных характеристик переводчика на индивидуально-авторскую концепцию. Такие сложности объясняются тем, что «с одной стороны, экстерииоризированная часть информации не равна совокупности интерииоризированных знаний и интенций, которыми обладает человек на момент коммуникации, а, с другой, что вербальный код, каким бы всеобъемлющим он ни представлялся, не может передать всю совокупность смыслов» [Абиева 2015 : 497].

Это положение в полной мере раскрывается в нашем исследовании: выбор вербального кода переводчиком отражает механизмы процесса экстерииоризации, единые для автора текста и переводчика как коммуникантов в целом, но в ряде случаев функционирующие по-разному в зависимости от коммуникативных условий (в частности, от контекста). Другими словами, так как «языковые средства своими значениями передают лишь часть концепта» [Болдырев 2001 : 26], его неактуализированные признаки могут эксплицироваться при переводе. Как показало исследование, эксплицирование таких признаков носит закономерный характер, а сами когнитивные процессы, определяющие его, могут моделироваться. Такой подход, безусловно, связан с динамической сущностью перевода как когнитивно-дискурсивной деятельности. Когнитивная стратегия играет важнейшую роль в раскрытии богатства художественного произведения средствами другого языка. В этой связи К.И. Леонтьева указывает, что «структура операционного знания задает схему развертывания лингвокреативной, текстопорождающей составляющей дискурсивной деятельности переводчика» [Леонтьева 2016 : 45] Исходя из такого подхода, можно утверждать, что понятие «кон-

цептуальная картина мира» и, в частности, «художественная картина мира» можно рассматривать в тесной связи с процессом перевода.

Специфической чертой такой динамической сущности перевода как речемыслительной деятельности является тот факт, что в процессе перевода задействовано несколько типов знаний: лингвистические знания, связанные с языком ИТ, лингвистические знания, связанные с языком ПТ, и нелингвистические знания, входящие в индивидуальную концептосферу конкретного переводчика. По мнению Н.Л. Галеевой и А.Н. Крюкова, в теории перевода фоновые знания традиционно «прикреплялись» к единицам языка [Галеева 1997; Крюков 1989], что свидетельствует об отрицании возможности мышления без языка. Тем не менее, вслед за А.Г. Минченковым, мы признаем реальной возможность структурированного невербального мышления, которая, по его мнению, является одним из важнейших принципов, определяющих возможность самой переводческой деятельности. В этой связи, говоря об отличии языковой и концептуальной картин мира, А. Г. Минченков отмечает, что «в языковой картине мира связи между отдельными понятиями и образные схемы жестко фиксированы, а в концептуальной картине мира субъект может легко изменять эти связи и перестраивать схемы» [Минченков 2015 : 516].

Таким образом, переводчик является своего рода интерпретатором художественного текста, который, обладая уникальным опытом языкового, этического, эстетического характера, играет важнейшую роль в раскрытии специфической природы текста и объяснении его многозначности. В частности, одной из трудностей перевода является сохранение близкой к оригиналу эмоциональной оценки [Леонтьева 2017 : 781]. Рассуждая о перестройке ментальных схем, структурирующих художественную картину мира в аспекте перевода, необходимо отметить, что в наибольшей степени такая перестройка может быть проиллюстрирована на примере комплексного знака, перевод которого, раскрывая все многообразие взаимодействия когнитивных структур различного характера, и является объектом нашего исследования.

Специфика комплексного знака.

Комплексный знак как объект переводческой деятельности. Концептуальная интеграция и перевод

Как уже указывалось, в центре нашего внимания оказываются французские производные слова с отрицательными префиксами, полученные путем сплошной выборки из первой книги трилогии Э. Базена «Змея в кулаке». Такой выбор объясняется спецификой концептуальной доминанты данного художественного произведения: отрицание героем устоев семьи. Поскольку такие производные слова являются комплексными знаками, нам необходимо кратко остановиться на специфике когнитивных и языковых механизмов его формирования.

По определению Е.С. Кубряковой, комплексный знак представляет собой сложное единство, составленное из элементов [Кубрякова 2002]. Комплексными знаками, кроме производных слов, являются также фразеологизмы и словосочетания. Однако производные слова, обладая в большей степени эксплицитной структурой (строятся по словообразовательным моделям), наиболее ярко иллюстрируют системные особенности комплексных знаков.

Что касается лексического значения (ЛЗ) комплексного знака, мы признаем наличие у него, в отличие от простого слова, свойства двойной референции [Полячук 2009]. Это проявляется в следующем: с одной стороны, производное слово указывает на определенный фрагмент действительности, реферирует (отсылает) нас к миру вещей, что свидетельствует о наличии лексического значения; с другой стороны, лексическое значение производного слова выражается и путем указания на тип связи производного и производящего, т. е. через словообразовательное значение (СЗ) [Кубрякова 1981]. Например, ЛЗ глагола *dérouter* представлено как «сбиться с дороги», а СЗ – как «удалиться от обозначенного производящей основой».

Рассматривая семантику комплексного знака с позиций когнитивной лингвистики, мы обращаемся к композиционной семантике. Комплексный знак, рассмотренный с таких позиций, обладает определенной спецификой. Мы признаем, что в данном случае речь идет о вторичной репрезентации. В частности,

исследуя производное слово, мы имеем дело с неким комплексным ментальным образованием, представляющим собой результат фузии нескольких (чаще всего двух) концептов. В этом плане, вслед за Ж. Фреге, Р. Лангакером, Е.С. Кубряковой, мы понимаем композициональность как систему правил сочетания смыслов комплексного знака при семантической деривации на основе концептуальной деривации (т. е. соотношение между моделью конструкции и ее реализацией) [Фреге 1985; Кубрякова 1978]. Когнитивная лингвистика позволяет расширить взгляд на ЛЗ комплексного знака, которое рассматривается не только как совокупность определенного количества дифференциальных признаков, но и как нелимитируемое образование с диффузными границами и с неисчислимым количеством потенциальных семантических компонентов, актуализирующихся в различных ситуациях, как концепт, «схваченный» знаком [Кубрякова 1981].

В нашем исследовании мы не ограничиваемся анализом комплексных знаков с прозрачной словообразовательной структурой (эксплицитным СЗ). Это объясняется следующим:

во-первых, в результате количественного анализа примеров было обнаружено подавляющее большинство употреблений комплексных знаков в их производных значениях, что объясняется образностью и многозначностью художественного текста. Кроме того, среди производных значений выявлено множество контекстуальных значений;

во-вторых, на наш взгляд, «след» словообразовательного значения в лексикализованных производных может присутствовать, а анализ степеней его эксплицитности дает возможность выстроить определенную систему, отражающую динамику регулярного соотношения словообразовательного и лексического значений.

Таким образом, именно динамический аспект языка, в частности, развитие многозначности комплексных единиц, представляется перспективным как в сфере исследований в области многозначности, так и в сфере исследований в области словообразования. Несомненна продуктивность такого подхода и в переводоведческом аспекте. В соответствии с этим мы рассматри-

ваем термин «деривация» несколько шире, чем наименование одного из способов словообразования, т. е. как процесс появления значений многозначного слова на базе старых (семантическая деривация) [Полянчук 2009];

в-третьих, комплексный характер префиксальных слов позволяет вскрыть специфику механизмов концептуальной интеграции, задействованных как при образовании комплексного знака и развитии им многозначности, так и в процессе речемыслительной деятельности переводчика. В этой связи хотелось бы остановиться подробнее на специфических чертах процесса перестройки фреймовых структур при переводе.

Вслед за К.И. Леонтьевой мы признаем, что перевод, являясь дискурсивной стратегией трансфера знаний, выступает скрытым инструментом информационного воздействия и трансформации концептуальных систем реципиентов перевода [Леонтьева 2018]. Это положение подразумевает тот факт, что, выполняя социокультурные функции, перевод опирается на механизмы когнитивного фрейминга. К.И. Леонтьева также употребляет термин «рефрейминг», который понимается как процесс воспроизводства и корректировки переводчиком определенных когнитивных моделей и структур из числа возможных эквивалентов моделей интерпретации мира [Леонтьева 2018 : 724].

Таким образом, когнитивные механизмы, используемые переводчиком в процессе трансфера художественной информации, отражают общие и отличительные черты фреймовых структур ИТ и ПТ. В нашем дальнейшем исследовании мы попытаемся показать, как работают когнитивные механизмы, лежащие в основе вербализации исследуемых комплексных знаков (при развитии ими полисемии), и поставить их в соответствие когнитивным механизмам, используемым переводчиком. Тем самым мы докажем, что когнитивные механизмы фрейминга при переводе представляют либо зеркальное отражение концептуальной (и, следовательно, – в результате вербализации – языковой) картины мира, тем самым подтверждая объективность языковых механизмов, либо демонстрируют перестройку комбинаций когнитивных механизмов, что связано с процессом рефрейминга. В

ходе этого процесса при переводе могут объективироваться признаки концепта, находящиеся в «спящем режиме» (т.е. неосознанно воспринимаемые реципиентом текста), а также использоваться иные, чем в первом случае когнитивные механизмы. Как известно, к основным механизмам концептуальной интеграции в целом и при переводе в частности используются такие механизмы, как оценка, категоризация, перспективизация и дефокусирование. Последний механизм и оказывается в центре нашего исследования. Это объясняется тем, что объектом нашего исследования является комплексный знак, для структуризации и перевода которого механизм дефокусирования является определяющим. Остановимся подробнее на сущности этого процесса в целом и его специфике применительно к комплексному знаку.

В соответствии с определением О.К. Ирисхановой дефокусирование является необходимым условием существования лексической системы, т.к. осуществляет концептуальную компрессию и упаковывает сложные структуры знаний в компактные единицы языка, распределяя концептуальные элементы по степени выделенности, или степени салиентности [Ирисханова 2014]. Процесс дефокусирования объединяет в себе динамичность (выведение из фокуса) и статичность (фиксирование в языковой системе). Процесс семантического дефокусирования неизбежно сопровождает процесс семантической деривации на базе комплексного знака. Семантика каждого из компонентов комплексного знака имеет свой фокус, другими словами, в рамках комплексного знака мы имеем дело с двумя фокусами, внимание между которыми может распределяться по-разному: первичный и вторичный фокус могут сохранять свою независимость (сохранение двух фокусов) либо происходит некая компрессия, связанная с перераспределением внимания, в результате чего внимание фокусируется на новом фокусе, а первичный и вторичный фокусы теряют свою актуальность (один фокус). Во втором случае происходит имплицирование признаков, свидетельствующих о комплексном характере знака. Все вышеизложенное, проявляясь на вербальном уровне, в полной мере относится и к лежащему в его основе концептуальному уровню: процесс дефокусирования затрагивает соответствующие компонентам комплексного знака концепты, что и определяет тип

профилирования соответствующего признака при концептуальной и далее – семантической деривации.

Процесс интерпретации текста переводчиком в полной мере опирается на такой когнитивный механизм, как дефокусирование, а) повторяя весь процесс фрейминга, сопровождающий создание художественного текста (при этом переводчик системно использует соответствующие языковые средства), и б) прибегая к механизму рефрейминга (используя дефокусирование).

Таким образом, теория концептуальной интеграции, предложенная Ж. Фоконнье и М. Тернером [Фоконнье, Тернер 1998] чрезвычайно важна для объяснения скрытых авторских смыслов, что особенно необходимо для речемыслительной деятельности переводчика.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что процесс перевода структурируется и задается целым рядом когнитивных закономерностей, из которых для перевода комплексного знака наиболее важными являются ассоциация, диссоциация и комбинация [Маслова, Авдеева 2018 : 730]. Под диссоциацией подразумевается разложение составного целого на составляющие, под ассоциацией – объединение диссоциированных элементов в единое целое, а под комбинацией – построение нового сложного образа.

Необходимо отметить, что данные когнитивные закономерности функционируют не только в аспекте создания художественного образа в целом, но и в плане анализа создания и перевода его отдельных составляющих. В основе понимания последних лежат системы и микросистемы, управляемые правилами комбинаторики. Как уже указывалось, нас интересуют микроконцепты (концепты-элементы), сущность которых в романе Э. Базена раскрывается в большой степени через семантический анализ и перевод комплексных знаков.

Следующая задача, которую нам предстоит решить, связана с сопоставлением языковых и когнитивных механизмов, задействованных в процессе развития многозначности комплексного знака, и когнитивных и языковых механизмов, функционирующих при переводе. Именно поэтому следующий параграф будет посвящен краткому описанию языковых и когнитивных механизмов развития полисемии на базе комплексного знака.

Семантические и когнитивные особенности процесса развития полисемии на базе комплексного знака

Как уже указывалось, в результате сплошной выборки производных слов с отрицательными префиксами из романа Э. Базена «Змея в кулаке» выяснилось, что большинство примеров представляют собой многозначные комплексные знаки. Если же, тем не менее, комплексный знак оказывается моносемичным, в его семантической структуре всегда присутствует имплицитный семантический компонент, создающий слабую идиоматичность и, следовательно, «подталкивающий» его семантику к процессу семантического развития. Возможность такого семантического развития нередко фиксируется переводом, в определенной мере опережающим семантическую эволюцию в языке. Поскольку нам предстоит сопоставить концептуальные и языковые особенности ИТ и ПТ, целью данного параграфа является краткое описание основных словообразовательно-семантических характеристик комплексных знаков с отрицательными префиксами французского языка (исходного языка, ИЯ).

Такие характеристики были описаны нами в предыдущих исследованиях [Полянчук 2006; 2013; 2014]. Остановимся кратко на основных положениях динамического словообразования.

Под динамическим словообразованием мы понимаем изучение не только регулярных значений соответствующих комплексных знаков, но особенно ЛСВ, развившиеся от них путем семантической деривации, которые, сохраняя «след» словообразовательного значения, демонстрируют разные степени интегративности. Что касается моносемичных производных слов, или исходных ЛСВ многозначных слов, то все их словообразовательно-семантические характеристики отвечают признакам парадигматически и семантически сильной позиции и сводятся к следующему: полная словообразовательная мотивированность, четкая членимость по словообразовательной модели, слабая идиоматичность, полностью эксплицитное СЗ. Например (указаны словообразовательные модели и их характеристики):

(*dé* + V1)V2 – (*décommander* – *annuler la commande* «отменить приказ»); (*dé* + N)V – (*dérouter* – *s'éloigner de sa route* – «удалиться от дороги»); (*in* + adj1)adj2 – (*incapable* – *qui n'est pas capable, qui n'a pas la capacité nécessaire* – «неспособный, не имеющий необходимой способности»).

Что касается композиционных характеристик комплексных знаков данного типа, то они связаны с низкой степенью интегративности производного слова, что, соответственно, выражается в отсутствии процесса дефокусирования. Другими словами, мы имеем дело с низкой степенью интегративности двух концептов и сохранением двух первичных фокусов.

Другая картина вырисовывается при анализе ЛСВ, производных от комплексного знака. Прежде всего, отметим, что в наших исследованиях семантики комплексного знака в ее динамике было предложена и доказана гипотеза, в соответствии с которой словообразовательно-семантические параметры производного слова, развивающего полисемию, определяются локальной соотносительностью семы – основы модели семантической деривации с тем или иным компонентом словообразовательной структуры производного слова в его исходном значении [Полянчук 2013]. В этой связи нами выявлено два типа семантической деривации.

Для комплексных знаков **типа 1** в плане локальной соотносительности ядерной семы модели семантической деривации отмечается принадлежность последней к семантической структуре производящей основы исходной семемы. Нами установлено, что во всех примерах данного типа семантика словообразовательного форманта в процессе перестройки семемы не затрагивается процессом переосмысления. Например, прилагательное *inattaquable*, построенное по модели (*in* + adj1)adj2, означает:

1. *Qu'on ne peut attaquer avec quelque succès* – «тот, кого нельзя успешно атаковать», т. е. «лишенный признака, отражающего возможность быть атакованным» (деривационное сочетание);

2. *Qui ne peut pas être mis en cause* – «то, что не может быть подвержено сомнению». В этом примере основой метафорического переноса является сема «возможность подвергнуться со-

мнению», являющаяся потенциальной в семантической структуре производящей основы *attaquable* – «то, что можно подвергнуть атаке, нападкам». В производном ЛСВ потенциальная сема становится дифференциальной, а сема «лишение признака», вносимая префиксом *in-*, без изменения переходит в семантическую структуру ЛСВ2 [Полянчук 2009].

Словообразовательно-семантические характеристики производных слов данного типа сводятся к следующему: частичная словообразовательная мотивация, условная членимость первой степени, частичная идиоматичность, СЗ представлено в измененном виде [Полянчук 2013]. Что касается композиционных характеристик семем такого типа, то они демонстрируют первую степень интегративности с незначительным смещением второго фокуса (связанного с семантикой производящей основы, которая обогащается новыми семантическими компонентами). Первый фокус (связанный с неизменностью семантики отрицания) не проявляет тенденции к смещению. Таким образом, в ЛСВ2 данного типа мы также не наблюдаем ярко выраженного семантического дефокусирования.

В плане локальной соотнесенности комплексных знаков типа 2 нами было установлено, что при типе 2 семантической деривации метафоризация основана на потенциальной семе, отражающей результат переосмысления семантики форманта и производящей основы. Семантическое наращение не соотносится в данном случае ни с семантической структурой словообразовательного форманта, ни с семантической структурой производящей основы: оно находится вне словообразовательной структуры, т. е. вне словообразовательной модели, по которой построено исходное значение. Например, глагол *débonder* означает:

1. *Ouvrir en retirant la bonde* – «вынимать затычку» (т. е. «удалить затычку»);

2. *Donner libre cours à des sentiments longuement contenus* – «дать волю долго сдерживаемым чувствам, излиться».

Появление производного ЛСВ обусловлено наличием в семантической структуре исходного ЛСВ потенциальной семы «высвобождение» – «выплеснуть наружу то, что была закрыто

затычкой». Эта сема является результатом переосмысления семантики префикса и производящей основы, так как в результате того, что вынимается затычка, содержимое выплескивается наружу. Словообразовательно-семантические характеристики типа 2 сводятся к следующему: СЗ неэксплицитно, словообразовательная мотивация затемнена, а идиоматичность является значительной, словообразовательная членимость квалифицируется как условная членимость второй степени (комплексный знак находится на грани нечленимости) [Полянчук 2013]. Необходимо отметить, что семантические наращения в случае типа 2 отличаются высокой степенью индивидуализированности семантики, не отражая типизированных регулярных значений префиксов (противодействие, привативность, сепаративность), а эксплицируя частные, «неожиданные», периферийные признаки семантического поля отрицания (несогласие, обида, небрежность, расстройство и т.п.). Все это является проявлением специфики процесса перспективизации на концептуальном уровне. Данное утверждение оказывается чрезвычайно важным для изучения когнитивных основ перевода комплексного знака.

В плане семантической композициональности комплексных знаков данного типа можно утверждать, что их высокая интегративность (вторая степень) обеспечивает процесс дефокусирования, в результате которого фокус выходит за пределы комплексного знака и остается единственным. Другими словами, мы имеем дело с перераспределением внимания между элементами первичного и вторичного фокуса. О.К. Ирисханова предлагает рассматривать данный тип дефокусирования не как простую свертку некоей пропозиции, а как компрессию, сопровождаемую перераспределением внимания [Ирисханова 2014 : 136].

Наибольший интерес для настоящего исследования представляет поиск когнитивных причин, обеспечивающих разграничение описанных семантических моделей, а также отвечающих за наличие или отсутствие процесса дефокусирования. Это связано с дальнейшей необходимостью анализа видов фрейминга при переводе комплексных знаков с французского языка на русский в отрицательном аксиологическом контексте.

Для решения поставленной задачи мы прибегаем к предложенной нами теории сильной / слабой позиции признака концепта. Такие позиции на концептуальном уровне соответствуют сильной / слабой парадигматической позиции. Существуют также и критерии определения сильной позиции признака концепта: степень его абстрактности, широты охвата действительности, степень метафорической аттракции и др. [Полянчук 2013].

В соответствии с нашей точкой зрения при формировании либо последующем семантическом развитии комплексного знака при наличии сильных позиций обоих конструирующих его концептов концептуализируемый признак будет соотноситься с одним из них. При этом в результате вербализации по такой модели концептуальной деривации комплексного знака будет сохранять относительную прозрачность своей структуры (останется частично мотивированным). В случае если один из концептов, соответствующих компоненту комплексного знака, демонстрирует сильную позицию, а другой – слабую, в действие вступает закон тенденции к сильному признаку, что приводит к тому, что концептуализируемый признак является результатом фузии двух концептов [Полянчук 2013]. Эти законы концептуальной интеграции и лежат в основе разграничения типа 1 и типа 2 семантической деривации. Они также функционируют и в процессе профилирования концептуализируемого признака в процессе перевода, как мы увидим в дальнейшем.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу результатов, полученных при исследовании процесса когнитивного фрейминга при концептуализации средствами перевода, нам необходимо кратко охарактеризовать концептуальную доминанту исследуемого произведения.

Способы передачи отрицательного аксиологического потенциала в романе Э. Базена «Змея в кулаке»

Художественный текст обладает уникальной концептосферой, «несущей идеологическую и аксиологическую нагрузку» [Литвин 2017 : 585]. Как уже указывалось, для реализации концептуальной доминанты дискурса (термин Е.Г. Малышевой)

необходимо принимать во внимание целый спектр языковых факторов, которые обеспечивают ее реализацию на вербальном уровне. Е.Г. Малышева указывает, что для актуализации концептуальных доминант дискурса необходимо языковое «выдвижение» концептуальных единиц в текстовом пространстве, под которым подразумевается общее содержание текста, его тематическая соотнесенность, синтагматика текста, его лексико-семантическое своеобразие [Малышева 2014 : 74]. В этой связи особое значение приобретает анализ таких сложных словообразовательных-семантических структур, как комплексные знаки с отрицательным аксиологическим потенциалом в рамках исследуемого произведения. Такие комплексные знаки, демонстрируя свойства конкретного элемента, способствуют реализации концептуальной модели текста.

Для ее реализации необходимо обратиться не к одному, а к нескольким концептам, объединяющимся по законам концептуальной интеграции. В романе Э. Базена «Змея в кулаке» в соответствии с его концептуальной доминантой перспективным оказывается изучение концептов-оппозиций [Полянчук 2018].

Концептуальная доминанта романа связана с идеей протеста героя против устоев семьи. Главный герой романа Жан Резо не может примириться с деспотизмом и косностью буржуазной семьи, в которой проходит его детство. Он находится в постоянном конфликте с матерью, которая ненавидит своих детей и унижает их человеческое достоинство. Для Жака все, что связано с привычками матери, с ее занятиями, даже самыми безобидными, вызывает реакцию протеста. Герой ставит себя в оппозицию окружающему миру, поведению членов семьи (безвольного отца, лицемера младшего брата и др.), страдает от негативного состояния собственной души. Все это дает основания заключить, что производные слова с отрицательными префиксами в наилучшей степени репрезентируют негативную картину мира через концепты-оппозиции, представляющие собой фюзию двух микроконцептов: микроконцепт-отрицание и микроконцепт-объект отрицания. Именно поэтому мы акцентируем внимание на словообразовательных и семантических механизмах вербализации

изучаемого концепта-оппозиции и микроконцептов-оппозиций и, впоследствии, на их системном отражении в зеркале перевода.

Дефиниционный и словообразовательный анализ лексем, вербализующих концепт-оппозицию «герой – внешний мир», показал, что в ядре матрицы в соответствии с антропоцентрической парадигмой исследования расположены такие семы, как «представитель новой эпохи», «свободная личность», «непримирение семьи и ее устоев». Периферия содержит такие семантические компоненты, как «отрицательное поведение матери», «отрицательное поведение отца», «отрицательное поведение других представителей семьи», «отрицательная характеристика картины мира». Необходимо отметить, что в данном исследовании внимание фокусируется на изучении языковых средств репрезентации правых валентностей концепта-оппозиции, представленных производными словами, построенными по словообразовательным моделям, включающим отрицательный префикс «*dé-*», «*in-*» «*contre-*». Варианты их значений (противодействие, отрицание, движение в обратную сторону, сепаративность) в полной мере способствуют отражению основной оппозиции трилогии [Полянчук 2018].

Учитывая вышеизложенное, мы выделили четыре основных концепта-оппозиции, которые выглядят следующим образом: *герой-отрицательное поведение членов семьи и общества*, *герой-отрицательная характеристика окружающего мира*, *герой-отрицательное восприятие членов семьи*, *герой-его отрицательное психическое состояние или поведение* (стремление героя к гармонии противопоставляется его негативному состоянию).

Используя данную классификацию концептов-оппозиций, мы переходим к анализу закономерностей перевода комплексных знаков, репрезентирующих данные оппозиции.

Закономерности перевода комплексных знаков, отражающих отрицательный аксиологический потенциал в романе Э. Базена «Змея в кулаке»

Перейдем к описанию переводческих стратегий, отражающих закономерности лингвистического и когнитивного характера. В результате анализа обширного корпуса примеров было установле-

но, что процесс моделирования концептуальных и языковых моделей перевода проходит по двум направлениям, каждое из которых представлено специфическим набором фреймовых структур, которые мы классифицировали по критерию идентичности / расхождения ментальных структур, репрезентированных средствами ИТи ПТ. В частности, речь идет о специфике соответствия / несоответствия модели концептуальной деривации и соответствующей модели словообразовательной или семантической деривации, с одной стороны, и переводческой модели, с другой.

В соответствии с использованием в нашем исследовании терминов, связанных с особенностями концептуальной интеграции, мы применяем к первой группе закономерностей термин фрейминг, а ко второй – рефрейминг. Такое расхождение концептуального, а, следовательно, и языкового характера определяет специфику перевода комплексных знаков с отрицательным аксиологическим потенциалом. Рассмотрим поочередно выявленные нами закономерности в рамках каждого из четырех концептов-оппозиций.

Варианты переводческих стратегий как отражение специфики когнитивного фрейминга

В рамках фрейминга нами было обнаружено три стратегии перевода и соответственно три вида соответствий концептуальных, словообразовательных и переводческих моделей.

1. В первом случае в ИТ мы выявляем моносемичные комплексные знаки с регулярными словообразовательными параметрами либо ЛСВ многозначного производного слова, построеного по типу 1. Как уже указывалось, такие ЛСВ обладают полной или частичной словообразовательной мотивацией, слабой идиоматичностью и в большей или меньшей степени эксплицитным СЗ. Такие комплексные знаки переводятся на русский язык аналогичными комплексными знаками, которые копируют словообразовательную структуру французского производного слова, что свидетельствует об идентичности процессов концептуальной интеграции у носителей исходного языка (ИЯ) и языка перевода (ЯП). Приведем несколько примеров такого типа.

Герой-отрицательное поведение семьи и членов общества

*La gifle attendue, la gifle **inévitable** claqua.* (p. 26)

И как я и ожидал, раздалась звонкая пощечина, **неизбежная пощечина**. (с. 34)

*Je ne t'ai pas convoqué pour ce motif. Je veux savoir ce que vous a dit exactement votre précepteur, qui, lui, s'est permis de vous tenir sur mon compte des propos **inqualifiables**.* (p. 26)

Но я не по этому поводу позвала тебя. Я хочу знать, что именно сказал ваш наставник, ведь он позволил себе говорить обо мне **недопустимые вещи**. (с. 34)

*peuple, non pas populus, mais plebs, ce magma grouillant d'existences obscures et **désagréablement** suantes.* (p. 34)

эта бесформенная магма безвестных существ, от которых **неприятно** пахнет потом. (с. 35)

***Inlassable**, Folcoche se tourna vers Cropette et lui prodigua les avances.* (p. 36)

Неугомонная Психимора принялась за Кропетта и стала делать ему всяческие авансы. (с. 40)

*Je ne demanderai pas à notre père de m'en acheter une autre, car il m'enverrait au bain, mais Frédie fera une remarque **désobligeante** à son égard et M. Rezeau se jettera sur cette occasion d'affirmer son autorité et son bon goût.* (p. 38)

Я не стану просить отца купить мне другой галстук, это бесполезно, он пошлет меня ко всем чертям, но Фреди подпустит **нелестное** замечание по поводу моего «ошейника», и тогда отец, воспользовавшись этим предложением, постарается утвердить свою власть и проявить хороший вкус. (с. 42)

*La première gifle de B VII me **déporte** de trois mètres.* (p. 45)

Первая пощечина аббата N 7 **отшвырнула** меня на три метра в сторону. (с. 49)

*Demain matin, dans son café noir. Frédie occipera Fine quelques secondes et **détournera** son attention, tandis que je viderai le flacon dans la tasse.* (p. 53)

Завтра утром подолью в кофе. Фреди отвлечет на минутку Фину, а я в это время вылью белладонну в чашку. (с. 58)

Герой-отрицательная характеристика окружающего мира

*J'avais été privé de ces petits camarades de collège qui sont, généralement, les initiateurs (pas toujours **désintéressés**. (p. 68)*

Я не учился в коллеже, и у меня не было товарищей, обычно просвещающих, не всегда бескорыстно, младших школьников. (с. 77)

*Ces mondains sonnaient **désespérément** le creux. (p. 59)*

*Эти светские господа казались мне **безнадежно** пустыми. (с. 67)*

Примеры, характеризующие данный тип концептов-опозиций, оказываются малочастотными. О причинах этого явления будет сказано позже.

Герой-отрицательное восприятие членов семьи

*Une blessure... dans le dos, vous avouerez que c'est embêtant pour un engagé volontaire, que c'est une infâme **déveine**, car il a été touché, notre héros de père, par une balle rasante, alors qu'il rampait vers une mitrailleuse boche, alors que son dos, en quelque sorte, attaquait le premier! (p. 39)*

*Он получил ранение в спину? обстоятельство весьма досадное для солдата-добровольца, скажем больше, подлое **невезение**: ведь нашего героического отца ранила вражеская пуля, когда немцы вели настильный огонь, а он ползком подбирался к немецкому пулеметному гнезду, и его спина как бы первой шла в атаку. (с. 43)*

*Vous êtes **injuste**. (p. 46)*

*Вы **несправедливы**. (с. 51)*

Данная группа примеров также не отличается высокой частотностью.

Герой-его отрицательное психическое состояние или поведение

*Folcoche, qui devinait tout ce qui pouvait m'être **désagréable**, le comprit aussitôt. (p. 25)*

*Психмора, которая чутьем угадывала все, что могло быть мне **неприятно**, сразу поняла мои переживания Психмора. (с. 27)*

Eh bien, Félicien, je suis victime d'une injustice et je refuse une punition qui blesse ma dignité. (p. 59)

Так вот, Фелисьен, я жертва несправедливости и не желаю терпеть наказания, оскорбительные для моего достоинства! (с. 66)

Aujourd'hui encore, lorsque je m'interroge sur une antipathie irraisonnée, je ne suis généralement pas long à découvrir qu'elle est motivée par le contrecourant d'une sympathie de ma mère, à jamais devenue pour moi le critère du refus. (p. 52)

Еще и по сей день, когда я задаюсь вопросом, откуда идет моя безотчетная антипатия к чему-либо, мне обычно нетрудно установить причину: все, что было любезно сердцу моей матери, навеки стало ненавистным для меня. (с. 58)

Mes trop grandes oreilles, mes cheveux secs, ma galoche de menton, le mépris des faibles, la méfiance envers la bonté, l'horreur du mièvre, l'esprit de contradiction, le goût de la bagarre, de la viande, des fruits et des phrases acides, l'opiniâtreté, l'avarice, le culte de ma force et la force de mon culte... Salut, Folcoche ! Je suis bien ton fils si je ne suis pas ton enfant. (p. 72)

У меня такие же, как у нее, большие уши, сухие рассыпающиеся волосы, тяжелый подбородок, презрение к слабым, недоверие к доброте, отвращение к слащавости, дух противоречия, воинственный нрав, любовь к мясу, фруктам и к язвительным фразам, упорство, скупость, культ своей силы и сила своего культа... Привет тебе, Психимора! Поистине я твой сын, хотя и не твое дитя. (с. 81)

Et je comprends soudain tout ce que représente pour moi le taхaudier, cet arbre fétiche, le symbole de mon indépendance, planté, fiché tout droit dans cette glaise craonnaise qui le nourrit, mais lancé aussi, lancé en flèche vers un ciel où courent librement les nuages, venus d'ailleurs et repartant ailleurs. (p. 74)

И вдруг я понял, что представляет для меня тис, мой фетиш, символ моей независимости, стройное, прямое, как стрела, дерево, вскормленное нашей кранской глиной, но устремленное к небу, где вольно плывут облака, пришедшие из дальней дали и уходящие вдаль. (с. 83)

Мы считаем возможным отнести комплексный знак «*indépendance*» к данной группе примеров, так как в русле концептуальной доминанты текста независимость воспринимается как нечто невозможное, мечта, которая не может реализоваться в сложившейся ситуации, и поэтому, отражающее отрицательное состояние героя.

Je pense, donc je contredis. (p. 78)

*Я мыслю – значит, я **противоречу**.* (с. 87)

Nous dûmes nous convaincre, peu à peu, de l'inévitable... Elle vivrait! (p. 32)

*Нам пришлось смириться с **неизбежным**... Она останется жива!* (с. 36)

2. К следующей группе относятся комплексные знаки, которые обладают словообразовательными характеристиками, аналогичными характеристикам производных слов первой группы. Тем не менее, в основе их перевода на русский язык лежат иные, чем в первом случае, когнитивные механизмы. В частности, в данном случае «срабатывает» такой вид фрейминга, при котором происходит развертывание комплексного знака в синтаксическую конструкцию. В целом, такое положение соответствует постулатам теории словообразования на синтаксической основе, предполагающей, что производное слово является «сверткой», свернутой структурой высказывания [Кубрякова 1978]. Из данного утверждения можно сделать вывод, что, с одной стороны, речь идет о разновидностях одного и того же случая концептуальной интеграции, осуществляющейся через вербализацию двух концептов либо средствами словообразования, либо средствами синтаксиса и, с другой стороны, о разных моделях перевода, соответствующих вышеназванным разновидностям. В частности, речь идет о переводе французских комплексных знаков синтаксическими конструкциями русского языка. Например:

Герой-отрицательное поведение семьи и членов общества

*Elle se savait **irremplaçable**. Nulle autre bonne ne tiendrait plus de huit jours sous la férule de Folcoche.* (p. 37)

Старуха знала, что **заменить ее не так-то** просто. Ни одна прислуга не прослужила бы и недели под командой мадам Резо. (с. 41)

Герой-отрицательная характеристика окружающего мира

*il peuple les trains de banlieue qui **dépeuplent** ces campagnes asservies, il ne connaît plus l'orthographe des noms historiques.* (p. 68)

*этими **людьми** битком набиты поезда, **бежущие** из рабочих пригородов в промышленные центры.* (с. 75)

*Elle sait aussi que je serais un des plus détestables artisans de l'irréversible décadence, préparée par la **dévaluation** des préjugés et des titres.* (с. 68)

*Моя ненависть знает, что я окажусь одним из самых ненавистных пособников этого краха, подготовленного **падением** предрассудков и курса ценных бумаг.* (с. 76)

Герой-отрицательное восприятие членов семьи

*Tu as trouvé à ton foyer la **contre-mère** dont les deux seins sont acides.* (p. 65)

*Ты нашел у своего семейного очага **не мать, а чудовище**, груди которого источали яд.* (с. 73)

Герой-его отрицательное психическое состояние или поведение

*Aujourd'hui encore, lorsque je m'interroge sur une antipathie irraisonnée, je ne suis généralement pas long à découvrir qu'elle est motivée par le **contrecourant** d'une sympathie de ma mère, à jamais devenue pour moi le critère du refus.* (p. 52)

*Еще и по сей день, когда я задаюсь вопросом, откуда идет моя безотчетная антипатия к чему-либо, мне обычно нетрудно установить причину: все, **что было любезно сердцу** моей матери, **навек стало ненавистным** для меня.* (с. 58)

Анализ приведенных примеров показывает, что общие для ИЯ и ЯП когнитивные механизмы могут иметь различную реализацию в процессе вербализации, что вскрывается благодаря исследованию переводческих трансформаций.

Несмотря на указанные различия между группой примеров 1 и 2, можно отметить ряд общих черт, отличающих их от примеров следующей группы (3). В частности, речь идет о специфике процесса профилирования концептуализируемого признака как в процессе создания комплексного знака, так и в процессе поиска переводческого решения. Имеется в виду тот факт, что оба признака не теряют своей значимости и поэтому профилируется каждый из них, что приводит к расчлененному восприятию обоих концептов. Это явление соответственно выражается на вербальном уровне в отсутствии процесса семантического дефокусирования, что выражается в сохранении двух фокусов как в ИЯ, так и в ЯП.

Перейдем к описанию третьей группы примеров.

3. Префиксальные слова данной группы являются ЛСВ, производными от комплексных знаков. Как уже указывалось, они обладают затемненной словообразовательной мотивацией, условной членимостью второй степени, имплицитным словообразовательным значением. Напомним, что в их семантической структуре сохраняется «след» семантики отрицания, вносимой префиксом, что выражается в наличии самых разных, нетипичных вариантов семантики отрицания. Основной моделью концептуальной деривации, а, следовательно, и моделью семантической деривации является модель, предполагающая переосмысление значения составляющих комплексного знака по схеме результата: в результате того, что объект лишается какого-либо признака, появляются новые семантические элементы, отражающие нюансы негативной оценки, состояния и др. (боязнь, неприятие, осуждение, дискомфорт и др.).

Когнитивные механизмы, ориентирующие переводчика в данной ситуации, полностью накладываются на ментальную модель результата, что и отражается средствами перевода: в русском языке почти не используются комплексные знаки. Если же, тем не менее, переводчик прибегает к употреблению производного слова в русском языке, то оно обязательно, как и во французском, будет обладать высокой степенью идиоматичности и затемненности словообразовательной структуры. При этом арсенал негативного аксиологического потенциала используется

во всей полноте. Приведем несколько примеров и укажем сему, отражающую результат переосмысления семантики комплексного знака по схеме «результатив».

Герой-отрицательное поведение семьи и членов общества

A la seule condition qu'il ne s'agit point d'une objection déguisée, M. Rezeau répondait, souvent de biais. (р. 33)

Отец отвечал (зачастую весьма уклончиво) только при условии, что вопрос не заключал в себе **скрытого возражения**... (с. 33)

(боязнь скрытого возражения).

Il faut y réfléchir, fit prudemment Folcoche, pour qui la chose était toute réfléchie, mais qui ne tenait pas à démasquer trop vite ses batteries. (р. 37)

она давно все обдумала, но вовсе **не стремилась обнаружить** свои батареи. (с. 41)

(обнаружение хитрости).

*Je te **dédommagerai** autrement, mon pauvre enfant.* (р. 37)

*Я **вознагражу** тебя чем-нибудь другим, бедняжка.* (с. 41)

(вознаграждение: в контексте – вознаграждение любимчика с целью позлить других детей).

*Cette femme et ces enfants **déchaînés** ne prêtaient plus à ses migraines que des oreillers de cris.* (р. 52)

Бедный папа! Он уже и сам не знал, что ему делать, как успокоить **разъяренных** детей и жену. (с. 57)

(гнев).

*Approuvé par les nouveaux occupants du compartiment, il saisit d'un air **dégoûté** L'Humanité oublié par le militant et le jeta sous la banquette.* (р. 64)

Заметив на лицах новых пассажиров одобрительные улыбки, он с показным **отвращением** схватил «Юманите», забытую на скамье коммунистом, и, скомкав газету, швырнул ее под скамью. Поезд двинулся дальше, в Кранэ, в край кочанной капусты, коснеющих шуанов, кроликов (с. 71)

(презрение).

*Elle choisit une position ridicule, **intenable**.* (p. 75)

Она выбрала **нелепую, явно слабую** позицию. (с. 84)
(слабость, шаткость позиции).

*Décidés à tenir tête à la **contre-attaque** que Folcoche n'allait point manquer de lancer contre nos libertés, nous venions de réaliser officiellement le front commun.* (p. 34)

Решив дать **отпор наступлению**, которое Психимора, несомненно, поведет против наших свобод, мы официально создали единый фронт. (с. 38)

(отпор, нападение, применение силы как выражение ненависти).

Герой-его отрицательное психическое состояние или поведение

*Absolument **dépaysé**, je passai au bleu la prière du matin.* (p. 42)

Я до того **растерялся**, что даже позабыл прочесть утреннюю молитву. (с. 46)

(растерянность).

*En tant qu'aîné, la faute de ton frère ne s'en trouve pas diminuée, mais je n'aime pas que l'on se **dérobe** à ses responsabilités.* (p. 48)

Je crois que cette dérobade faisait l'affaire de notre mère... (с. 52)

Фреди все равно остался бы виноватым больше всех, поскольку он старший, но я не люблю, когда человек **увертывается** от ответственности.

(небрежение к обязанностям).

*Cette goutte de vin fit **déborder** le vase, vous le savez comme moi, mais voilà bien le degré de finesse où s'aiguissait notre haine.* (p. 51)

Эта капля вина **переполнила** чашу. (с. 55)

(высшее проявление ненависти).

*Pour ta part, je m'embusque sous le cèdre argenté, où j'ai, dernièrement, **déniché** une couvée d'éperviers.* (p. 56)

Сам же укрылся под серебристым кедром, где недавно **разорил** гнездо ястреба. (с. 60)

(разорение, насилие).

*Nous cinq et quelques figurants, rapidement éliminés en général par le manque d'oxygène sentimental qui rendait **irrespirable** pour les étrangers l'atmosphère de notre clan.* (p. 65)

Пять главных персонажей и несколько статистов, обычно тут же отпадавших из-за недостатка кислорода человеческих чувств, в силу чего посторонние люди **задыхались** в атмосфере нашего клана. (с. 70)

(невыносимость атмосферы).

В рамках концептов-оппозиций *герой-отрицательная характеристика окружающего мира* и *герой-отрицательное восприятие членов семьи* примеров такого типа не обнаружено.

Приведенные примеры отражают специфику процесса профилирования концептуального признака в процессе концептуальной деривации. Данная специфика отражается при переводе, который формирует художественную картину мира средствами русского языка. Речь идет о профилировании одного, а не двух признаков, как в случаях 1 и 2, что объясняется более высокой степенью интегративности концептов при использовании данного механизма. На вербальном уровне мы имеем в наличии процесс дефокусирования, предполагающий вынесение фокуса за пределы словообразовательной структуры. Таким образом, мы имеем дело с одним фокусом. Кроме того, еще одним отличием когнитивных и языковых моделей перевода по схемам 1 и 2 от моделей перевода по схеме 3 является преобладание когнитивных процессов диссоциации в случаях 1 и 2 и преобладание процессов ассоциации или комбинации в случае 3.

Необходимо также привести в доказательство различной реализации одного и того же фрейма возможность его актуализации по схеме 1 и схеме 2 в зависимости от той или иной особенности конкретного концепта-элемента (оппозиции), другими словами, от микроконтекста. Например:

Folcoche, qui devinait tout ce qui pouvait m'être désagréable, le comprit aussitôt. (p. 25)

Психимора, которая чутьем угадывала все, что могло быть мне неприятно, сразу поняла мои переживания. (с. 31)

В данном примере переводчик использует схему 1, в соответствии с которой словообразовательная структура французского языка копируется средствами русского. Другая переводческая стратегия используется в следующем примере:

Un désagréable silence suivit cette déclaration. (p. 46)

*В ответ последовало **враждебное** молчание.* (с. 51)

Во втором случае используется схема 3, в соответствии с которой переводческие средства не являются до такой степени типизированными, как в случае 1, отражая процесс переосмысления комплексного знака. В первом случае концепт-оппозиция представлен более «контрастно» (приятно/неприятно), а во втором выбор переводчика был связан с необходимостью отразить специфическую ситуацию: перерастание конфликта в конфронтацию. Такой выбор, безусловно, диктуется условиями микроконтекста. Таким образом, реализация переводческой модели тесным образом связана с процессом профилирования того или иного признака концепта, определяемого «поворотом» концептуальной доминанты художественного текста.

В заключение разговора о фрейминге, который представлен тремя описанными схемами перевода, необходимо отметить, что, несмотря на выявленные нами отличия между ними, все эти схемы имеют общую черту: ментальные схемы, определяющие выбор переводческих средств производных слов, соответствуют концептуальным моделям, которые лежат в основе формирования французских комплексных знаков. С другой ситуацией мы сталкиваемся при рефрейминге, о котором пойдет речь далее.

Варианты переводческих стратегий как отражение специфики когнитивного рефрейминга

Как уже указывалось, в настоящем исследовании термин рефрейминг соответствует ситуации, в которой происходит «переструктурирование» схемы организации комплексного знака при переводе: процессы диссоциации заменяются на процессы ассоциации и комбинации, профилируется признак, который в ИЯ не являлся концептуализированным. Модели концептуальной деривации и правила интеграции концептов при образовании французского комплексного знака системно отличаются от того типа когнитивного моделирования, который используется при переводе. Другими словами, перевод эксплицирует те пути,

по которым могла бы пойти концептуальная деривация, определяющая развитие полисемии комплексного знака. Например, там, где в соответствии с правилами фрейминга должна была бы функционировать схема 1 или 2, при переводе используется схема 3.

На вербальном уровне это выражается в следующем:

1. Словообразовательная структура французского комплексного знака не сохраняется при переводе.

2. В ИЯ семантика комплексного знака не отражает результата, а в ЯП – отражает.

3. В ЯП речь не идет о комплексном знаке.

4. Перевод способствует эксплицированию признаков, имплицитно содержащихся в семантической структуре французского комплексного знака.

Приведем пример, иллюстрирующий данные положения.

La semaine qui suivit immédiatement la fête de papa fut intolérable
Последующая неделя после именин отца была одной из самых ужасных.

Французское прилагательное *intolérable* имеет значения:

1. То, что невозможно терпеть и 2. То, что невозможно принять.

Перевод эксплицирует семантику «ужас, кошмар» в результате актуализации концептуальной (а на вербальном уровне – семантической) модели результата: то, что невозможно терпеть, может стать ужасным.

Необходимо отметить, что разграничение данного варианта рефрейминга и схемы 3 фрейминга опирается на объективный критерий, связанный с анализом словарной дефиниции французского комплексного знака: если многозначный комплексный знак не содержит ЛСВ, предложенного переводчиком, то можно говорить о функционировании когнитивного механизма рефрейминга. Новое значение, предложенное переводчиком, не является его «выдумкой», отходом от концептуальной доминанты текста либо переводческой ошибкой. Напротив, речь идет о выражении семантического потенциала комплексного знака, о его способности эксплицироваться разными путями. В случае

художественного текста мы имеем дело со смыслообразующей ролью концептуальной доминанты. Переводчик «помогает» увидеть то, что было закодировано автором в тексте, расширить и углубить картину мира, созданную средствами художественного текста. Таким образом, складывается типичная картина: художественный дискурс опережает языковую систему, а перевод указывает на те элементы дискурса, которые находятся на пути перехода с уровня речи на уровень языка.

Приведем еще несколько примеров такого типа.

Герой-отрицательное поведение семьи и членов общества

*Laissons cela. En principe, quand je te donne un ordre, rappelle-toi que ton père lui-même n'a pas le droit de **le contredire**.* (p. 26)

*Ну, оставим это. В общем, запомни хорошенько, если я даю тебе приказание, то даже сам отец **не имеет права его отменить**.* (с. 37)

*Un de ses sourires (le mondain) fleurit bientôt autour de ses lèvres **décolorées**.* (p. 29)

На бледных губах у нее заиграла одна из ее улыбок (светская). (с. 32)

Герой-его отрицательное психическое состояние или поведение

Un désagréable silence suivit cette déclaration. (p. 46)

*В ответ последовало **враждебное** молчание.* (с. 51)

*Folcoche, **exaspérée** comme une araignée dont on vient de balayer la toile, jetait de nouveaux fils de tous les côtés. La moindre vétille **déchainait** ses clateurs.* (p. 50)

***Разъяренная**, как паук, у которого взмахом метлы сорвали паутину, Психимора принялась протягивать во все стороны новые тенета.* (с. 42)

***Поднимала** крик из-за малейшего пустяка* (с. 56)

*Je suis celui qui vit de tout ce qui les empêche de vivre. Je suis la **négation** de leurs oui plaintifs distribués à toutes les idées reçues, je suis leur **contradiction**, le saboteur de leur patiente renommée, un chasseur*

de chouettes, un charmeur de serpents, un futur abonné de L'Humanité. (p. 66)

Я выбираю путь бунта. Я живу всем тем, что мешает им жить, этим господам Резо. Я отрицание их унылого согласия с общепринятыми взглядами, я их **противоположность**, я презираю их пресловутое терпение, я охотник за совами, я заклинатель змей, я будущий подписчик «Юманите»! (с. 73)

Notons ce relâchement d'une implacable courtoisie. Et rengainons nos armes, inutilement fourbies. (p. 65)

И вложим в ножны **зря** отточенный меч. (с. 73)

Dominant les toits bleus de La Belle Angerie et uniquement dominé par le vent d'ouest ou les ramiers qui tournent longuement autour de leurs nids, je me détache de ma vie. (p. 65)

И на этой высоте я **отпешался** от своей жизни. (с. 72)

Les plus sincères amitiés, les bonnes volontés, les tendresses à venir, je les soupçonnerai, je les découragerai, je les renierai. (p. 78)

Самую чистосердечную дружбу, самые добрые чувства, самую глубокую нежность, которые встретятся мне в будущем, я заподозрю в неискренности, **оттолкну, отвергну**. (с. 70)

Pour nous, qui la détestions, l'impiété devenait un corollaire de la révolte. (p. 52)

Мы же ненавидели свою мать, и **кощунство** было естественным следствием нашего бунта против нее. (с. 51)

Необходимо также охарактеризовать результаты количественного анализа по двум критериям:

1) в соответствии с распределением моделей перевода по типу фрейминга / рефрейминга;

2) в соответствии с распределением моделей перевода в рамках концептов-оппозиций.

В рамках первого критерия было отмечено преобладание случаев фрейминга (фрейминг – 72 %), рефрейминг – 28 %). Это явление можно, на наш взгляд, объяснить тем, что в большинстве случаев формирование комплексного знака происходит по законам, аналогичным в ИЯ и ЯП, а также тем, что системные языковые закономерности оказываются на определенном син-

хронном срезе более устойчивыми, чем новые изменения, происходящие в дискурсе.

В рамках второго критерия было установлено, что концептуальная доминанта исследуемого художественного текста реализуется средствами комплексного знака неодинаково в рамках четырех выявленных нами концептов-оппозиций. В частности, наиболее репрезентативными как в рамках фрейминга, так и в рамках рефрейминга оказываются комплексные знаки, представляющие концепты-оппозиции *герой-отрицательное поведение семьи и членов общества* и *герой-его отрицательное психическое состояние или поведение*. Концепты-оппозиции *герой-отрицательная характеристика окружающего мира*, *герой-отрицательное восприятие членов семьи* проявляют себя как малочастотные (85 % и 15 % соответственно). На наш взгляд, это можно объяснить тем фактом, что в соответствии с концептуальной доминантой произведения ядерными оказываются концепты-оппозиции *герой-отрицательное поведение семьи и членов общества* и *герой-его отрицательное психическое состояние или поведение*. С одной стороны, речь идет о негативном аксиологическом потенциале членов семьи и общества, а, с другой, об отрицательном состоянии души и оппозиционном поведении главного героя. Таким образом, эти две микрооппозиции сами по себе составляют макрооппозицию *поведение членов семьи – протест героя*. Такое распределение концептов-оппозиций соответствует положениям теории Женетта и Пуйона о внешней и внутренней фокализации в художественном произведении. Термин «фокализация» был введен Ж. Женеттом, который предложил разграничивать видение «изнутри» (внутренняя фокализация) и видение «извне» (внешняя фокализация). Внутреннюю фокализацию он ассоциирует с точкой зрения воспринимающего субъекта, находящегося внутри повествования [Genette 1976 : 112; Pouillon 1974]. Таким образом, высокая частотность комплексных знаков с отрицательными префиксами как «выразителей» оппозиции наиболее частотна именно в наиболее ярко отражающих оппозицию внешняя / внутренняя фокализация концептах-оппозициях.

Кроме того, в тексте произведения нами обнаружены опрошенные «бывшие» комплексные знаки, которые не отражают семантики отрицания и поэтому не учитываются в настоящем исследовании как не отвечающие его цели. Тем не менее, тот факт, что они в меньшей степени соответствуют концептам-оппозициям *герой-отрицательное поведение семьи и членов общества* и *герой-его отрицательное психическое состояние или поведение* доказывает, что данные концепты-оппозиции требуют использования на вербальном уровне таких словообразовательных средств, в которых семантика отрицания является ярко репрезентированной. Именно поэтому комплексные знаки, сохраняющие семантику отрицания или ее «след», в наибольшей степени сконцентрированы в «радиусе действия» указанных концептов-оппозиций.

Рассмотренные нами схемы перевода таких комплексных знаков подтверждают роль семантики отрицания, вносимой словообразовательными средствами, *герой – отрицательное поведение семьи и членов общества* и *герой – его отрицательное психическое состояние или поведение* в интерпретации художественной картины мира.

Выводы

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Художественная картина мира, представленная в ИТ, являясь результатом вторичной репрезентации актуальных и виртуальных признаков, системным образом отражается средствами перевода. Существуют закономерности когнитивного и языкового характера, доказывающие такую системность. В частности, говоря о когнитивных структурах, определяющих модель перевода, можно отметить, что если речь идет о комплексном знаке, в действие вступают специфические механизмы концептуальной интеграции. Другими словами, присутствуют две возможности интерпретации художественной картины мира, представленной

средствами комплексного знака: а) интерпретация, основанная на единых когнитивных механизмах, когнитивных константах, свойственных человеческому сознанию в целом (фрейминг), и б) интерпретация, базирующая на таких когнитивных механизмах, как инференция, позволяющая переводчику «вытягивать» из концептуального пространства ИТ закодированную при помощи ИЯ имплицитную информацию.

2. Изучение основных концептов-элементов романа Э. Базена «Змея в кулаке» показало, что они представляют варианты концептуальной доминанты, отражающей основной концепт-оппозицию романа «герой – окружающий мир». Словообразовательные средства играют одну из важных ролей в актуализации этого концепта. Нами обнаружена взаимосвязь между типом микроконцепта-оппозиции и моделью перевода, при реализации которой наблюдается большая или меньшая степень инференции.

3. Концептуальные признаки, имплицированные в художественном тексте, не всегда передаются соответствующими языковыми средствами. Тем не менее, концептуальная структура художественного текста предполагает их восприятие получателем текста. При перекодировании текста средствами языка перевода возникает необходимость экстерииоризации скрытых признаков концепта, что нередко достигается при переводе изменением когнитивных фреймовых структур (рефреймингом). В обнаруженных нами случаях процесс рефрейминга в основном выражается в замене процессов концептуальной интеграции по принципу «диссоциация → ассоциация».

4. Когнитивные механизмы, определяющие процесс развития полисемии на базе комплексного знака на вербальном уровне, системным образом коррелируют с когнитивными механизмами, детерминирующими модель перевода. В частности, при наличии сильных позиций концептуализируемых признаков, соответствующих словообразовательным формантам, при сохранении двух фокусов (отсутствии процесса дефокусирования, словообразовательной либо семантической деривации по

типу 1) когнитивные механизмы, определяющие словообразовательную или семантическую модель (при развитии полисемии на базе комплексного знака) в процесс создания текста ИЯ, в полной мере соответствуют когнитивным механизмам, задействованным в процессе перевода. При наличии сильной позиции одного из концептуализируемых признаков и слабой позиции другого модель концептуальной деривации, определяющая модель семантической деривации на базе комплексного знака, индуцирует на вербальном уровне процесс семантического дефокусирования и развитие полисемии по типу 2. В данном случае когнитивные механизмы, «включающиеся» в процессе перевода, могут также быть аналогичными соответствующим когнитивным механизмам, структурирующим ИТ. Такое явление мы определяем как фрейминг. Исследование способов перевода комплексных знаков с отрицательным аксиологическим потенциалом позволило нам обнаружить три разновидности фрейминга: сохранение словообразовательной структуры при переводе, синтаксическое развертывание комплексного знака (отсутствие семантического дефокусирования) и переосмысление комплексного знака на базе когнитивной схемы, аналогичной той, которая используется при переводе (с семантическим дефокусированием по модели результатива). Однако при наличии сильной позиции одного из концептуализируемых признаков и слабой позиции другого присутствует возможность рефрейминга, что выражается в выборе переводчиком другой модели концептуальной интеграции признаков концептов, стоящих за составляющими комплексного знака. Актуализация такой когнитивной модели связана с эксплицированием тех признаков концепта, которые, безусловно, присутствовали в сознании носителя языка, но не «всплывали» до тех пор, пока в этом не возникла необходимость (при переводе). Таким признаком чаще всего оказывается «результат».

Изложенные выше закономерности, отражающие соответствие / несоответствие когнитивных механизмов, действующих в рамках ИТ и ПТ, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Когнитивные и семантические механизмы ПТ

	Фрейминг 72 %			Рефрейминг 28 %
	Отсутствие семантического дефокусирования	Семантическое дефокусирование	Семантическое дефокусирование	
Концепты – оппозиции				
Частотность	С сохранением словообразовательной структуры 32 %	Синтаксическое разветвление КЗ 10 %	30 %	28 %
<i>герой-отрицательное поведение семьи и членов общества</i> 40 %	15 %	6 %	18 %	16 %
<i>герой-его отрицательное психическое состояние или поведение</i> 45 %	13 %	4 %	12 %	12 %
<i>герой-отрицательная характеристика окружающего мира, герой-отрицательное восприятие членов семьи</i> 7%	2%	0%	0%	0%
<i>герой-отрицательное восприятие членов семьи</i> 8 %	2%	0%	0%	

Таким образом, комплексный знак, являясь языковым выражением специфической формы упаковки знаний, скрывает в себе различные типы фрейминга. Комплексная природа такого знака предполагает неоднозначность его интерпретации, что выражается в реализации его различных когнитивных и семантических потенциалов. В этой ситуации перевод является тем «катализатором», «интерпретатором скрытых признаков», который расширяет наше представление о концептах и их языковых реализациях. Данное положение проявляется особенно ярко при интерпретации художественной картины мира средствами перевода.

Литература

1. *Абиева Н.А.* Континуальность мышления и процесс перевода / Н.А. Абиева // Когнитивные исследования языка. – Вып. XXII. – Москва – Тамбов : Изд-во Тамбовского университета им. Г.Р. Державина, 2015. – С. 496–500.

2. *Болдырев Н.Н.* Концепт и значение слова / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. – С. 25–45.

3. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций. 4-е изд., испр. и доп. / Н.Н. Болдырев. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 123 с.

4. *Воркачев С.Г.* Культурные концепты и перевод : макаризмы в тексте Евангелия / С.Г. Воркачев // Вестник Московского городского областного университета. – 2003. – № 4. – С. 88–93.

5. *Галева Н.Л.* Основы деятельностной теории перевода / Н.Л. Галева. – Тверь : Изд-во Тверского государственного университета, 1997. – 79 с.

6. *Гинзбург Л.* В поисках святого Грааля / Л. Гинзбург // Поэтика перевода: сб. науч. ст. – М. : Радуга, 1988. – С. 12–20.

7. *Ирисханова О.К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О.К. Ирисханова. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.

8. *Крюков А.Н.* Методологические основы интерпретативной теории перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.Н. Крюков. – М., 1989. – 36 с.

9. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание : на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

10. *Кубрякова Е.С.* Части речи в ономаσιологическом освещении / Е.С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 115 с.

11. *Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – 200 с.

12. *Кубрякова Е.С.* Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования / Е.С. Кубрякова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 2002. – Т. 61, № 1. – С. 13–24.

13. *Леонтьева К.И.* Антропоцентрические координаты феномена перевода : субъективный принцип, интерпретация и «живое знание» / К.И. Леонтьева // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов. – 2016. – № 4. – С. 41–50.

14. *Леонтьева К.И.* Перевод как инструмент координации социальной когниции : актуальные проблемы исследования / К.И. Леонтьева // Когнитивные исследования языка. Проблемы современной лингвистики на стыке когниции и коммуникации. – Вып. XXIII. – Москва – Тамбов : Изд-во Тамбовского университета им. Г.Р. Державина, 2018. – С. 720–728.

15. *Леонтьева К.И.* Социокогнитивная функция художественного перевода и проблема оценочной интерпретации / К.И. Леонтьева // Когнитивные исследования языка. – Вып. XXX. – Москва – Тамбов : Изд-во Тамбовского университета им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 720–724.

16. *Литвин Е.Ю.* Методика когнитивного анализа художественного текста / Е.Ю. Литвин // Когнитивные исследования языка. – Вып. XXX. – Москва – Тамбов : Изд-во Тамбовского университета им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 584–587.

17. *Маслова В.О.* Лингвокультурология : учеб. пособие / В.О. Маслова. – М. : Изд-во центр «Академия», 2001. – 183 с.

18. *Маслова Ж.Н.* Проблема передачи метафорического образа при переводе поэтического текста / Ж.Н. Маслова, М.Д. Авдеева // Когнитивные исследования языка. Проблемы современной лингвистики на стыке когнициии и коммуникации. – Вып. XXIII. – Москва – Тамбов : Изд-во Тамбовского университета им. Г.Р. Державина, 2018. – С. 729–732.

19. *Мальшева Е.Г.* Лингвокогнитивный анализ дискурса : базовые понятия, термины, методики и аспекты исследования / Е.Г. Мальшева // Дискурс и стиль : теоретические и прикладные аспекты : монография / под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2014.

20. *Минченков А.Г.* Когнитивно-эвристическая модель перевода / А.Г. Минченков. – Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011. – 278 с.

21. *Мещерякова О.А.* Художественный дискурс и полидискурсивность / Мещерякова О.А. // Когнитивные исследования языка. Проблемы современной лингвистики на стыке когнициии и коммуникации. – Вып. XXI. – Москва – Тамбов : Изд-во Тамбовского университета им. Г.Р. Державина, 2015. – С. 715–719.

22. *Огнева Е.А.* Концепт путешествие как когнитивная текстовая доминанта (на материале произведений Ж. Верна) / Е.А. Огнева // Когнитивные исследования языка. Проблемы современной лингвистики на стыке когнициии и коммуникации. – Вып. XXI. – Москва – Тамбов : Изд-во Тамбовского университета им. Г.Р. Державина, 2015. – С. 720–724.

23. *Полянчук О.Б.* Композиционная семантика многозначного производного слова / О.Б. Полянчук. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2013. – 186 с.

24. *Полянчук О.Б.* Французское производное слово в динамическом аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.05. – Воронеж, 2009. – 36 с.

25. *Полянчук О.Б.* Когнитивные основы перевода лексических единиц, репрезентированных комплексным знаком / О.Б. Полянчук // Социокультурные проблемы перевода : сб. науч. тр. : в 2 ч. – Воронежский государственный университет. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2006. – Вып. 7, ч. 2. – С. 195–202.

26. Полянчук О.Б. Словообразовательные средства реализации концепта-оппозиции «герой-окружающий мир» в романе Э. Базена «Змея в кулаке» / О.Б. Полянчук, Е.И. Свиридова // Когнитивные исследования языка. – Вып. XXX. – Москва – Тамбов : Изд-во Тамбовского университета им. Г.Р. Державина, 2018. – С. 317–322.

27. Fauconnier G. Conceptual integration networks / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive Science. – 1998. – Vol. 22. – P. 133–187.

28. Frege G. On Sense and Meaning / G. Frege // Translations from philosophical writings of G.Frege. – Oxford, 1985. – P. 56–78.

29. Genette G. Figures / G Genette . – I. P. : Seuil, 1976. – 286 pp.

30. Pouillon J. Temps et roman / Pouillon J. – P. : Dunod, 1974. – 72 pp.

Источники примеров

Bazin H. Vipère au poing / H. Bazin. – P : Éditions Le Livre de Poche, 1972. – 186 p.

Эрве Базен. Семья Резо. – Пер. с фр. Н. Немчиновой / Эрве Базен. – М. : Прогресс, 1982. – С. 19–164.

Глава 4. МАРКЕРЫ МЕТАКОММУНИКАТИВНОЙ РЕФЛЕКСИИ ГОВОРЯЩЕГО В ПЕРЕВОДЕ

Введение

Данная глава объединяет вопросы использования маркеров метакоммуникативной рефлексии говорящего в высказывании, специфики функционирования таких единиц в дискурсе, а также проблему перевода этих единиц в художественных текстах. Маркеры метакоммуникативной рефлексии (далее – рефлексивы) определяются как «метаязыковые комментарии по поводу употребления актуальной единицы в естественной речи» [Вепрева 2002 : 218]; иными словами, это единицы высказывания, которые выполняют две основные функции: во-первых, они отражают контроль говорящего за формальной и содержательной сторонами собственной речи (как устной, так и письменной); во-вторых, они регулируют процесс понимания. Примерами рефлексивов в русском языке являются вводные конструкции *проще говоря, мягко говоря, так сказать, если можно так сказать, если можно так выразиться, иначе говоря* и др. Маркеры метакоммуникативной рефлексии можно считать показателями существующих в рамках определенной культуры прагматических конвенций. В данном исследовании нас интересуют прагматические причины, которые заставляют говорящих использовать в высказываниях рефлексивы, а также переводческие стратегии, которые используются для перевода этих дискурсивных единиц. Материалом исследования стали данные параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) – переводы с русского на английский и немецкий языки, а также русские переводы английских и немецких текстов. Большая часть контекстов, содержащих рефлексивы – это художественные нарративы или мемуарная проза, т.е. тексты, в отличие от научных и публицистических текстов, говорящий (повествователь или персонаж) присутствует эксплицитно и имеет возможность оценить и прокомментировать собственную речь.

В первом разделе главы обсуждается метакоммуникативная рефлексия и способы ее маркирования в переводе. Второй раздел посвящен проблеме перевода дискурсивных единиц и анализу переводческих стратегий, которые используются при передаче прагматической информации, связанной с оценкой говорящим собственного высказывания. Третий раздел затрагивает проблему вариативности переводов маркеров метакоммуникативной рефлексии говорящего.

1. Метакоммуникативная рефлексия говорящего и способы ее маркирования в высказывании

Понятия *метаязыковой функции*, *метакоммуникации* и *метаязыковой деятельности* отражают смещение интереса ученых с системного аспекта существования языка на «пользовательский»: в фокусе внимания оказывается *homo loquens* и его взаимоотношения с языком, а также «... динамичный процесс коммуникации, в котором регулированию и оценке подлежит не только правильность использования языковых структур, но и взаимодействие между участниками общения» [Шилихина 2014 : 101]. С того момента, как Р.О. Якобсон описал метаязыковую функцию, лингвисты и философы предлагают выделять различные аспекты метадеятельности, направленной на язык и речь. Так, Г. Бейтсон предложил различать метаязыковые и метакоммуникативные сообщения: первые сообщают нам нечто о языке, вторые – об отношениях между участниками дискурса и о том, каким образом высказывание соотносится с коммуникативным контекстом [Bateson 1972]. Последние также называют метапрагматическими сообщениями, поскольку, будучи по своей семиотической природе индексальными единицами высказывания, они характеризуют само высказывание, ср. мнение Н.К. Рябцевой: «Метакоммуникация – это своего рода оценочная метадескрипция, характеризующая коммуникативное взаимодействие партнеров» [Рябцева 1994 : 91].

Под метакоммуникацией (или метадискурсом в терминах некоторых исследователей, например, К. Хайленда) в самом об-

щем виде понимается рефлексивное использование языковых средств, с помощью которых участники дискурса оценивают собственную речь или речь собеседника и регулируют взаимоотношения между говорящим и адресатом [Nyland 2005]. К метакоммуникации также относятся те элементы высказывания, которые позволяют комментировать качество речи как с точки зрения формы, так и с точки зрения ее содержания [Hübler 2007]. Таким образом, метакоммуникация (метадискурс) – это достаточно широкое понятие, которое может быть отнесено к самым разнообразным элементам сказанного или написанного.

В данном исследовании мы ограничимся только теми элементами высказываний, которые могут считаться формальными показателями рефлексии говорящего, направленной на собственную речь. И.Т. Вепрева определяет формальные показатели рефлексивов через «... наличие в анализируемом отрезке метаоператора, к которому относится лексическая единица «слово», а также наиболее частотные «речевые слова» (В.Г. Гак), глаголы и существительные, обозначающие речевые действия: *речь, имя, говорить, называть, подбирать, понимать, употреблять, использовать* и др.» [Вепрева 2002 : 219].

В целом маркеры саморефлексии говорящего составляют достаточно обширную группу языковых средств, в которую входят

- маркеры, указывающие на способ выражения мысли;
- маркеры нетривиальной номинации объекта или явления;
- маркеры перефразирования.

Первая из названных групп – маркеры, указывающие на способ выражения мысли – это конструкции с аксиологической семантикой (рус. *проще говоря, мягко выражаясь*, англ. *to put it simply*, нем. *einfacher gesagt*). С их помощью говорящий оценивает собственную речь с точки зрения таких качеств, как простота / сложность выражения мысли, мягкость / грубость и т.д. Примером такой оценки является следующий контекст, где *мягко говоря* указывает на то, что выбранный способ номинации – существительное *вранье*, само по себе обладающее ярко выраженной негативной коннотацией – оценивается В.В. Набоковым как все же недостаточно эмоциональное с точки зрения оценки:

[1] *Предупреждаю Вас, что я с большим сомнением отношусь к мрачной Достоевщине, которую Вы изволили ей рассказать. Думаю, мягко говоря, что это вранье. Подлое при этом вранье, так как Вы играли на ее чувствах. [В.В. Набоков. Отчаяние (1932)]*

*Let me warn you: it is with considerable doubt that I regard all the dark Dostoevskian stuff you had taken the trouble to tell her. **Putting it mildly**, it is all a damned lie, I dare say. A damned cowardly lie, too, seeing the way you played on her feelings. [Vladimir Nabokov. Despair (Dmitri Nabokov, Vladimir Nabokov, 1965)]*

Английский перевод также содержит данный маркер, однако для существительного *вранье* выбран перевод, в котором негативная оценка усилена прилагательным *damned*, и маркер *putting it mildly* указывает на то, что даже этого прилагательного оказывается недостаточно, чтобы выразить негодование говорящего.

Пример [2] иллюстрирует оценку говорящим собственной речи с точки зрения ее простоты и понятности для адресата:

[2] *Why, **in plain English**, to frighten the rooks. [Charles Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club (1836-1837)]*

– Да, **проще говоря**, для того, чтобы испугнуть грачей. [Чарльз Диккенс. Посмертные записки Пиквикского клуба (А.В. Кривцова, Е. Л. Ланн, 1933)]

Вторая группа – маркеры нетривиальной номинации – необходимы говорящему в тех случаях, когда в высказывании используется необычная (например, метафорическая) номинация, эвфемизм или неологизм, и говорящий «предупреждает» адресата о необходимости дополнительных когнитивных усилий для обработки такой номинации. В эту группу попадают русские конструкции *если можно так сказать, если можно так выразиться*, английские *if I can put it this way, so to say*, немецкие *wenn ich mich so ausdrücken darf, sozusagen*. Пример [3] иллюстрирует употребление показателей рефлексии говорящего:

[3] *Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, **если можно так выразиться**. [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]*

From behind his half-lowered eyelashes they shone with a kind of phosphorescent gleam – if I may so express myself. [Mikhail Lermontov. *A Hero of Our Time* (J.H. Wisdom, Marr Murray, 1916)]

Unter ihren halbgeschlossenen Lidern hervor strahlten sie einen gewissen phosphorartigen Glanz aus, wenn ich mich so ausdrücken darf. [Michail Lermontov. *Ein Held unserer Zeit* (Wilhelm Lange, 1880)]

Приведенный контекст из романа М.Ю. Лермонтова и его переводы на английский и немецкий языки демонстрируют случай использования метакоммуникативного рефлексива для указания на то, что сам автор считает предложенный способ описания ситуации необычным и обращает на это внимание читателя.

В третью групп попадают случаи, когда рефлексия говорящего приводит к перестройке высказывания. В работе [Quirk et al. 1985] выделено четыре случая, когда говорящий инициирует изменения в структуре высказывания:

1) перестройка высказывания основана на языковом знании: говорящий выбирает другой способ выражения мысли (о том же, но другими словами, т.е., как правило, это использование синонима);

2) смена способа выражения мысли связана с экстралингвистическим знанием, поэтому в качестве альтернативного способа номинации может быть выбран не-синоним;

3) говорящий выбирает более точную номинацию;

4) говорящий высказывает мысль повторно.

Примерами маркеров перестройки высказывания в русском языке являются конструкции *другими словами*, *то есть*, *иначе говоря*, *точнее говоря*, *иными словами*, в английском языке – *that is to say*, *in other words*, *technically*, *or rather*, *I mean*, *to be more precise*, в немецком – *mit anderen Wörter* и др. Пример [4] иллюстрирует такую рефлексию:

[4] *Winifred had forgotten that behind conduct lies the main trend of character; or, in other words, omitted to remember that Fleur was now a “lame duck.”* [John Galsworthy. *To Let* (1921)]

Уинифрид забыла, что за поведением человека лежит общий склад его характера; или, другими словами, она упустила из

виду, что Флер попала теперь в разряд «несчастненьких». [Джон Голсуорси. Сдается внаем (Н.Д. Вольпин, 1946)]

Обобщая, можно говорить о том, что появление маркера рефлексии делает высказывание более эксплицитным, что облегчает понимание, поскольку сам рефлексив часто указывает на то, каким образом должно быть понято сказанное [Вепрева 2002; Xiao 2011].

Наш интерес к функционированию маркеров рефлексии говорящего связан с тем, что они в значительной степени отвечают за общую когерентность дискурса. Кроме того, как уже было сказано ранее, их употребление отражает определенные прагматические конвенции, свойственные каждой культуре: например, необходимость маркирования нетривиального способа выражения мысли или обязательность / необязательность указания на повторное выражение мысли. Несмотря на их важную роль, в переводе такие единицы часто опускаются; кроме того, часто наблюдается высокая вариативность в выборе переводного эквивалента. Всё это говорит о том, что маркеры рефлексии говорящего заслуживают внимания с переводческой точки зрения.

2. Дискурсивные единицы как объект переводческого анализа

Проблема отражения культурной специфики исходного текста в переводе является одной из наиболее обсуждаемых. Как правило, исследователи фокусируют внимание на тех фрагментах текста, которые, в силу своей культурной или языковой специфики, представляют переводческую трудность. В круг таких явлений традиционно попадают идиомы, метафоры, безэквивалентная лексика, термины [Влахов, Флорин 1980], игра слов [Bellos 2011], культурно-специфические реалии [Фененко 2017] и др. Внимание к таким элементам текста оправдано: от того, как переводчик справится с таким культурным или языковым «препятствием», зависит восприятие текста перевода и, следовательно, иноязычной культуры читателем.

Однако, как известно, «дьявол кроется в деталях»: часто культурно специфичными оказываются не только реалии, мета-

форы или идиомы, но и более мелкие элементы высказывания, роль которых состоит в том, чтобы обеспечить общую связность дискурса, облегчить понимание сказанного, эксплицитировать интенцию говорящего. К таким элементам относятся дискурсивные маркеры – единицы высказывания, роль которых заключается в организации смысловой целостности дискурса, в управлении процессом понимания сказанного или написанного [Hyland 2005]. Дискурсивные маркеры не являются частью пропозиции высказывания, но при этом отвечают за важные прагматические смыслы (например, они могут служить индикаторами чужой речи, оценивать достоверность высказывания, указывать на источник информации, показывать, каким образом адресату следует интерпретировать сказанное и т.д.) [Pragmatic Markers 2006; Aijmer 2013]. В последние десятилетия описание дискурсивных маркеров стало популярной областью лингвистических исследований: им посвящены как отдельные статьи [Богданова-Бегларян 2015; Зализняк 2018], так и монографии [Баранов 1993; Викторова 2015; Schiffrin 1987; Aijmer 2013].

В качестве основной и наиболее общей функции дискурсивных маркеров принято называть функцию структурирования дискурса: действительно, эти единицы, не являясь частью пропозиционального содержания высказывания, так или иначе отвечают за общую смысловую целостность процесса коммуникации. Однако далее, описывая конкретные маркеры, исследователи выделяют самые разные функции, например, функцию заполнения hesitantной паузы при подборе слова или указателя на поиск оптимального способа выражения мысли [Богданова-Бегларян 2012], функцию эпистемической оценки [Шилихина, Смирнова 2018] или функцию метакоммуникативной рефлексии говорящего, о которой пойдет речь далее.

Исследователи отмечают языковую и культурную специфичность дискурсивов: известно, что далеко не всегда удается подобрать адекватные переводные эквиваленты дискурсивных маркеров [Шилихина 2015; Добровольский 2018]. Исследователи отмечают, что переводческие трудности возникают из-за многофункциональности дискурсивных единиц, а также из-за их

исключительной зависимости от контекста [Furkó 2014]. Иногда понять, какое именно прагматическое значение передает маркер, бывает трудно, поэтому переводчик может отказаться от перевода этой единицы высказывания без больших потерь с точки зрения фактологической информации, но принося при этом в жертву информацию прагматического характера. Кроме того, уместность использования таких единиц во многом зависит от существующих в культуре прагматических конвенций [Плунгян 2013, электронный ресурс].

Изучение специфики использования дискурсивных маркеров в различных языках и культурах стало возможно благодаря параллельным корпусам. Такие корпуса уже давно стали источником материала для анализа переводческих решений [Добровольский 2009; Xiao 2011; Furkó 2014; Шилихина 2015; Шмелев 2015]. По мнению лингвистов, данные параллельных корпусов интересны не только для теории перевода, но в большей степени для компаративных исследований как на уровне лексики или грамматики, так и на уровне прагматических конвенций, существующих в сопоставляемых языках и культурах [Добровольский 2018].

Дальнейшее исследование посвящено описанию переводческих стратегий и анализу многообразия переводных эквивалентов метакоммуниктивных рефлексивов. В качестве иллюстраций будут использованы переводы с русского на английский и немецкий языки, а также переводы с английского и немецкого языков на русский.

Корпусные данные позволяют выделить три варианта переводческих стратегий:

- стратегию сохранения формы, когда рефлексив присутствует и в тексте оригинала, и в тексте перевода;
- стратегию опущения, когда рефлексив в исходном тексте не переводится, при этом прагматический компонент рефлексии повествователя или персонажа оказывается утраченным;
- стратегию добавления, когда рефлексив добавляется в текст перевода при его отсутствии в тексте оригинала.

Далее проанализируем каждую из выделенных стратегий.

2.1. Стратегия сохранения формы

Как указывают теоретики и практики перевода, переводчик может ориентироваться либо на форму, либо на содержание [Рун 2014; Добровольский 2018]. В первом случае для метакоммуникативного маркера будет подобран эквивалент в языке перевода. Во втором случае содержание может быть либо передано при помощи других средств, либо вообще не переводиться.

Наиболее частотным рефлексивом в параллельном подкорпусе НКРЯ является вводная конструкция *так сказать*, которая демонстрирует все свойства дискурсивного маркера – синтаксическую независимость, неизменяемость, отсутствие денотата и др. [Дискурсивные слова 1998]. Основная функция конструкции *так сказать* – маркировать нетривиальный лексический выбор говорящего и тем самым предупреждать адресата о необходимости дополнительных когнитивных усилий для понимания сказанного. Анализ конкорданса показывает, что *так сказать* переводится на английский и немецкий языки в 90 % случаев.

Пример [5] иллюстрирует случай, когда маркер нетривиальной номинации *так сказать* переводится двумя различными средствами: конструкцией *so to say* и хезитативом *er...*:

[5] Я, *так сказать*, незримо отсутствовал, перенесаясь воображением в другие сферы... [Н.Н. Носов. Приключения Незнайки и его друзей (1953–1954)]

I was... er... withdrawn, so to say – carried away by my imagination into higher realms... [N. Nosov. The Adventures of Dunno and his Friends (Margaret Wettlin, 1980)]

В русском оригинале сферой действия конструкции *так сказать* является выражение *незримо отсутствовал*, метафорический смысл которого персонаж объясняет далее. В английском тексте переводчик обращает внимание читателя на процесс подбора способа номинации: причастию *withdrawn* предшествует хезитатив *er...*, которого нет в русском оригинале, а далее используется рефлексив *so to say*, который указывает на то, что после некоторых размышлений говорящий выбрал необычный способ номинации и обращает на это внимание адресата.

Сохраняя форму, переводчики, как правило, имеют возможность выбирать переводной эквивалент из целого ряда вариантов. Так, в качестве вариантов перевода русского рефлексива *так сказать* в русско-английском подкорпусе встречаются *so to speak* (пример [6]), *as it were* (пример [7]), *you might say* (пример [8]), *after all* (пример [9]) и ряд других.

[6] *И на балконе был у Понтия Пилата, и в саду, когда он с Каифой разговаривал, и на помосте, но только тайно, инкогнито, так сказать, так что прошу вас – никому ни слова и полный секрет!.. Тсс! [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929-1940)]*

I was on Pontius Pilate's balcony, and in the garden when he talked with Kaifa, and on the platform, only secretly, incognito, so to speak, and therefore I beg you – not a word to anyone, total secrecy, shh... [Mikhail Bulgakov. Master and Margarita (Richard Pevear, Larissa Volokhonsky, 1979)]

[7] *Вы видите перед собой, господа присяжные заседатели, характерное, если можно так выразиться, преступление конца века, носящее на себе, так сказать, специфические черты того печального явления разложения, которому подвергаются в наше время те элементы нашего общества, которые находятся под особенно, так сказать, жгучими лучами этого процесса... [Л.Н. Толстой. Воскресение (ч. 1) (1899)]*

“Here is before you, gentlemen of the jury, a crime characteristic, if I may so express myself, of the end of our century, bearing, as it were, all the specific features of the first symptoms of decomposition, to which those elements of our society, which are exposed, as it were, to the more scorching rays of that process, are сказал subject.” [Leo Tolstoy. The Awakening (part 1) (William E. Smith, 1900)]

[8] *До Крещатика такое и вообразить было трудно, а вот НКВД вообразило и, так сказать, открыло в войнах новую страницу. [А.В. Кузнецов. Бабий Яр (1965-1970)]*

Until the Kreshchatik was destroyed it was difficult to imagine such a thing happening at all, but the N.K.V.D. found it possible to imagine and opened, you might say, a new page in the history of warfare. [Anatoly Kuznetsov. Babi Yar (David Floyd, 1970)]

[9] **Так сказать**, 900 процентов дохода на каждой пачке папиросной бумаги, с ума сойти. [А.В. Кузнецов. Бабий Яр (1965-1970)]

After all, 900 per cent profit on every packet of cigarette papers – it was enough to turn your head. [Anatoly Kuznetsov. Babi Yar (David Floyd, 1970)]

Вообще, вариативность способов перевода – одна из особенностей дискурсивных средств любого языка. Об этом свидетельствуют и данные англо-русского подкорпуса, в котором *так сказать* является переводным эквивалентом для английских конструкций *so to speak* (пример [10]), *you know* (пример [11]), *as it were* (пример [12]):

[10] *But then I realized that what was doing all the arriving and departing was me, and that the depot, so to speak, was the home of the College President.* [Kurt Vonnegut. Hocus Pocus (1990)]

Но тут до меня дошло, что все сроки прибытия и отправления относились лично ко мне, а депо, **так сказать**, представлял собой дом Президента Колледжа. [Курт Воннегут. Фокус-покус (М. Ковалева, 1993)]

[11] *And it helps us posture our force and train our force and also, you know, the development of our plans, obviously.* [Dave Majumdar. NATO Supreme Allied Commander: Russia Won't Overwhelm Alliance in War [The National Interest,] (2018)]

И это помогает нам размещать наши силы и готовить наши силы и, **так сказать**, разрабатывать наши планы, безусловно» [Верховный главнокомандующий НАТО: Россия не сможет победить Альянс в войне (Inosmi.ru, 2018)].

[12] *At times he graded, as it were, into somebody else, whom Pnin did not know by name but whom he classified, with a bright foreigner's fondness for puns as 'Тwynн' (or, in Pninian, 'Tvin').* [Vladimir Nabokov. Pnin (1957)]

Временами он, **так сказать**, перевоплощался в кого-то другого, кого Пнин не знал по имени, но окрестил, с характерной для иностранца склонностью к каламбурам, Двойницкий. [Владимир Набоков. Пнин (Вера Набокова, Г. Барбартарло, 1983)]

К вопросу о вариативности перевода метакоммуникативных маркеров мы вернемся чуть позже, пока же отметим, что разнообразие переводных эквивалентов дает хорошее представление о сложности прагматического значения рефлексива и зависимости его от контекста.

Другие интересующие нас конструкции встречаются в параллельном подкорпусе реже, однако и здесь прослеживается стремление переводчиков к сохранению формы:

[13] *В снах моих мир был облагорожен, одухотворен; люди, которых я наяву так боялся, появлялись там в трепетном преломлении, словно пропитанные и окруженные той игрой воздуха, которая в зной дает жизнь самим очертаниям предметов; их голоса, поступь, выражение глаз и даже выражение одежды – приобретали волнующую значительность; **проще говоря**: в моих снах мир оживал, становясь таким пленительно важным, вольным и воздушным, что потом мне уже бывало тесно дышать прахом нарисованной жизни. [В.В. Набоков. Приглашение на казнь (1935)]*

*In my dreams the world was ennobled, spiritualized; people whom in the waking state I feared so much appeared there in a shimmering refraction, just as if they were imbued with and enveloped by that vibration of light which insultry weather inspires the very outlines of objects with life; their voices, their step, the expressions of their eyes and even of their clothes, acquired an exciting significance; **to put it more simply**, in my dreams the world would come alive, becoming so captivatingly majestic, free and ethereal, that afterwards it would be oppressive to breathe the dust of this painted life. [Vladimir Nabokov. Invitation to a beheading (Dmitri Nabokov, Vladimir Nabokov, 1959)]*

Перевод русского рефлексива *проще говоря*, с помощью которого автор перестраивает высказывание, делая его более легким для понимания, английским *to put it more simply* полностью сохраняет формально-содержательные характеристики оригинала.

Интересен перевод русского рефлексива *если можно так выразиться* как *if one may so express it*: дело в том, что данный перевод полностью нацелен на сохранение формы, но для англоязычного читателя не является частотной конструкцией, за которой

закреплена функция метакоммуникативной рефлексии. Достаточно сказать, что The Corpus of Historical American English, содержащий данные об американском варианте английского языка с 1800 г., предлагает всего пять контекстов с этой конструкцией, причем их употребление приходится на 1870–1910 гг. Корпус NOW, отражающий функционирование различных территориальных вариантов английского языка в наши дни и содержащий 8,4 млрд. словоупотреблений, предлагает всего один контекст. Однако переводчица выбрала именно этот способ передачи значения, несмотря на его непривычность для читателя:

[14] *Какое-то ненасытимое сострадание, если можно так выразиться, изобразилось вдруг во всех чертах лица ее.* [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

A sort of insatiable compassion, if one may so express it, was reflected in every feature of her face. [F. Dostoevsky. Crime and Punishment (Constance Garnett, 1914)]

Необходимо отметить, что переводческая стратегия сохранения формы может реализовываться пунктуационно, например, многоточие может заменить дискурсивный маркер, отражая процесс подбора слова и указывая на необычность номинации:

[15] – *Жизнь – 10000, большой вред здоровью, членовредительство, так сказать...* [В.И. Савченко. Алгоритм успеха (1965)]

Life-ten thousand; serious disability... crippling... [Vladimir Savchenko. Success algorithm (Helen Salts Jacobson, 1979)]

Подводя предварительный итог, отметим, что стратегия, направленная на сохранение формы в переводе, позволяет сохранить исходную прагматическую интенцию оригинала. Переводной эквивалент выбирается из ряда вариантов, причем далеко не всегда степень конвенциональности рефлексивов в оригинале и переводе одинакова.

2.2. Стратегия опущения

Казалось бы, в русском, английском и немецком языках есть переводные эквиваленты для рассматриваемых здесь рефлексивов. Однако, как показывает анализ конкорданса, достаточно

часто мы сталкиваемся с отсутствием маркера рефлексии говорящего в переводе при его наличии в тексте оригинала. Возможное объяснение этого явления можно сформулировать так: поскольку дискурсивные маркеры не являются частью пропозиции высказывания, наиболее простым решением проблемы является опущение этих единиц при переводе. Результатом становится либо утрата прагматического компонента высказывания, либо его замена другим компонентом.

Причины опущения метакоммуникативного рефлексива в переводе могут быть различными. Рассмотрим несколько примеров:

[16] *The steps came down diagonally in one corner so the room ran away, so to speak.* [J. Fowles. *The Collector* (1963)]

Ступеньки шли как-то вбок, не прямо, так что это помещение вроде отходило куда-то в сторону от главного. [Дж. Фаулз. *Коллекционер* (И. Бессмертная, 1991)]

В примере [16] рефлексив *so to speak* привлекает внимание читателя к метафоричному способу описания ситуации. В переводе метакоммуникативный маркер заменяется наречием *вроде* с эпистемической семантикой: в результате в русском тексте акцент с метафоричности смещается на неуверенность говорящего в достоверности утверждения.

[17] *Кроме того – внештатно, так сказать, – он состоял адъютантом у своего отца: бегал по лагерю с разными поручениями.* [Д.Н. Медведев, М. Белыхова. *Это было под Ровно* (1948)]

In addition, he was his father's unofficial aide, running about the camp with messages. [Dmitry Medvedev. *Stout hearts* (David Skvirsky, 1961)]

Пример [17] иллюстрирует случай, когда отсутствие маркера рефлексии говорящего не влияет на пропозициональное содержание, однако текст перевода, тем не менее, оказывается лишен важных коммуникативных компонентов, например, метафоричности речи и информации об отношении говорящего к его собственному высказыванию. В следующем фрагменте метакоммуникативная конструкция *so to speak* снова акцентирует внимание читателя на идиоматичности речи повествователя:

[18] *You're too smart for me, Mr. Mason. You keep reading my mind, so to speak. I will put the cards on the table.* [Erle Stanley Gardner. *The Case of the Blonde Bonanza* (1962)]

– Вы очень умны, мистер Мейсон. Вы читаете мои мысли. Я вам все открою. [Эрл Стэнли Гарднер. *Белокурая удача* (М. Жуков, 1990)]

В русском переводе идиоматичность повествования сохраняется, однако переводчик не делает прагматический акцент на этом свойстве речи повествователя. В целом необычная образность речи часто становится объектом рефлексии повествователя, однако в переводе маркеры часто не сохраняются. Возможно, так происходит из-за того, что эта образность и так очевидна для читателя:

[19] *He was a little crazy on that point. His three daughters were awfully nice, though they resembled him amazingly, and on the mornings he woke up with a gloomy view of their matrimonial prospects the office would read it in his eye and tremble, because, they said, he was sure to have somebody for breakfast. However, that morning he did not eat the renegade, but, if I may be allowed to carry on the metaphor, chewed him up very small, so to speak, and – ah! ejected him again.* [Joseph Conrad. *Lord Jim* (1900)]

Он был слегка помешан на этом пункте. Три его дочери были очень хорошенькие, хотя удивительно походили на него. Иногда, проснувшись утром, он приходил к безнадежным выводам относительно их замужества, и вся канцелярия, по глазам угадав его мрачные мысли, трепетала, ибо, по словам служащих, в такие дни он непременно требовал себе кого-нибудь на завтрак. Однако в то утро он не съел ренегата, но – если разрешите мне продолжить метафору – разжевал его основательно и... выплюнул. [Джозеф Конрад. *Лорд Джим* (А. В. Кривцова, 1926)]

Исходный текст содержит два эксплицитных указателя на необычный способ описания ситуации – рефлексивы *if I may be allowed to carry on the metaphor* и *so to speak*. Переводчик, сохраняя первый указатель на рефлексии говорящего, опускает второй, очевидно, считая его избыточным.

Пример [20] иллюстрирует случай опущения рефлексива, связанного с тем, что переводчик не сохраняет форму исходного текста и не использует повторную номинацию, неологизм, для которого в русском языке не так просто подобрать переводной эквивалент:

[20] *In der Mitte des Sales erhob sich ein ganzer Wald von Standuhren, ein Uhr-Wald **sozusagen**, angefangen von gewöhnlichen Zimmerstanduhren bis hinauf zu richtigen Turmuhren.* [Michael Ende. *Momo* (1973)]

В середине зала возвышался целый лес напольных часов, начиная с обыкновенных комнатных до настоящих башенных. [Михаэль Энде. *Момо* (Ю. И. Коринец, 1982)]

Можно говорить о том, что причина опущения маркера метаязыковой рефлексии в данном случае языковая – отсутствие переводного эквивалента – отменяет необходимость перестроить высказывание и маркировать смену номинации на нетривиальную.

В оригинале текста в примере [21] рефлексив *sozusagen* комментирует номинацию *Lösegeld*, указывая на ее метафоричность (время осмысляется как деньги). Во внутренней форме русского существительного *выкуп* нет указания на деньги (в принципе, выкупом может стать любая ценность), поэтому метафора «время – это деньги» в переводе не сохраняется и в метаязыковом комментарии нет необходимости.

[21] *Außerdem fordern wir von ihnen, **sozusagen** als Lösegeld, die Summe von hunderttausend Stunden eingesparter Zeit.* [Michael Ende. *Momo* (1973)]

Кроме того, вы должны в качестве выкупа уплатить нам сто тысяч часов сэкономленного времени. [Михаэль Энде. *Момо* (Ю. И. Коринец, 1982)]

В ряде контекстов в оригинале метакоммуникативный рефлексив употребляется повествователем, чтобы обратить внимание на необычный способ номинации объекта или действия, иными словами, сделать акцент на форме выражения мысли. В переводе этот компонент значения утрачивается, поскольку пе-

реводчик фокусируется на других содержательных компонентах, например, на внутреннем состоянии персонажа. Для этого выбираются другие языковые средства, например, показатели смены модальности. Такой случай хорошо иллюстрирует пример [22]:

[22] *He had been full of the idea so long, dreamed it right through to the end, waited with his teeth set, **so to speak**, at an inconceivable pitch of intensity.* [F. Scott Fitzgerald. *The Great Gatsby* (1925)]

Он так долго об этом мечтал, так подробно все пережил в мыслях, столько времени ждал, словно бы стиснув зубы в невероятном, предельном напряжении. [Ф. Скотт Фицджеральд. *Великий Гэтсби* (Е. Калашикова, 1965)]

Таким образом, опущение маркеров метакоммуникативной рефлексии может быть вызвано невозможностью сохранить уровень метафоричности речи, например, из-за отсутствия переводного эквивалента для неологизма или использования в переводе идиомы, которая не воспринимается читателями как нетривиальная номинация.

2.3. Стратегия добавления

Наиболее интересным и, следует отметить, достаточно частым вариантом является ситуация, когда маркер метакоммуникативной рефлексии вдруг появляется в тексте перевода, при том, что в оригинале он отсутствует. Возникает вопрос, что побуждает переводчиков использовать в тексте дискурсивные маркеры метакоммуникативной рефлексии говорящего? Является ли эта стратегия универсальной или культурно специфичной?

Анализ корпусного материала позволяет говорить о том, что данная стратегия оказалась более востребованной в русских переводах: так, конструкция *мягко говоря* появляется в русских переводах при отсутствии аналогичного маркера в оригинальном тексте в 62% случаев:

[23] *The captain had been acting very erratic since his mysterious phone call.* [Dan Brown. *Angels and Demons* (2000)]

*После таинственного телефонного звонка все его действия стали казаться лейтенанту, **мягко говоря**, странными.* [Дэн Браун. *Ангелы и демоны* (Г. Косов, 2004)]

Можно предположить, что такое стремление к смягчению высказывания – это индивидуальный стиль переводчика. Однако тексты других произведений, перевод которых выполнен другими переводчиками, также демонстрируют использование стратегии добавления рефлексива в перевод:

[24] *Langdon's newest manuscript – an exploration of the history of goddess worship – included several sections about Mary Magdalene that were going to raise some eyebrows. [Dan Brown. The Da Vinci Code (2003)]*

Последняя рукопись Лэнгдона, исследование в области истории поклонения богине, включала несколько разделов о Марии Магдалине, которые могли вызвать, мягко говоря, недоумение. [Дэн Браун. Код Да Винчи (Н. Рейн, 2004)]

Как можно объяснить появление рефлексива *мягко говоря* в русских переводах? Обратим внимание на то, что рефлексия всегда *чья-то*, иными словами, в тексте перевода присутствует голос либо рассказчика, либо одного из персонажей. Интересно, что вместе с появлением дискурсивного маркера может происходить и синтаксическая трансформация, при которой прямая речь в тексте оригинала становится свободным косвенным дискурсом [Падучева 1996; 2019] в тексте перевода:

[25] *“At this hour? That would be highly unorthodox!” The cardinal frowned mistrustingly. “Perhaps the camerlegno lost track of time?” [Dan Brown. Angels and Demons (2000)]*

– В такое время? Если это так, то их поведение, мягко говоря, несколько неортодоксально, а камерарий, судя по всему, полностью утратил чувство времени. Кардинал явно усомнился в словах «великого выборщика». [Дэн Браун. Ангелы и демоны (Г. Косов, 2004)]

Еще одна трансформация, которая может сопровождать появление метакоммуникативного рефлексива в переводе, – появление речи от второго лица, что позволяет переводчику сделать читателя соучастником повествования:

[26] *Tonight, however, the lobby was barren and dark, giving the entire space a cold and crypt-like atmosphere. [Dan Brown. The Da Vinci Code (2003)]*

Сейчас же атмосфера тут царила, **мягко говоря**, совсем не праздничная, полумрак и пустота создавали ощущение, что **ты находишься в холодном склепе**. [Дэн Браун. Код Да Винчи (Н. Рейн, 2004)]

Результатом такого переводческого решения становится более «многоголосное» звучание текста, хотя в оригинале в приведенном фрагменте такая эксплицитная полифония отсутствует.

Сходная ситуация с появлением рефлексива в переводе при его отсутствии в оригинале наблюдается в русских переводах, содержащих рефлексив **так сказать**:

[27] “That’s all?” Teabing fired Langdon a scandalous look. “Robert, I thought you were a gentleman. You’ve robbed her of the climax!” [Dan Brown. *The Da Vinci Code* (2003)]

– И это все? – Тибинг укоризненно покосился на Лэнгдона.
– Ах, Роберт! А я всегда считал вас истинным джентльменом! Вы не сказали этой очаровательной девушке самого главного! Лишили, **так сказать**, кульминации. [Дэн Браун. Код Да Винчи (Н. Рейн, 2004)]

В тексте оригинала речь персонажа не содержит метакоммуникативного маркера рефлексии, однако такой маркер появляется в тексте перевода, обращая внимание читателя на слове **кульминация**. Отметим, что в акценте на номинации в данном случае нет необходимости, поскольку существительное **кульминация** является адекватным переводом для английского *climax* в данном контексте.

Заметим, что в русских переводах **так сказать** часто появляется в ситуации, когда повествователь определяет какое-либо понятие, или в ситуации отнесения объекта к определенной категории. Эти случаи иллюстрируют примеры [28] и [29]:

[28] *Grief, a type of sadness that most often occurs when you have lost someone you love, is a sneaky thing, because it can disappear for a long time, and then pop back up when you least expect it.* [Lemony Snicket. *The Carnivorous Carnival* (2002)]

Горе – это, **так сказать**, печаль, охватывающая человека, когда он потерял кого-то дорогого ему, и штука это неуловимая, ускользающая. Горе может на долгое время исчезнуть, а потом

вдруг возвращается, когда меньше всего этого ожидаешь. [Лемони Сникет. Кровожадный карнавал (Н. Рахманова, 2005)]

[29] *Yes. Leonardo's adopted daughter. She is also a physicist here at CERN. She and her father share a lab. They are partners. Ms. Vetra has been away this week doing field research.* [Dan Brown. *Angels and Demons* (2000)]

– Да, вы правы. Приемная дочь Леонардо. Она тоже физик, работает у нас в центре. В одной лаборатории с отцом. Они, если можно **так сказать**, компаньоны. Всю эту неделю мисс Ветра отсутствовала по своим служебным делам. [Д. Браун. *Ангелы и демоны* (Г. Косов, 2004)]

Метакоммуникативный маркер «так сказать» делает высказывание более субъективным: вместо утверждения о некотором положении вещей читатель перевода знакомится с мнением персонажа. Оценивая введение маркера рефлексии говорящего в перевод, отметим, что оба примера представляют собой случаи избыточного использования рефлексивов, поскольку они добавляют в перевод прагматический компонент неуверенности говорящего в выборе номинации, который отсутствует в оригинале.

[30] *There is much I could probably forgive, if somebody put a gun to my head, Professor Hartke, he said, but not what you did to my son.* [Kurt Vonnegut. *Hocus Pocus* (1990)]

Я многое мог бы простить под дулом пистолета, так сказать, Профессор Хартке, сказал он, Но только не то, что вы сделали моему сыну. [Курт Воннегут. *Фокус-покус* (М. Ковалева, 1993)]

В контексте [30] маркер рефлексии говорящего появляется после слов, к которым он относится; читатель узнает о том, что говорящий счел выбранный способ выражения мысли нетривиальным. Как и в предыдущих случаях, метакоммуникатив делает высказывание более субъективным по сравнению с оригиналом и добавляет в текст прагматический компонент неуверенности говорящего в выбранном способе выражения мысли.

Пример [31] иллюстрирует ситуацию появления в русском переводе рефлексива *проще говоря*. Какие смысловые компоненты он добавляет в текст перевода?

[31] *He could tell me how levers and lenses and electricity and heat and all sorts of power plants worked, and predict correctly what an experiment would prove before I'd performed it – just as long as I didn't insist that he quantify anything, that he tell me what the numbers were.* [K. Vonnegut. *Hocus Pocus* (1990)]

Он без труда рассказывал мне, как работают рычаги, линзы и электрические приборы и прочие энергетические установки, и безошибочно предсказывал результат любого эксперимента, который я еще и не начинал, – при условии, что я не требовал от него никаких определений мер и весов – **проще говоря**, не заставлял его называть цифры. [Курт Воннегут. *Фокус-покус* (М. Ковалева, 1993)]

В переводе *проще говоря* обобщает сказанное говорящим ранее, таким образом, рефлексив меняет логическую структуру речи повествователя.

Пример [32] – один из немногих случаев, когда метакоммуникативный маркер появился в английском переводе русского текста, однако необходимо отметить, что перевод выполнен носителем русского языка:

[32] *Коротаяеву взять так себе, «на бога», нечего было и думать, а упустить ее не хотел, тем более я с Грибовым на дюжину портвейна поспорил. Ну, я и начал диверсию. Зашел раз, другой. Смотрю, косится. Притом тут обо мне трепотня идет, – может, и к ней дошло...* [Н.А. Островский. *Как закалялась сталь* (ч. 2) (1930-1934)]

"I knew there wasn't much hope of catching Korotayeva with the usual bait, but I didn't want to give up the game, especially since I'd wagered Gribov a dozen of port wine that I'd do it. So I tried subversive tactics, so to speak. I dropped into her office once or twice, but I could see I wasn't making much of an impression. Besides, there's all sorts of silly talk going on about me and some of it must have reached her ears.... [Nikolai Ostrovsky. *How the Steel was Tempered* (pt. 2) (R. Prokofieva, 1952)]

В русском оригинале существительное *диверсия* никак не комментируется говорящим, поскольку для него оно не является нетривиальным способом номинации. Однако в английском тексте номинация *subversive tactics* сопровождается метакоммуника-

тивным комментарием *so to speak*, который дополнительно маркирует метафоричность номинации для англоязычного читателя.

Тенденция добавлять маркеры метакоммуникативной рефлексии сохраняется и в русских переводах немецких текстов:

[33] *Ich stellte mir vor, die Partie würde sich im leeren Raum abspielen, allein im Geiste eines gotteslästerlichen Menschen. [Friedrich Dürrenmatt. Justiz (1985)]*

Я вообразил, будто партия будет далее протекать в безвоздушном пространстве, так сказать, исключительно в мыслях этого богохульника. [Фридрих Дюрренматт. Правосудие (С. Фридлянд, 1988)]

[34] *Dann unterstrich er sie mehrmals und erklärte: „Dies also, Herr Fusi, ist das Vermögen, welches Ihnen zur Verfügung steht“.* [Michael Ende. Momo (1973)]

Несколько раз подчеркнув число, он объявил: Это, господин Фузи, ваше, так сказать, состояние, которым вы можете распорядиться. [Михаэль Энде. Момо (Ю. И. Коринец, 1982)]

[35] *Wir beide, Leo und ich, betrachteten unsere Eltern nur noch als eine Art Heimleiter Ehepaar. [Heinrich Böll. Ansichten eines Clowns (1963)]*

В ту пору и мне, и Лео наши родители все еще казались дружными супругами, стоявшими, так сказать, во главе рода. [Генрих Бёлль. Глазами клоуна (Р. Райт-Ковалева, 1964)]

Данному явлению можно предложить два объяснения. Первое объяснение связано с существующей в практике перевода тенденцией добавлять смыслы, обеспечивая понимание текста читателем. Как отмечает Л.Л. Нелюбин, «... переводчики предпочитают скорее вносить добавления для большей ясности, чем опускать что-либо для большей простоты» [Нелюбин 1983 : 153]. Однако можно также предположить, что для русскоязычной коммуникативной культуры употребление маркеров метакоммуникативной рефлексии в художественной речи является более характерным по сравнению с англоязычной и немецкоязычной коммуникацией. Данное объяснение подтверждается наблюдением над данными параллельного подкорпуса НКРЯ: при отсутствии рефлексива в тексте ори-

гинала эти метакоммуникативные единицы чаще появляются именно в русских переводах.

3. Вариативность переводов маркеров метакоммуникативной рефлексии говорящего

Выше мы уже упоминали, что перевод метакоммуникативных рефлексивов – это всегда выбор варианта из ряда возможных. Возникает вопрос, влияет ли выбор варианта на общий смысл высказывания в переводе?

Снова обратимся к контекстам:

[36] *“That the alien fabric is not dissipating as quickly as we think, but is piling up, so to speak, within the Solar system to a much greater concentration than we have been assuming.” [Isaac Asimov. The Gods Themselves (1972)]*

– Что иновселенская структура не рассеивается так быстро, как нам казалось, но, **образно говоря**, нагромождается в пределах Солнечной системы, где концентрация ее оказывается заметно выше, чем мы предполагали. [А. Азимов. Сами боги (Р. Рыбакова, 1975)]

[37] *He had written it involuntarily, so to speak, not caring a dry fig for literary fame. [Vladimir Nabokov. Ada, or Ardor (1968)]*

Он написал ее **словно бы** непроизвольно, нимало не заботясь о литературной известности. [Владимир Набоков. Ада, или Радости страсти (С. Ильин, 1996)]

Примеры [36] и [37] демонстрируют два варианта перевода английского рефлексива *so to speak*: *образно говоря* и *словно бы*. Возможным объяснением вариативности является диффузность значения метакоммуникативных маркеров рефлексии говорящего: как уже было упомянуто выше, они могут использоваться для решения различных коммуникативных задач, поэтому их конкретное значение в значительной степени зависит от контекста. То, как это конкретное значение было понято переводчиком, находит отражение в выборе переводного эквивалента.

Вернемся к вопросу, в какой степени выбор переводного эквивалента для рефлексива влияет на общее значение высказывания.

В примере [36] вариант перевода *образно говоря* раскрывает коммуникативное намерение говорящего более эксплицитно: повествователь предупреждает читателя о том, что используемая далее номинация – это образ, для понимания которого требуются дополнительные когнитивные усилия.

Примеры [38] и [39] демонстрируют обратную ситуацию: русская конструкция *так сказать* используется в качестве переводного эквивалента для немецких рефлексивов *wenn man so sagen kann* и *sozusagen*.

[38] *Grenouille sah den ganzen Markt riechend, wenn man so sagen kann.* [Patrick Süskind. *Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders* (1985)]

Греңуї, **так сказать**, носом видел весь этот базар. [Патрик Зюскинд. *Парфюмер: История одного убийцы* (Э. Венгерова, 1992)]

[39] *Und so kam es ganz von alleine und ohne besonderen Entschluss, dass sein Plan, auf schnellstem Wege nach Grasse zu gehen, allmählich verblasste; der Plan löste sich sozusagen in der Freiheit auf, wie alle anderen Pläne und Absichten.* [Patrick Süskind. *Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders* (1985)]

И так сам собой и без особого решения его план – как можно скорее достичь Граса – постепенно поблек; этот план, **так сказать**, растворился в свободе, как все прочие планы и намерения. [Патрик Зюскинд. *Парфюмер: История одного убийцы* (Э. Венгерова, 1992)]

Немецкий рефлексив *sozusagen* отражает неполную уверенность говорящего в точности подобранной метафорической номинации, что отражено в словарном описании (в качестве переводных эквивалентов словарь предлагает русские *так сказать* и *в некоторой степени*). Конструкция *wenn man so sagen kann* в этом смысле более нейтральна, она просто делает акцент на образном описании ситуации. Русский рефлексив *так сказать* может совмещать в себе обе эти функции – и указывать на необычный способ описания происходящего, и отмечать неполную уверенность говорящего в достаточной точности выбранного способа выражения мысли. Такие примеры еще раз подтверждают

мысль об асимметрии дискурсивных маркеров и их различном прагматическом наполнении в разных языках, что делает выбор переводного эквивалента достаточно нетривиальной задачей.

4. Заключение

Обобщим результаты проведенного анализа. Во-первых, контексты НКРЯ подтверждают мысль о том, что метакоммуникативная рефлексия говорящего может быть связана с потребностью оценить выбранную форму выражения мысли, необходимостью маркировать изменение способа оформления высказывания, а также желанием сделать акцент на повторном выражении мысли другим, более точным либо более образным способом.

Во-вторых, дискурсивные маркеры могут служить диагностическими единицами для изучения прагматических конвенций определенной культуры: их использование отражает представление носителей языка о том, как должен быть структурирован дискурс, каким образом регулируются взаимоотношения между говорящим и слушающим, как говорящий может управлять процессом понимания. На это указывают частые случаи появления маркеров рефлексии говорящего в русских переводах при их отсутствии в английских и немецких оригиналах: можно предположить, что русская коммуникативная культура более рефлексивна, поэтому в повествовании или в устной речи существует особая потребность в эксплицитном комментировании говорящим собственных высказываний. Поэтому переводчик может (осознанно или неосознанно) прибегать к стратегии экспликации, стремясь объяснить читателю интенцию персонажа или повествователя. Вторая причина – возможность использования этих единиц для перехода к свободному косвенному дискурсу. Как эгоцентрики такие дискурсивные маркеры позволяют менять режим речи, делая повествование более полифоничным.

В-третьих, обращение к проблеме перевода дискурсивных маркеров позволяет выявить основные стратегии перевода дискурсивов: в большинстве случаев рефлексивы переводятся с помощью конвенционального эквивалента либо дословно, причем

второй вариант, сохраняя форму оригинала, может для читателя переводного текста выглядеть несколько искусственно. В тех случаях, когда рефлексив не переводится, компонент оценки говорящим собственной речи оказывается утраченным.

В-четвертых, в силу своей полифункциональности и зависимости от контекста, метакоммуникативные маркеры демонстрируют наличие большего количества переводных эквивалентов по сравнению с другими языковыми единицами, что требует отражения в лексикографических описаниях дискурсивных единиц.

Литература

1. Баранов А.Н. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А.Н. Баранов, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. – М. : Помовский и партнеры, 1993. – 207 с.

2. Богданова-Бегларян Н.В. Конструкция (...) скажем (...) в повседневной русской речи (материалы к словарю дискурсивных единиц) / Н.В. Богданова-Бегларян // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2012. – № 2. – С. 153–157.

3. Богданова-Бегларян Н.В. Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи / Н.В. Богданова-Бегларян // Мир русского слова. – 2015. – № 3. – С. 11–17.

4. Вепрева И.Т. Что такое рефлексив? Кто он, *homo reflectens*? / И.Т. Вепрева // Известия Уральского государственного университета. – 2002. – № 24. – С. 217–227.

5. Викторова Е.Ю. Вспомогательная система дискурса / Е.Ю. Викторова. – Саратов : Наука, 2015. – 404 с.

6. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Международные отношения, 1980. – 351 с.

7. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. – М. : Метатекст, 1998. – 447 с.

8. Добровольский Д.О. Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики / Д.О. Добровольский // Национальный корпус русского языка : 2006–2008. Новые результаты и перспективы. – СПб. : Нестор-История, 2009. – С. 383–401.

9. *Добровольский Д.О.* Корпусы параллельных текстов в исследовании литературного перевода (на материале русского, немецкого и английского языков) / Д.О. Добровольский // *Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи* / под ред. Н.Д. Арутюновой. – М. : Индрик, 2012. – С. 153–162.

10. *Добровольский Д.О.* Русские лингвоспецифичные единицы, работа с ними при разных стратегиях перевода и русская конструкция *что ни говори* / Д.О. Добровольский, А.Д. Шмелев // *Вопросы языкознания*. – 2018. – № 5. – С. 34–48.

11. *Зализняк Анна А.* Опыт семантического анализа русских дискурсивных слов: *пожалуй, никак, все-таки* / Анна А. Зализняк, Е.В. Падучева // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. – 2018. – № 3. – С. 628-652.

12. *Нелюбин Л.Л.* Перевод и прикладная лингвистика / Л.Л. Нелюбин. – М. : Высшая школа, 1983. – 207 с.

13. *Падучева Е.В.* Семантические исследования. Семантика вида и времени в русском языке. Семантика нарратива / Е.В. Падучева. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

14. *Падучева Е.В.* Эгоцентрические единицы языка / Е.В. Падучева. – М. : Издательский дом ЯСК, 2019. – 440 с.

15. *Плунгян В.А.* Дискурсивные слова. 7 фактов о богатстве значений слов-паразитов / В.А. Плунгян // *Постнаука*, 2013. – URL: <https://postnauka.ru/faq/8572>

16. *Рябцева Н.К.* Коммуникативный модус и метаречь / Н.К. Рябцева // *Логический анализ языка. Язык речевых действий*. – М. : Наука, 1994. – С. 82–92.

17. *Фененко Н.А.* К проблеме лингвистической типологии реплик / Н.А. Фененко // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2017. – № 4. – С. 10–15.

18. *Шилихина К.М.* Семантика и прагматика вербальной иронии / К.М. Шилихина. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2014. – 304 с.

19. *Шилихина К.М.* Изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики / К.М. Шилихина // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2015. – № 3. – С. 120–125.

20. Шилихина К.М. Формирование функции дискурсивного маркера проблемной достоверности у словоформы *видно* в современном русском языке / К.М. Шилихина, В.В. Смирнова // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 16. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2018. – С. 65–83.

21. Шмелев А.Д. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах : возможности исследования и «подводные камни» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27–30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21) : в 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. – М. : Изд-во РГГУ, 2015. – С. 584–594.

22. Aijmer K. Understanding Pragmatic Markers: A Variational Pragmatic Approach / K. Aijmer. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2013. – 192 p.

23. Bateson G. Steps to an Ecology of Mind / G. Bateson. – New York : Ballantine, 1972. – 533 p.

24. Bellos D. Is that a fish in your ear? The amazing adventure of translation / D. Bellos. – London: Penguin Books, 2011. – 272 p.

25. Hübler A. Introducing metapragmatics in use / A. Hübler, W. Bublitz // Metapragmatics in Use. – Amsterdam: John Benjamins, 2007. – P. 1–28.

26. Hyland K. Metadiscourse / K. Hyland. – London : Continuum, 2005. – 230 p.

27. Pragmatic Markers in Contrast / ed. by K. Aijmer & A.-M. Simon-Vandenberg. – Amsterdam : Elsevier, 2006. – 269 p.

28. Pym A. Exploring Translation Theories / A. Pym. – London ; New York : Routledge, 2014.

29. Furkó B.P. Perspectives on the Translation of Discourse Markers / B.P. Furkó // Acta Universitatis Sapientiae, Philologica. – 2014. – No. 6, Vol. 2. – P. 181–196.

30. Schiffrin D. Discourse markers / D. Schiffrin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 364 p.

31. Xiao R. Word clusters and reformulation markers in Chinese and English : Implications for translation universal hypotheses / R. Xiao // Languages in Contrast. – 2011. – No. 11:2. – P. 145–171.

Научное издание

Алексеева Елена Альбертовна
Корнева Валентина Владимировна
Полянчук Ольга Борисовна
Шилихина Ксения Михайловна
Фененко Наталья Александровна

**ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА:
ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ
И РЕВЕРБАЛИЗАЦИИ**

Монография

Издано в авторской редакции

Подписано в печать 27.12.2019. Формат 60×84/16.
Усл. п. л. 8,3. Тираж 500. Заказ 780

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3